

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страницы истории	3
Жизнь и быт села Василева	15

ГЛАВА ВТОРАЯ

Песни топора	33
Не боги горшки обжигали	46
Щепной товар	57
Чудо-кони, чудо-птицы	67
Не спеши языком, торопись кочедыком	74
Вспоминая старину	82
Колокольчик среброзвонный	91

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гипюра сказочный узор	113
Из истории промысла	115
И пусть в душе родится радость	129

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

То бурлаки идут бечевой	161
Купцы, торговцы	170
Плотники – судостроители	182
В старом затоне	191
Волгари	206

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Василево, старый Чкаловск,
В прошлом древнее село,
Ты всегда мне вспоминалось
По-сыновнему тепло.

Память детства,
старый Чкаловск,
Ты – во мне, и я – с тобой...
Волга к берегу ласкалась
Набегающей волной.

Василево, старый Чкаловск,
Бас затонского гудка,
По-над Волгой расплескалась
Неба синяя река.

Солнце в небе улыбалось,
Как в счастливом добром сне.
Волга, пристань,
старый Чкаловск,
До сих пор вы снитесь мне.

Нет, душа не расплескала
Добрый свет далеких дней,
Как мираж, как Китеж,
Чкаловск
Брезжит в памяти моей.

Страницы истории

Невелик городок Чкаловск, но знают о нем не только в Поволжье, но и по

всей стране благодаря тому, что здесь родился замечательный человек, летчик-патриот Валерий Павлович Чкалов.

Статус города Чкаловск получил сравнительно недавно, в 1955 году, в тот момент, когда он был перенесен и фактически отстроен заново в связи с тем, что коренная низинная его часть попадала в зону затопления Горьковским водохранилищем. Однако за плечами этого молодого города стоят восемь с половиной веков истории древнейшего в Поволжье поселения, называвшегося в старину Василевой слободой.

Из истории древней Руси середины 12 века известно о том, что в этот период князь Юрий Долгорукий, заботясь об укреплении своего положения во Владимиро-Суздальском княжестве, заложил вдоль его границ целый ряд городов-крепостей. В их числе был и Городец-Радилов, основание которого относят к 1152 году. Городец закладывался прежде всего с целью преградить путь в пределы Владимиро-Суздальского княжества волжским болгарам, чьи опустошительные набеги то и дело разоряли русские земли. Юрий Долгорукий, закончив в основном работы по строительству детинца, в 1155 году из Городца уехал и посадил здесь на княжение своего сына Василия, который и был первым удельным князем Городецкого княжества до 1171 года. Для того, чтобы еще более прочно закрепиться в этом пограничном районе Волги и обеспечить себе тылы, князь Василий Юрьевич чуть выше Городца на противоположном правом берегу

закладывает еще одну резервную крепостцу. Посаженные здесь князем служилые люди были свободны от податей и оброка, потому и поселенье получило название Василева слобода.

Существует предание о том, как князь Юрий Долгорукий плыл с дружиной в лодьях вниз по Волге и, увидев местность, где стоял тогда Малый Китеж, был так поражен красотой и величием открывшегося взору возвышенного берега, что опустился посреди лоды на колени и, кланяясь в пояс, стал молиться Богу. «Здесь будет город заложен!»

Сын Юрия Долгорукого Василий, приглядывая место для запасной крепостцы, также не зря, не случайно остановил свой выбор именно на этом мысу при впадении реки Санахты в Волгу, где и «посадил» обживать и укрепляться своих служилых людей. По ту и по другую сторону от устья Санахты возвышались крутые, одетые в густую зеленую шубу соснового леса, горы. Располагавшийся между этими горами довольно обширный и плоский, несколько выступавший в сторону Волги мыс, показался князю очень удобным для обустройства жилья воинов-дружинников. Сама же оборонительная крепостца, по-видимому, была заложена на одной из находившихся рядом гор.

Городец и Василева слобода как самые нижние в то время русские поселения в Поволжье первыми принимали на себя удары набегов болгар. Им то и дело приходилось принимать участие к ответных объединенных княжеских походах против Волжско-Камской Болгарии.

Из-за того, что Городецкое княжество было пограничным с землями болгар, мордвы, черемисов, эту область в летописях того времени называли еще Белогородье, то есть ограда Белой Руси.

Василева слобода являлась составной частью Городецкого княжества, или Белогородья. Она была связана с Городцом тесными административными и торгово-экономическими связями, поэтому история Белогородья – это и история Василевой слободы. Ведь каждое крупное историческое событие, происходившее в Городце, самым непосредственным образом сказывалось и на жизни соседнего села собрата.

...Страшное, небывалое по своей трагичности бедствие обрушилось на Русь в зиму 1237-1238 годов. Неостановимой лавиной потекли по русским городам и весям полчища татаро-монголов, круша и сжигая все на своем пути.

В феврале 1238 года в числе многих поволжских городов был раз-

громлен и дотла сожжен Городец. Трудно сказать какая участь постигла тогда Василеву слободу, но как бы там ни было, ее жители вместе со всем народом русским более полутора веков испытывали а себе все тяготы и несчастья татарского ига.

Городец же через 2–3 года после разгрома оправился, был заново отстроен и заселен жителями. Постепенно он начал обретать свой прежний облик, силу и величие. В 1405 году согласно договорной грамоте, дошедшей до наших дней, между великим князем Московским Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) и его двоюродным дядей князем Владимиром Андреевичем Серпуховским Городец с волостями, с Белогородьем, следовательно, и с Василевой слободой, отошел «в удел и вотчину» последнему, то есть Владимиру Андреевичу. Новый владелец Городецких земель носил прозвание Храбрый. Он был героем Куликовской битвы, вместе с Владимиром Боброком возглавлял в 1380 году засадный полк на реке Непрядве, обеспечивший русскому войску победу над полчищами Мамай. Однако недолго князь Владимир Серпуховский владел и правил Городцом, в 1408 году город вторично был полностью сожжен и разгромлен, на этот раз ордами хана Едигея. После этого Городец фактически перестал существовать, он не мог оправиться в течение почти двух веков, в летописях его называли "пустой Городец". Все эти годы главенствующее положение в Белогородье занимала Василева слобода.

В 1410 году после смерти князя Владимира Андреевича Серпуховского Василева слобода переходит во владение его сыну Симеону.

В 15-16 веках города и села Поволжья постоянно подвергались разрушительным набегам казанских татар. Страдала от них и Василева слобода. Это продолжалось вплоть до взятия Казани Иваном Грозным в 1552 году. С введением опричнины Белогородье с Василевой слободой отошло Ивану Грозному, а вскоре было пожаловано им молодому его любимцу князю Василию Ивановичу Шуйскому. Оно принадлежало Шуйскому и в то время, когда он сам сидел на царском престоле в 1606–1610 годах.

После свержения В.И. Шуйского с престола в 1610 году он был насильно пострижен в монахи. Жене его Марии Петровне ничего другого не оставалось, как тоже уйти в монастырь, где по пострижении она приняла имя Елены. Выбранная ею обитель называлась Московский Вознесенский женский монастырь. В 1612 году В.И. Шуйский, будучи в заточении, скончался, Василева слобода перешла

во владение инокини Елены и принадлежала ей до 1625 года, до ее кончины. За это время село дважды подвергалось опустошительному разорению со стороны отрядов, сформированных из останков изгнанного в 1612 году из Москвы польско-литовского войска и казаков атамана Захария Заруцкого. Эти отряды несколько лет все еще мародерствовали по городам и селам Поволжья.

4 января 1615 года у слободы произошло крупное сражение, во время которого было остановлено продвижение казачьих банд в сторону Нижнего Новгорода. В сражении под руководством Д.М. Пожарского участвовали жители Василевой слободы и села Вершилова, они пришли сюда вместе с князем Пожарским. Совместными усилиями с подоспевшим отрядом конных рейтар Лыкова-Оболенского банда мародеров была разбита. Память об этом событии долго хранилась в названии места, где были захоронены порубленные в битве враги. Оно называлось «Панские бугры».

Однако победа далась нелегкой ценой. Казаки успели разорить и сжечь село, а большинство его жителей погибли в сражении. Части казачьей банды удалось все-таки бежать и скрыться в заволжских лесах. В отместку за поражение слобода была разорена казаками еще раз в 1619 году. И все же благодаря энергичным действиям инокини Елены село быстро возродилось и застроилось вновь.

В 1625 году хозяйка Василевой слободы умерла, и царь Михаил Федорович Романов пожаловал село Московскому Вознесенскому женскому монастырю «на поминовение душ Шуйских». К этому монастырю был приписан Василевский женский монастырь того же имени, ему-то и обязывала царская грамота платить подати крестьян и целовальников слободы.

Кроме Вознесенского монастыря в селе был еще один женский – Архангельский, и два мужских – Покровский и Троицкий.

В 1764 году все они были закрыты нижегородским епископом Пигиримом «за скудостию». После страшного пожара, случившегося в слободе 9 августа 1753 года, насельников в монастырях оставалось совсем немного, деревянные монастырские церкви и кельи частью сгорели, а те, что уцелели, были совсем ветхими.

По упразднении монастырей Василева слобода стала государственным экономическим селом. Теперь его жители платили подати в государственную казну. На месте прежних монастырей в память о них впоследствии построили церкви того же названия – Вознесенскую, Архангельскую, Троицкую.

Опустошительный пожар 1753 года уничтожил 500 домов, торг с лавками, амбарами и таможней, кабак, ледник, две деревянные церкви. В последующие годы жизнь в селе возрождалась медленно. О Василевой слободе 1880-х годов в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится так: «Жителей обоего пола 625, дворов 130, 4 церкви, 2 часовни, школа, 20 лавок, 4 трактира». И только появление в селе в 1883 году казенных механических мастерских по ремонту и отстою технического флота дало импульс к дальнейшему его развитию. В село приезжало много народа, чтобы устроиться на работу в мастерские. Через пятнадцать лет, в 1897 году, здесь насчитывалось уже 512 мужчин и 499 женщин – тысяча душ обоего пола.

Примерно таким и застал село Василево родившийся здесь в 1904 году будущий великий летчик Валерий Чкалов. Его отец Павел Григорьевич, затонский котельщик, тоже переселился сюда из села Высоково (теперь это улица Землячки, одна из улиц Сормова), а в 1896 году в нагорной части села поставил добротный дом. Здесь, на Горе, чаще всего и селились приезжие люди. И если в их среде все более и более крепились ростки нового уклада жизни, то в старой, коренной части села люди крепко держались патриархальных обычаев дедов и отцов.

Жителей Василевой слободы, начиная с 1620-х годов, в официальных документах постоянно называли «торговыми и всякими промышленными тяглыми людьми». И вот эти «торговые и всякие промышленные» люди исстари селились на низинном плоском мысу при впадении реки Санахты в Волгу. После неоднократных опустошительных разорений и пожаров чудом уцелевшие слобожане вновь и вновь начинали строить жилье все на этом же месте.

И опять они начинали заниматься искони знакомым делом – кто торговлей, кто ремесленничеством, кто, как тогда говорили, «волгским промыслом». Старая, коренная часть села, прилегающая к Волге, поскольку здесь жили купцы, торговцы, поскольку здесь же находились их магазины, ларьки, лавки и полки, а еженедельно по средам устраивались торги, она, эта часть, так и называлась Базар.

У берега Волги стояло пять пристаней различных пароходных обществ. А близ воды по берегу лепились друг к другу купеческие хлебные амбары. Далее, на набережной, красовались выстроившиеся в ряд белокаменные дома и магазины самых именитых василевских купцов. Неподалеку от береговой линии стояли «базарские» церкви – Вознесенская и Анастасиевская. В тихую безветренную погоду их

отражения чешуйчато дробились в волжской воде.

Однако почти все купцы исповедовали старую веру, они ходили в свою старообрядческую церковь Михаила Архангела. Несколько старообрядческих семей жили и в другой части села, что располагалась вверх по течению речки Санахты, и поскольку далее уже шли дуга, то эта часть называлась Подлужье. Большинство жителей Подлужья занимались ремесленничеством, в основном гончарным промыслом. Всю зиму над Подлужьем днем и ночью, тут и там стояли столбы дыма. Это курились вкопанные в землю горны, где обжигалась глиняная посуда. Весною она в барках отправлялась в низовья Волги, а горшечники нанимались на различные судовые работы.

* * *

«Без ремесла человек – сирота», «Ремесло пить-есть не просит, а само кормит».

Испокон веку в народе считалось необходимым смолоду обучиться какому-то рукодельному мастерству, чтобы добыть хлеб насущный и вообще средства к жизни. «У ремесла не без промысла», «По ремеслу и промысел».

У всякого человека свой способ добыть, заработать на жизнь. А бывает, что в одной местности придерживаются какого-то привычного ремесла и промысла, или же это ремесло наиболее распространено. Но необязательно одним только ремеслом промышляли люди, весьма доходным промыслом была торговля.

Доктору исторических наук профессору НГУ Николаю Филипповичу Филатову удалось разыскать в архивах несколько документов, свидетельствующих о занятиях и промыслах жителей Василевой слобода в XVII – XVIII веках. Он опубликовал их в своих статьях, книгах. Так, согласно этим документам еще в 1620-е годы Василевский купец–промышленник Василий Андреев ежегодно отпускал в Астрахань собственные струги со строевым и поделочным лесом, невыделанными кожами и глиняной посудой, а назад доставлял шелковые и бумажные восточные ткани, соль и рыбу.

Были в округе уже и в XVII веке выдающиеся каменных дел мастера. Терентий Макаров, крестьянин из-под Василевой слободы создал в 1687 – 1689 годах в царской подмосковной усадьбе Измайлово каменную церковь – Иосафа Царевича – первую барочную постройку России конца XVII века.

В документах сохранились имена жителей Василевой слободы

Ивана Чуфарова и Андрея Расторгуева, доставлявших в 1741 году из Катунки на торг Васильсурска глиняную посуду. Таможенные зачетные выписи красноречиво говорят об ассортименте и немалом объеме доставленной и проданной продукции. Так, Андрей Расторгуев продал «500 горшков синих, 2000 насолодников, 800 кувшинов мортошных и полумортошных, 300 балакирев-истопничков, 400 сковород малых и средних, 500 горшков-белоглинцев с оставнями, 1500 крышек, 20 кувшинов с носами. Кроме того, им было продано 150 коромысел водоносных, 3 четверти с осьминою ягод клюквы, 300 ковшей елевых крашенных, 200 тазов».

Каждый год в низовья Волги сплавлялось до 16 барок с глиняным и щепным товаром своего, василевского производства. Уменье, сноровка требовались, чтобы изготовить такое количество разнообразной продукции. Опыт, сноровка требовались и для того, чтобы этот товар благополучно доставить к месту торга, а потом с умом и с выгодой продать.

Чтобы сплавлять глиняный и другой товар в низовья, нужны были суда. Имелся спрос – имелись и мастера плотники-судостроители. Первоначально они строили небольшие маломерные суда – шитики, досчаники, которые продавались на слом по мере распродажи глиняной и деревянной посуды.

Когда купцы-промышленники поняли, что большой барыш можно получить от перевозок хлеба с низовьев Волги и Камы, то они стали заказывать судостроителям прочные барки многоразового использования. А чтобы провести их в обратную верховую путину требовалась рабочая тягловая сила. Так Василево стало крупным хлебоперевалочным пунктом и крупным центром бурлачества. И опять – чтобы провести благополучно судно, минуя все преграды и тяготы верхового пути, нужна была сноровка. Да еще какая!

Хлебная торговля была самым выгодным делом. Но торговали в селе и всем прочим, что требовалось для жизни – бакалеей и галантереей, железно-скобяным товаром и кожами, да и еще много чем.

Торговля, судостроение, волжский и гончарный промыслы – это были наиболее распространенные занятия васильчан. Но кто-то добывал деньги и другим способом. В селе было 6 кузниц, мельница, имелись портные и сапожники, медники, шорник... Кто занимался извозом, кто-то, как, например, каменщики, уходил на заработки на сторону.

Появление в селе в 1883 году механических мастерских по ремонту

и отстою дноуглубительного флота ощутимо изменило устоявшуюся веками жизнь села. В мастерских в первоначальный период в основном работали крестьяне окрестных деревень.

И вот эти полуграмотные или вовсе безграмотные мужики поистине творили чудеса. Через каких-то шесть лет после образования мастерских здесь был построен и сдан в эксплуатацию первый в России дноуглубительный земснаряд «Волга». Мастерские хоть и назывались механическими, но на первых порах не имели практически никакого оборудования для производства котельных работ. И тем не менее земснаряд был сделан так прочно, что проходил без капитального ремонта целых 40 лет!

Среди работников затона были люди неординарного ума, они и в свободное от работы время все что-то выдумывали, мастерили. Механик затона Николай Иванович Суханов на удивление жителей села построил прогулочный моторный катер. На досуге изготовил действующую модель паровой машины с котлом (она сейчас находится в музее Нижегородской водной академии).

Слесарь Федор Александрович Шульпин ездил в 1918 году в командировку в Казань, привез оттуда поломанный киноаппарат фирмы «Братья Патэ», отремонтировал его и стал по выходным в народном доме показывать односельчанам кино.

А другому слесарю, Павлу Ивановичу Кожину, не давала покоя мысль – сделать такую модель, чтобы после заданного ей движения, это движение продолжалось бесконечно долго. Нет, не удалось ему создать вечный двигатель, но все-таки немало мудреных, занятных моделей придумал и сделал этот самобытный выдумщик.

Талант, одаренность, если ими наделен человек, всегда найдут выход. Крестьянин Василий Иванович Прокопьев, житель деревни Жуково, что находилась от затона верстах в трех, не любил работать на земле. Его тянуло на Волгу. И вот он, самостоятельно освоив грамоту, прошел путь от помощника кочегара до помощника механика земшины. До того был дотошным, что мог любую точную технику починить – хоть манометр, хоть часы.

Славились различными ремеслами и соседние села, что сейчас входят в состав Чкаловского района, – Катунки, Пурех, Вершилово. В Катунках и торговать умели не хуже, чем в Василеве. В Москву, в другие города возили на продажу «красную» речную рыбу, мясо птицы, свинину, грибы, орехи, мед, ягоды. Сотнями пудов выпекали пряники, так же, как и в Василеве, крутили на гончарных кругах различную

посуду.

Но чем более всего славились Катунки, так это выделкою замечательного хрома – белого и черного опойка. Качество его было настолько высоким, что он через Нижегородскую ярмарку расходился не только по России, но и за рубеж. Опоек делали из привозных телячьих шкур, из коровьих и конских – грубые кожи. Из отходов кожевенного производства по деревням Катунской округи варили клей, из выскобленных с кожи шерсти и волос делали кошму.

Один из первых зачинателей кожевенного промысла крестьянин Яков Иванович Самарин знал способ выделки непромокаемых овчин, кожи. Этим же составом он обрабатывал даже и холст, и он становился непромокаемым. Только вот секрета своего так никому и не передал. Доходы Якова Ивановича были столь значительны, что он на свои деньги построил здание первого в Катунках приходского училища. А в 1835 году по его рисунку и на его средства в Нижегородском кремле в подцерковье Спасо-Преображенского собора была создана мраморная гробница К. Минина (сейчас прах Минина покоится в Михайло-Архангельском соборе).

В середине XIX века в период расцвета промысла в Катунках было 30 кожевенных, 8 клееваренных, 5 кошомных заводов.

Катунские сапожники в массовом порядке шили сапоги для царской армии. Когда же при строительстве местных храмов возникала потребность в кирпиче, в чужие края за ним не ездили, здесь издавна работали свои «кирпищики», и кирпич их был отменного качества.

Женщины вплоть до 1880 года занимались плетением кружев, и только с появлением кружев фабричного изготовления перешли на строчевую вышивку.

Еще со времен постройки Спасо-Преображенского храма знаменито было своими мастерами, своими ремеслами удаленное от Василева, от Волги верст на двадцать село Пурех. Оно стояло на старинном тракте Нижний Новгород – Ярославль. Постоялые дворы, харчевни, трактиры, питейные заведения – везде ждали и радушно встречали проезжего человека.

В селе было несколько кузниц, и в них не только лошадь могли подковать, но и изготовить замечательный инструмент хоть для ложкаря, хоть для столяра, хоть для любого другого мастерового человека. О мастерстве местных кузнецов Н.Ф. Филатов в книге «Нижегородские мастера» приводит такое почерпнутое в архивах свидетельство

СТВО:

«Корнилов Архипка – кузнец-пурешанин Д. М. Пожарского. Вместе с собратьями по ремеслу, Осипком Ивановым и Ивашком Федоровым, участвовал в первой половине XVII века в строительстве в Пурехе каменной Спасской церкви, для которой ковал не только связи и оконные решетки, но и металлические двери, украшенные тончайше выполненными просечными накладками и рельефными цветами – «жуками». В настоящее время кованые двери из Пуреха в качестве лучшего образца древнерусских кузнечных работ экспонируются в Историческом музее СССР на Красной площади».

А как красивы выкованные местными мастерами светцы! Просечные петли «жуковины», накладные ключевины для внутренних замков, коими снабжались двери и ворота амбаров, погребов поражают ум и взгляд кружевным узорочьем, затейливой фантазией изготовившего их мастера. И все это не так давно еще можно было увидеть не в музее, а в окрестных деревнях собственными глазами. Сейчас уж вряд ли увидишь...

В Пурехе и округе занимались и красильным делом, снабжая окрашенные ткани набоечным орнаментом с помощью «манер». На местный базар, на ежегодную ярмарку доставляли свой товар столяра-краснодеревщики. Кроме мебели они делали еще и вязаные оконные рамы, в том числе и мелкочаеистые для так называемых «итальянских» окон.

В середине XIX века пуреховскую округу захлестнул меднолитейный промысел.

На всю Россию и за ее пределами известен был Пурех звонкими поддужными колокольчиками.

Вершилово знаменито было мастерами- каменщиками. Из местных крестьян набирал кирпичекладильщиков в свою артель великий русский зодчий В.И.Баженов, немало монументальных каменных зданий возвели вершиловские мастера и самостоятельно. В самом селе Вершилове до сих пор стоит величественная Спасо-Преображенская церковь, построенная местными каменщиками под руководством опытного мастера-подрядчика Василия Лилекова. Лилеков отверг присланный губернским архитектором проект и выстроил церковь согласно своему понятию о мере и красоте. Правда, за самовольство едва не понес наказание, но в итоге все-таки было сделано заключение, что отступления от плана «безобразия не делают». В каждой из окружавших Василево, Катунки, Пурех деревень в

свободное от полевых работ время тоже занимались каким-либо ремеслом, добывая средства к пропитанию семьи. В ближайших к Волге деревнях плели из тала корзины, санки, дачную и судовую мебель – столы, диваны, кресла, шезлонги. Материала для этого на ближайших волжских островах было предостаточно. В пойме речки Санахты имелись залежи пригодной для гончарства глины, вот и делали в приречных деревушках глиняную посуду. В глухих лесных «медвежьих углах» точили веретена, резали ложки, точили разнообразную посуду, изготавливали прядильные гребни, деревянную игрушку, другой щепной товар.

В первые годы советской власти сельские кустари повсеместно стали объединяться в промысловые артели. Вместе с тем, чтобы после разрухи быстрее наполнить рынок и обеспечить население товарами первой необходимости, правительство не ущемляло деятельность кустарей-одиночек и частную торговлю скупленными у них изделиями.

Но вот настали годы коллективизации и промысловые артели слились в одно целое с только что образованными колхозами. Так появились промколхозы, вошедшие в систему промкооперации. В нашем районе одним из них был промколхоз им. Якова Петрова. Там занимались и сельскохозяйственным производством и производством знакомой кустарям продукции – делали глиняную посуду, плели корзины, варили клей.

Наряду с этим в селах организовывались и самостоятельные трудовые артели, они к сельским работам привлекались только в самую горячую пору – на сенокос, на уборку урожая. На таких началах в селах Белое, Новинки, Сицкое, Пурех, Катунки работали артели строчей.

В начале 1960-х годов кому-то в верхах такие артели показались черезчур уж примитивными, допотопными организациями, и вот пошла волна их объединения в государственные предприятия– фабрики. Через малое время осталась в районе одна только Чкаловская строчевышивальная фабрика с отделением в Катунках.

Еще ранее того промколхозы преобразовали в сельхозартели, или просто в колхозы. Промысловая кооперация была ликвидирована. После таких, мягко говоря, непродуманных действий огромное количество народных умельцев, мастеров и мастериц оказалось не у дел. Начался массовый отток молодых и работоспособных людей в города. Традиционные крестьянские промыслы быстро пришли в

упадок, ряд ремесел и вовсе исчез. Но «убежать» из колхоза удавалось далеко не всегда и не всем. А тем, кто там оставался, зимой заняться было совершенно нечем. Наконец, в верхах поняли, что совершили очередную глупость, и вот появилась директива о развитии в колхозах подсобных предприятий и промыслов. Вновь организуемые промыслы не всегда были исконно местными. Первой и основной целью их являлось поддержать экономику, занять работой колхозников в зимнее время.

И все же умные руководители старались совмещать, чтобы промысел был не только доходным, но и знакомым, привычным для сельчан. Вот и в наших колхозах кроме всего прочего резали ложку-белье, занимались гончарным производством, делали кухонную утварь, точили черенки и ручки к инструменту. Сегодня все это, к сожалению, кануло в Лету.

Трудные времена переживают народные промыслы. Даже о когда-то широко распространенном строчевышивальном промысле нельзя сказать, чтобы он процветал. И все же усилиями руководства, всех работниц фабрики «нижегородский гипюр», слава Богу, живет и, надо надеяться, будет жить, развиваться и дальше.

Отрадно, что в организованных несколько лет тому назад Центрах ремесел возрождаются лозоплетение и ткачество, ребята учатся мастерить солоницы и кадушки, традиционную Василевскую игрушку. Отрадно, что хотя бы некоторые из ремесел, передававшихся из поколения в поколение, не исчезнут, не умрут.

О промыслах и ремеслах, бытовавших в нашем крае в прежние годы, а также и о тех, что живут, ищут дальнейшего развития сегодня, пойдет рассказ в этой книге. Но не только о них, а и о других занятиях, о былой жизни сноровистых, тороватых на всякое дело людей, испокон веку обитавших здесь, у Волги.

Жизнь и быт села Василёва

Кроме хлеботорговли и просто торговли, кроме гончарного и судового волжского промысла,

население Василёва было занято работой на пристанях, разгрузкой барж, извозом. В старину в слободе было шесть кузниц, просорушка, две ветряные мельницы и одна водяная на Санахте, а также ветряная маслобойня. В селе имелись свои портные, сапожники, медники-лудильщики и даже часовщик. Кроме того, были и люди неопределенного рода занятий, были и нищие.

В прежнем Василеве не было ни наименования улиц, ни нумерации домов. Все жители, конечно, хорошо знали друг друга, однако же, часто не имели и понятия о настоящей фамилии даже своих соседей.

«Был в селе на всю округу один шорник. Не мудрствуя лукаво, его так и звали все – Петя Шорник, а жену его – Настя Петина. Был хороший сапожник, Яша Модный. Жену же звали Елена Прекрасная. А еще среди жителей Василева были Яков Перевозчик, Костя Бакенщик, Марья Кот, Лена Бык, Люба Крива, Медведь, Поросятник...»

Так о нравах старинной слободы и ее бесфамильных обитателях вспоминал один из старожилов Василева-Чкаловска Владимир Федорович Шульпин.

«В Василеве было много любителей устраивать и посмотреть бои петухов и гусей. На такие встречи приезжали и из ближайших сел и деревень. Ставки доходили до 25 рублей. Одновременно играли до десятка человек. Отличались в бою петухи дяди Дементия. Он выдерживал только черных петухов на высоких лапах с крепкими шпо-

рами и небольшим гребнем. Все его петухи имели кличку Огонек, чаще всего они и побеждали. Как он их дрессировал, никто не знал и не видел, но кое-кто знал, что на петушьи шпоры надевал он остро отточенные и выкрашенные в натуральный цвет стальные насадки-когти.

Распространены были азартные карточные игры на деньги. Летом больше всего играли в амбарах, а зимой по домам. Были такие дома, где всего-то внутри одна печь, стол, табуретка, подвесная лампа да старик хозяин. Больше всего играли после получки, часто проигрывали всю ее до копейки, да еще закладывали старику все, что можно.

Но были и такие, которые на игру смотрели как на заработок. Жил в Василеве дядя Вася, всякий год он повторял одно и то же: «Дрова кончаются, пойду играть в карты». И вот через неделю – две у его дома появляются дрова на целый год. А сколько было нищих стариков и старух у церквей, на базаре и бродивших по домам! Одни собирали только деньги, другие брали все, что ни подадут. Но были и такие, как старик Степаныч, как его все звали. В молодости он был хороший мастер-каменщик, от переноски кирпича испортил ноги.

С наступлением старости не мог работать, пособий никаких ниоткуда не получал, имел маленький домишко, а кормиться надо. Вот он и ходил по домам по воскресеньям и праздникам. И только по знакомым. Он не причитал, молитв не читал, а подходил к окну и обращался к хозяйке, называя ее по отчеству: «Яковлевна, матушка, подай».

Ему выносили только пирога. Если пирог не был готов, ему говорили: «Степаныч, пирог не готов. Приходи потом».

Когда принимал милостыню, кусок пирога, говорил коротко: «Спасибо» и уходил. На неделе с весны до осени он ходил по берегу Волги, собирал дрова, ловил на удочку мелкую рыбешку, в грибное время потихоньку ходил в лес».

Контрасты в жизни васильчан были разительны. Если простой люд, ремесленники ютились в низеньких домишках с подслеповатыми окошками, то купечество проживало в домах каменных, двухэтажных. В этих домах была и прислуга, и дворник, и упряжка лошадей для выезда. Василевское купечество и жило своей замкнутой, обособленной жизнью, тем более, что большинство из купцов были старообрядцами.

Зимой слобода засыпала рано. В шесть-семь часов в редких окнах горел огонек, и только сторож в длинном тулупе ходил с

колотушкой по занесенным снегом улицам.

Некоторое оживление в сонную жизнь села вносили зимние праздники – Рождество, Крещение, Масленица. Эти праздники хоть как-то способствовали общению людей разного уровня жизни. На Рождество в семьях с достатком устраивались елки, куда приглашались и дети голытьбы. На святочной неделе по селу гурьбою ходили ряженные в вывернутых наизнанку шубниках, с накрашенными свеклою щеками, с барабанами и бубнами в руках. Заходили в зажиточные дома, славил Христа, плясали и скоморошничали, получая за это рюмку водки.

В Крещение смельчаки после водосвятия, на удивление всего честного народа купались в «иордани», в проруби с ледяной водой. Поглядеть на них собирались чуть ли не полсела.

На Масленицу, как и повсеместно, пекли и ели блины со скоромным маслом, со сметаной, а кто и с зернистой икрой. Молодые люди из зажиточных семей, хвастаясь нарядами, катались вдоль села на тройках, изукрашенных бумажными цветами и цветными лентами. Кто победнее катались в обычных крестьянских розвальнях. Кто-то катался, кто-то поглядывал. Но все равно в этот день все выходили из своих хором и нор, все рады были празднику.

Немало игр и забав было в это время у Василевской молодежи и детворы – катались с гор, жгли масленицу. После масленичной недели наступал Великий пост, и вновь слобода погружалась в сон...

С нетерпением ждали васильчане теплых весенних ветров, вскрытия Волги. В середине апреля начинали уже гадать и спорить о сроках ледохода. И вот, наконец, село облетала эта радостная весть: «Волга тронулась!»

В первые дни река как бы только пробовала силы, примеривалась. Первая подвижка была всего метров 200-300. Через сутки ледяной панцирь всей массой продвигался еще на какое-то расстояние и опять замирал. И так до трех раз, после чего лед с глухим и грозным грохотом шел уже непрерывно суток пять.

Смотреть на это зрелище выходило все село. Оно радовало душу и купцу-хлеботорговцу, и матросу с купеческого парохода, и пристанскому грузчику. Каждый предвосхищал свое. И стар, и мал, все, кто только мог ходить, высыпали в это время на Воскресенскую гору, откуда все происходящее на реке было видно, как на ладони. Крики удивления оглашали толпу, если мимо проплывали сорванные со своего места напором льда банька, стог сена, лодка.

В разгар ледохода огромные льдины, напирая друг на друга, вставали на дыбы, со скрипом и грохотом ломались и рушились. Мощным, неимоверной силы напором их выпирало на берег, на них громоздились все новые и новые, образуя высоченные копры. Все это непрерывно и страшно скрежетало, грохотало и ухало. От ледохода ежегодно страдал волжский берег, его все более и более подрезало напором льда, что впоследствии приводило к обвалам и оползням.

По Волге плыли еще остатки черного унженского льда, а в затоне, на пароходах начинали уже поднимать пары, пробовали гудки, и отсюда, из затона, доносились их голоса, то басовитые и тугие, то звонкие и веселые.

На старых березах, росших по склону Воскресенской горы, деловито копошились грачи, и их несмолкаемый крик оглашал всю округу. Внизу, под горою бакенщик пробивал паклей и смолил лодку, и этот терпкий запах тоже веселил и бодрил душу.

В природе, в воздухе, во всех звуках и запахах чувствовалось пробуждение, прилив новых сил. И Волга, и люди, обитавшие возле нее, готовились к новому циклу своей жизни.

Многолюдно бывало на Воскресенской горе в Пасху. Поскольку здесь, на горе, находилась церковь Воскресения Господня (от этого и сама гора получила свое имя), то здесь проходила особо торжественная праздничная служба, а возле церкви исстари бывали шумные торжища и гуляния.

Пасха, праздников праздник и торжество из торжеств, была не в числах, но все равно попадала на эти весенние дни пробуждения природы и очищения Волги ото льда.

Едва успевал пройти ледоход, как около берега у Василева сразу же появлялись пять пристаней. Каждое пароходное общество ставило свою пристань, общество «Самолет» обычно занимало лучшее место. Пароходы снизу приходили в 6 и 9 часов вечера. Василевские мужички в праздник, в выходной, а если не было дел, то и в будний день развлечения ради любили выйти в это время к Волге, встретить и проводить пароход, поглядеть на проезжающую публику, выкурить неспеша сигарку самосада.

Женщины глазеть на проходящие пароходы не ходили, для них это считалось неприличным. Они, если выдавался свободный час, обсуждали свои семейные и женские дела, сидя на лавочке у чьего-либо дома. Любители посидеть вечером у Волги могли определить по дальнему гудку, когда еще и парохода не было видно, что за судно

спешит к Василеву. Они знали названия пароходов всех пяти обществ. И сейчас небезынтересно вспомнить хотя бы некоторые из них. Так, обществу «Самолет» принадлежали пароходы: «Князь Редя Косожский», «Князь Василий Костромской», «Федор Ярославич», «Андрей Боглюбский», «Иоанн Калита», «Юнона».

От Нижнего до Рыбинска ходили товаропассажирские пароходы общества М.К. Кашиной: «Мария», «Кашин», «Котя», «Харитина», «Вера», «Надежда», «Любовь», «Верочка», «Анна», «Аввакум». Завсегдатаи пристаней знали не только названия пароходов, но поименно знали и ходивших на них по многу лет капитанов.

Связь жителей села с Волгой, конечно же, не ограничивалась одним таким вот только «шапочным» знакомством. Каждый уважающий себя васильчанин имел свою лодку. Лодка для человека, жившего у Волги, была как бы предметом первой необходимости. Смельчаки спускали свои лодки на воду уже в ледоход, шныряли на них меж льдин, вылавливая проплывающие бревна и заготавливая в это время дров чуть ли не на всю зиму. Рыбаки в половодье отправлялись на лодках к Покровской горе, чтобы поставить там свои снасти, крылену или морду. Во время разлива тихим вечером приятно было покататься на лодке по широкому в то время устью Санахты и просто так, ради удовольствия.

Летом на лодках отправлялись на рыбалку, на острова – кто на Верхний, кто на Нижний. Там же косили сено, а ближе к осени собирали ягоды черемухи, ежевики, шиповника. На лодке ездили за Волгу по грибы, там водились отменные рыжики и белые грузди, замечательный боровой белый гриб. Ездили на болота за клюквой и брусникой.

По весне васильчане с нетерпением ожидали еще одного развлечения.

Каждый год в Николин день, 9 мая по старому стилю, на берегу Волги у хлебных купеческих амбаров проводились очень зрелищные мероприятия, посмотреть на которые собиралось опять-таки чуть ли не все село. В этот день традиционно устраивались соревнования расчетов пожарной дружины.

Василевское вольное пожарное общество существовало на добровольных началах. Пожарные назывались «охотниками» из-за того, что в пожарную команду они записывались по собственному желанию, то есть по охоте. Зарплату они не получали. Единственной мерой поощрения для них был обед в чайной с чаркой водки после

вот этих проверок готовности, а также и после тушения пожара, если таковой случался.

Обед оплачивался купцами, попечителями общества. На их деньги покупался также и весь пожарный инвентарь, и инструмент – ручные помпы, шланги с брандспойтами, бочки для воды, багры и топоры. Пожарным полагалось также и обмундирование – кожаные сапоги, брезентовые бушлаты и медные каски. Все это содержалось до поры до времени в сарае, в пожарном депо.

Такая забота о содержании пожарной дружины в надлежащем состоянии была оправдана, купечеству было что хранить от огня, а пожары случались довольно часто. Порою, они бывали настолько опустошительны, что оставляли в памяти зарубки на много лет.

В назначенный день пожарная команда всем составом в полном обмундировании и снаряжении, под звон медного колокола выезжала на базарную площадь, и там на одном из хлебных амбаров устраивались в целях учения и тренировки соревнования-маневры. Победителем признавался тот расчет, у которого струя из брандспойта появлялась быстрее и была на большую высоту.

Пожарные-охотники, люди бесстрашные, расторопные и ловкие, пользовались особым почетом и уважением жителей слободы. И это была главная плата за их бескорыстную службу.

Одним из любимых мест отдыха васьильчан в летнее время была Покровская гора, что зеленела густою шубой сосен за впадавшей у села в Волгу речкой Санахтой.

Покровская гора была окружена ореолом таинственности, овеяна передаваемыми из поколения в поколение легендами о тех временах, когда здесь стоял Покровский мужской монастырь.

Именно туда отправлялись компаниями и семьями в дни летних праздников – в Троицу, в Ильин день.

На Покровскую гору переправлялись через мост за Подлужьем кто пешком, кто в конной упряжке. Приезжали с самоварами и угощением, гоняли чай, пели песни – кто под гитару:

Слети к нам тихий вечер
На мирные поля...
Кто под балалайку:
Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет...

На горе поддерживалась идеальная чистота, после пикников за собою обязательно все убирали. Убирали валежник и сухостой, однако никому и в голову не приходило спилить хотя бы одно здоровое дерево.

В любое время года, хоть летом, хоть зимой, шумно илюдно было в селе по средам, в базарные дни. В такие дни к базарной площади, располагавшейся около Вознесенской церкви, с раннего утра стекался не только василевский люд, но и жители ближних и дальних деревень, приезжали крестьяне из-за Волги, из Городецкой и Ковернинской округи. Многие жители Василева отправлялись на базар просто ради развлечения, поглядеть, кто чем торгует, встретить кого-то из знакомых, поточить ляды. Шли, как тогда говорили, на людей посмотреть да себя показать.

Лавочки, ларьки, крытые навесом полки, тесно прижавшись друг к другу, будто ласточкины гнезда облепляли стены домов, расположенных вокруг базарной площади и по прилегающим к ней улицам. В этих ларьках и лавочках продавалось все, что только можно себе вообразить, от пуговиц и ниток, от старья и рухляди до валенок и хромовых сапог, пуховых платков и варежек. На базаре можно было купить корову и лошадь, беленое и суровое полотно, сено и дрова, всевозможную продукцию сельского хозяйства и крестьянского ремесла.

Часто торговцы раскладывали свой товар прямо на земле, подстелив рогожу или мешковину- редину.

Расторговавшись, крестьяне шли в лавку, чтобы купить те продукты, инвентарь, инструмент, которые нельзя произвести в домашних условиях. Шли в казенку, в трактир согреться чаем или чаркой водки. Если сделка бывала значительной, покупатель и продавец отправлялись в заведение распить магарыч.

оскольку эта часть села называлась Базар, то здешних жителей звали «базарскими», или «базарными». Людей живших в другой, верхней части села, на горе, называли «горскими».

Уклад жизни прибылых «горских» существенно отличался от патриархальных устоев обитателей коренной части села. Строившиеся на горе дома хоть и были деревянными, но добротными, крытыми железом, обшитыми рейкой и окрашенными масляной краской. Если у «базарских» около дома зачастую не было даже и малого клочка земли, то «горские» на своих участках разбивали обширные сады с множеством фруктовых деревьев.

Зачинщиком в этом стал затонский подрядчик Вассиан Маркович Тихомиров.

Его сад поражал воображение васильчан своими размерами. Сколько там было деревьев никто не считал, да и сосчитать их было невозможно. Вскоре после революции Тихомиров продал дом вместе с садом Василевскому учителю Панову, и сад стал называться Пановским.

У Тихомирова посреди сада стояла вышка около 15 метров, на верхней площадке ее была установлена подзорная труба для наблюдения волжских красот и просторов. Во дворе дома для детских забав были сооружены так называемые «гигантские шаги» – столб с прикрепленными к нему веревками с петлей на нижнем конце. Прodef одну ногу в петлю, а другой отталкиваясь от земли, можно было кружить, кататься вокруг столба.

По примеру Тихомирова сады стали разводить и другие селившиеся на горе служащие и рабочие затона. Так, скажем, у котельщика Павла Григорьевича Чкалова, сад тоже был не маленький – около пятидесяти яблонь.

У живших в нагорной части, были уже свои игры и развлечения: летом играли в крокет, в кегли; зимою ребята и молодежь катались на коньках, взрослые любили играть в лото. Правда, любили перекинуться и в картишки. У некоторых для этих целей были даже ломберные, обитые зеленым сукном столы. Поиграть в лото и карты собирались соседи и к П.Г. Чкалову.

Рядом с Чкаловыми жила семья багермейстера А.И. Фролищева. Александр Иванович среди сельчан слыл оригиналом. На Нижегородской промышленной выставке 1896 года он по ее окончании купил один из торговых павильонов, в разобранном виде переправил его в Василево и поставил на Горе в качестве жилого дома.

Двухъярусный дом-павильон был увенчан высокой пирамидообразной кровлей и более походил на китайскую пагоду, чем на обычный жилой дом. Поскольку свободных помещений в павильоне было предостаточно, то он нередко служил «театром» для постановки любительских спектаклей. Артистами постановок была молодежь, дети затонской элиты, да и зрителями тоже были избранные жители Нагорной улицы.

«Базарские» были прихожанами расположенной на низу у Волги Вознесенской церкви, а «горские» - Воскресенской, что стояла на Воскресенской горе. Между приходами «базарской» и «горской» церквей всегда шло как бы негласное соревнование – чей хор поет лучше, чей колокол на праздник

ударит сильней, чей костер на Масленицу горит ярче.

Колокол «горской» церкви на Пасху ударял так, что в окнах соседних домов дребезжали стекла. Его отлили в 1900 году в Балахне на средства от пожертвований затонских служащих, и весил он свыше 500 пудов. Регенты той и другой церкви стремились переманить лучших певчих в свой хор.

Не только взрослые, но и ребята села делились на «горских» и «базарских». Перед Масленицей «горские» нередко пытались своровать у «базарских» запасенное для костра топливо. Из-за этого возникала война, драки. Зимой «горские» катались на санках и лыжах с затонского съезда, «базарские» соответственно, с базарского, с Малыгиной горы. И та и другая гора были круты и длинны, ребята поменьше решались скатиться только с половины спуска.

Было и такое развлечение. Внизу горы устраивался «городок», заграждение из снега, сквозь него надо было пробиться, со всей скорости съезжая на санках. Собравшиеся у «городка» ребята бросали вдобавок еще в смельчаков снежками.

Катались кто на чем. У ребят из зажиточных семей санки были кованными из железа с мягким сиденьем. Некоторые катались на самодельной «козе», широкой лыжине с прикрепленной к ней ручкой. Низ лыжины обматывался коровьим навозом, когда он на морозе заледеневал, то эта стекло-видная поверхность обеспечивала отличное скольжение.

У кого не было ни санок, ни «козы», катались на ледышах. Они вырубались из волжского льда, имели яйцеобразную форму. Внутри, чтобы можно было усесться, выдалбливалось углубление. В передней части ледыша продавливалось отверстие для веревки, за которую этот «боб» поднимался в гору.

Если не было и этого, в ход шла любая дощечка, или, на худой конец, школьный ранец.

Среди жителей Василева было несколько человек, интересы и увлечения которых выходили за рамки общепринятых, обывательских.

Так, в годы предшествующие первой мировой войне в селе было, по меньшей мере, три человека, занимавшихся фотографией на хорошем профессиональном уровне. До наших дней дошли поименованные или подписанные фотографии И.В. Попова, А.Голикова, В.И. Чуфарина, В.Г. Ефимова.

На одном из снимков И.В.Попова датированном 1910 годом, запечатлена панорама Василева со стороны Санахты.

Фотография выполнена с таким качеством, какое и сейчас доступно не всякому мастеру. Далеко не рядовое событие запечатлено на фотографии

А.Голикова – снятие крестов и сожжение престола Анастасиевской церкви в 1913 году, перед ее разрушением.

Церковь тогда разобрали в надежде построить новую, более просторную. Однако последовавшие за этим первая мировая война, революция, гражданская война не позволили осуществить задуманное.

Был в Василеве и еще один энтузиаст фотограф. На ряде его фотографий поставлен штемпель: «Фотографъ любитель Василий Ильичъ Чуфаринъ». Все они, несмотря на то, что автор скромно называет себя любителем, сделаны очень даже профессионально, аккуратно наклеены на красивые пастарту и хорошо сохранились – не выцвели, не поблекли.

Кроме фотографии, В.И. Чуфарин занимался еще и демонстрацией так называемых «туманных картинок», используя для этого примитивный аппарат, что-то вроде эпидиаскопа.

Эти картинки он показывал ученикам в начальной школе, посетителям «театра» Фролищева и даже в тех амбарах, где мужики играли в карты.

Как фотографа Василия Ильича привлекали сюжеты, примечательные чем-то необычным, неординарным, стоящие того, чтобы их запечатлеть. В числе этих сюжетов – разлив Волги и Санахты в половодье, сцены торговли в базарные дни, групповой снимок затонских служащих, сделанный в день двадцатипятилетнего юбилея затона. На одной из фотографий, помеченной 10 мая 1909 года В.И. Чуфарин снял момент показательных маневров Василевской пожарной дружины. Пожарные забрались с брандспойтами на крышу хлебного амбара, вид у них боевой и бравый.

Но снимок интересен еще и тем, что здесь запечатлено не менее полусотни васильчан, собравшихся, кто поучаствовать, кто поглядеть, а кто и проконтролировать учения.

Оценить готовность пожарной команды пришли купцы Рукавишников, Мальтин, Винокуров, торговцы Сонин, Проскуряков. На первом плане – дородный, в долгополой шинели урядник Рубинский. Здесь же люди простого и среднего сословия – плотник Козлов, кузнец Частов, маляр Честкин, портные Садилов и Морозов, горшечник Щепетов, много рабочих и служащих затона.

Каждый из этих людей был чем-то интересен, то ли своим ремеслом и занятием, то ли какой-то особенностью характера.

В числе прочих сельчан, увековеченных фотокамерой В.И. Чуфарина, скромно стоит человек невысокого роста – это Михаил Степанович Каманин, отец известного художника-пейзажиста А.М. Каманина.

Незаурядным самородным талантом обладал Михаил Степанович. Он был регентом, руководителем хора певчих Вознесенской церкви. В его за-

дачу входило прежде всего сформировать хор, найти людей кто бы любил и умел петь. В хор входили и дети и взрослые. В числе певчих были Антон Щепетов и супруга его Анна Егоровна, гончар Василий Свилев, которого попросту звали Вася. Вася любил «заложить за воротник», был грубияном, но ему прощалось все за его голос – у него был прекрасный бас, более того – Вася знал нотную грамоту.

Немало такта и дипломатии требовалось употребить Михаилу Степановичу, чтобы удержать в хоре наиболее способных певчих. В этих целях, всякий год в день Михаила Архангела устраивал он у себя дома праздник собственных именин, куда и приглашались все хористы. Домик у Каманина был маленький, тесновато было гостям. Но ничего, в тесноте – не в обиде. При застолье было много веселья, песен, шуток-прибауток, импровизированных сцен.

Михаил Степанович старался, насколько это было возможно, освежить церковный репертуар. В поисках новых церковных хоровых произведений он ездил по поволжским городам и селам, и ему как человеку доброжелательному и общительному всегда шли навстречу. Михаил Степанович хоть и был немного туговат на ухо, но музыкальный слух у него был абсолютный, и хор он слышал превосходно.

В 1920-е годы церковный хор распался, да и сама церковь вскоре была закрыта. Местные власти посчитали, что М.С. Каманин был служителем культа, и их семья была причислена к «лишенцам». Николай Александрович Маркин, ныне заслуженный художник России, лауреат Государственной премии СССР, почетный гражданин Чкаловского района, в начале 1950-х годов, будучи студентом художественного отделения ВГИКа, проходил практику по специальности в хорошо знакомом, дорогом сердцу Чкаловске. Перед затоплением поселка Горьковским водохранилищем он во многом сохранял черты старинного поволжского села Василева. Его облик запечатлел художник в десятках акварелей и рисунков.

Они были лишены права голоса на выборах, а также ограничены в других правах.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, все четверо сыновей М.С. Каманина стали ее участниками. Двое из них домой с войны не вернулись. Двое других стали художниками.

Александр Михайлович Каманин, известный пейзажист, первым среди художников Нижегородчины получил звание народного художника России. Заслуженный художник Российской Федерации Сергей Михайлович Каманин многие годы был профессором, заве-

дующим кафедрой живописи Всесоюзного государственного института кинематографии.

Разнообразными талантами славилось в селе семейство Чуразовых. Первый из поселившихся в Василеве Чуразовых, Матвей, плавал на казенном пароходе «Ливадия». Его сын, Василий Матвеевич, был в свое время одним из лучших лоцманов по всей Волге. Именно он построил дом, который и по сию пору стоит на улице Степана Халтурина. У Василия Матвеевича было пятеро детей: сыновья – Александр, Дмитрий, Иван и дочери – Александра и Елизавета.

Александр Васильевич и Иван Васильевич по семейной традиции плавали на волжских судах в командных должностях. Оба они пели в хоре Воскресенской церкви, у одного был тенор, у другого бас. Оба обладали незаурядным актерским талантом, участвовали в самодеятельных постановках. Когда в Василеве появился народный дом, Александр Васильевич там организовал и возглавил драматический кружок.

Дмитрию Васильевичу удалось выбраться из провинциального болота, он уехал в Москву, там пел в разных церковных хорах. Приезжая навестить родственников, пел и в родном селе в рабочем клубе имени Я.Петрова. Одна из дочерей Василия Матвеевича, Елизавета, несколько лет состояла в качестве бонны, воспитательницы детей, в богатой семье московских купцов Тагиевых. Вернуться в Василево ее заставили события, связанные с началом первой мировой войны. За время пребывания в Москве Елизавета Васильевна окончила курсы кройки и шитья. Всю свою жизнь она была искусной мастерицей-швеей, и в течение всей жизни верой и правдой служила ей швейная машина «Зингер».

По семейным преданиям, что еще живы в памяти его родственников, Иван Васильевич Чуразов в молодости был участником кругосветного плавания на корвете «Разбойник», где проходил службу в чине унтер-офицера. Когда команда корвета находилась в Греции, греческая царевна подарила Ивану Васильевичу часы, евангелие и книгу «Города мира». С экипажем корвета И.В. Чуразову действительно довелось побывать во многих городах мира и увидеть их воочию. Он был в Австралии, Китае, Японии, Индии и оттуда посылал домой открытки с видами мест, по которым проходил путь следования корвета.

Вернувшись из путешествия в 1891 году в Василево, Иван Васильевич сразу же решил жениться. В то время ему было 30 лет. На свадь-

бе было никем не виданное доселе угощение – бананы, привезенные им из «теплых стран». Дом свой И.В. Чуразов поставил во дворе, на задах родительского дома. Он также в целости сохранился по сие время.

У потомков И.В. Чуразова долго сохранялись как семейные реликвии муаровая лента с шитым золотыми нитками названием корвета «Разбойник», карманные часы в футляре, книга «Города мира», евангелие. Хранились и дневники, которые он вел во время путешествия, а также переписанные от руки различные пьесы, роли в которых играл Иван Васильевич.

Брат его, Александр Васильевич, был в числе тех смельчаков, что на Крещение, после водосвятия, купались в проруби. Трижды окунется, сразу в тулуп и, приговаривая: «Эх, жжет не хуже кипятка!» – домой.

В начале прошлого века в Василеве жил еще один самобытный и разносторонне одаренный человек, один из тех, что составляли своеобразный культурный пласт провинциального села. Владимир Иванович Чупрунов был служащим Василевского затона, работал там на разных должностях. Но интересен был прежде всего как художник, в те годы он был единственным в селе человеком, кто занимался рисованием и живописью всерьез и систематически.

В.И.Чупрунов был человеком приезжим. В Василево он прибыл с семьей из Павлова, прослышав о неплохих заработках в здешних мастерских. В молодости ему довелось немного поучиться в Петербургской академии художеств, однако трудные семейные обстоятельства заставили бросить учебу. Но любовь к искусству он хранил и лелеял в душе всю свою жизнь.

Некоторое время В.И.Чупрунов работал в затоне кузнечным мастером, но поскольку у него были незаурядные способности к архитектурному проектированию, то он впоследствии был переведен на должность техника-чертежника. Им выполнено немало проектов зданий, цехов и различных сооружений для затона и рабочего поселка.

В 1913 году в честь 300-летия дома Романовых в затоне решили построить триумфальную арку.

Проект арки поручили сделать В.И. Чупрунову. Владимир Иванович употребил в дело всю свою фантазию и талант. И сам проект, выполненный с удивительной аккуратностью и изяществом, и фотографии, построенной по этому проекту арки, сохрани-

лись до наших дней.

В.И Чупрунов по каким-то причинам не хотел строить собственного дома, видимо, не желал обременять себя лишними заботами.

Он снимал для семьи комнату у жителей села. В комнате, где он квартировал, в углу стоял большой стационарный мольберт. Когда позволяли погода и время, Чупрунов выносил этот тяжелый мольберт на улицу, на задворки дома и там под открытым небом писал акварелью, а то и маслом покосившиеся старые сарайчики с прикрепленными к ним скворечнями, рисовал деревья и кусты, листочки и цветочки.

Соседи-сельчане смотрели на это с удивлением, как на какое-то чудачество, однако Владимира Ивановича любили и уважали, видя и чувствуя в нем «искру божью». По праздникам и в выходные дни Владимира Ивановича приглашали в гости, но в гостях он выпивал лишь один стакан чая, а потом садился в укромном уголке и зарисовывал в карманный альбомчик всех присутствовавших. «Владимир Иванович! Иди в карты играть! Поужинай с нами, рюмочку выпей!».

Тот отвечает: «Вам ведь в карты играть от скуки, от нечего делать. А мне не скучно, я делом занят!». Так и просидит весь вечер.

Кроме набросков односельчан, В.И.Чупрунов в свои альбомчики зарисовывал суда, пароходы и баржи, стоявшие в затоне, делал наброски различных жанровых сценок, увиденных им на улице, рисовал сами улочки и домишки села, окрестные деревни. Сюжеты, которые ему представлялись наиболее значительными Владимир Иванович рисовал на отдельных листах большего, чем альбомный, размера. Рисовал акварелью, а потом прорабатывал рисунок тушью тонким перышком. Это были уже законченные станковые работы, их художник заключал в пастарту под стекло и вставлял в рамы. Они и сейчас восхищают ювелирной тщательностью и любовностью исполнения.

Время от времени Владимир Иванович затевал и картины довольно большого размера и писал их уже масляными красками на холсте. Сюжеты и темы как акварельных, так и масляных работ – виды Василева с церквями и базарами, с его уютными улочками и переулочками, портреты односельчан. Это и Волга с караванами судов, запечатленная то во время весеннего разлива, то ночью, то вечером, это и различные жанровые сюжеты.

Провинциальный художник Владимир Иванович Чупрунов как мог, как умел, стремился отобразить, запечатлеть окружающую его

жизнь и людей.

Рассматривая его сохранившиеся работы, как бы переносишься на целое столетие назад. В них так и чувствуется своеобразный аромат того времени, атмосфера жизни и быта старинного села, каким было Василево.

В 1917 году в Василеве открылось так называемое высшее начальное училище с программой обучения близкой к нынешней средней школе. В.И. Чупрунова пригласили по совместительству с основной работой преподавать в училище черчение и рисование. В числе его учеников было немало способных, одаренных ребят, увлеченно занимавшихся рисованием.

Самым способным, самым талантливым оказался Александр Каманин, о котором уже упоминалось чуть выше. Он наиболее чутко и наиболее полно воспринял заветы и наставления В.И. Чупрунова. А.М. Каманин через всю свою жизнь пронес память о бескорыстной любви к искусству старого школьного учителя.

В начале 1920-х годов ученики старших классов высшего начального училища, или, как его еще называли, школы второй ступени, под руководством преподавателей участвовали в постановках различных спектаклей на сцене народного дома. На «ура» шли пьесы Гоголя, Чехова, Островского. Часто в не очень-то вместительном помещении народного дома все желающие посмотреть спектакль не убирались, и его приходилось повторять. Особенным успехом пользовались постановки по пьесам Гоголя «Ревизор» и Островского «Бедность не порок».

В последней постановке участвовал юный Валерий Чкалов. В 1918 году, вернувшись из Череповецкого училища из-за разрухи в стране домой в Василево, он некоторое время посещал школу второй ступени, потому и попал в число артистов. В пьесе «Бедность не порок» Валерий играл роль Любима Торнова. Современникам запомнилась его игра, запомнилась с особенным артистизмом произносившаяся фраза: «Шире грязь – Любим Торнов идет!».

Декорации к спектаклям, а также все их оформление выполняли все те же ученики школы под руководством В.И. Чупрунова.

С 1918 года в народном доме стали показывать кино. Осенью этого года председатель затонкома Федор Александрович Шульпин после поездки в командировку в Казань, привез оттуда старый киноаппарат фирмы «Братья Патэ» и восстановил его своими руками. Сбоку к зданию народного дома была пристроена киноподставка. Поскольку в

киноаппарате кроме Ф.А. Шульпина никто не

разбирался, то ему пришлось взять на себя и обязанности кино-механика. Желающих посмотреть кино было хоть отбавляй. Каждый фильм показывался по нескольку дней. И так наряду с основной работой в затоне Ф.А. Шульпин был первым киномехаником Василева вплоть до 1926 года.

В народном доме становилось год от года все теснее. И вот, в начале 1922 года на рабочем собрании затона было принято решение о переоборудовании одного из домов, до революции принадлежавших купцу Малыгину, в рабочий клуб. Проект реконструкции выполнил опять таки В.И. Чупрунов. После проведенного переоборудования клуб имел зрительный зал на 450 мест, два фойе, библиотеку с читальным залом, комнаты для игр и радиолюбителей, помещения для занятий кружков, большой спортзал. Клуб был открыт 7 ноября 1923 года в честь 40-летия Василевского затона, ему было присвоено имя Якова Петрова, убитого в 1918 году во время «хлебного» мятежа.

Теперь вся культурная жизнь села была сосредоточена именно здесь. Для комсомольцев и молодежи села клуб стал вторым домом. С еще большим успехом стали проходить здесь спектакли. Кино демонстрировалось под сопровождение фортепиано. Когда на экране происходила драка, звучал резвый фокстрот, если целовались влюбленные – играли томный вальс, а когда страсти достигали предела – звучало душещипательное танго. Таперами были Владимир Михайлович Горшков, в предвоенные годы – Леонид Заяркин.

Заяркин был разносторонне одаренным человеком. Он, окончив художественное училище, вернулся в Василево, стал работать в рабочем клубе художником-оформителем. Помпезным, нарядным бывало оформление клуба в дни праздников, когда все стены его снаружи и изнутри пестрели плакатами и лозунгами агитационного характера. Снаружи вывешивался портрет И.В.Сталина в рост, во всю высоту двухэтажного здания клуба. Особенно нарядно, шумно и весело было в клубе в дни выборов. Кино, концерты, выступления агитбригады «Синяя блуза», суета и суетолака в течение всего дня...

Клуб имени Якова Петрова стал стартовой площадкой, началом пути в большую жизнь для профессора ВГИКа, заслуженного художника России С.М. Каманина.

Здесь он, будучи пятнадцатилетним пареньком, вел занятия изокружка. Отсюда, по путевке затонкома уехал учиться в Ярославское художественное училище.

Василевскую молодежь привлекали и занятия в спортивном зале

клуба. Популярными были гиревой спорт и акробатика. Выступления гиревиков и акробатов непременно включались в праздничные концертные программы. С большим успехом на сцене клуба выступал с сольными концертами житель Василева скрипач Яков Михайлович Завьялов.

Ни один праздничный концерт не обходился и без музыки духового оркестра, сформировавшегося еще в народном доме.

Навестить клуб приходил и В.П.Чкалов во время своих приездов в родное село. Выступления его перед земляками проходили около клуба, потому что желающих его послушать не мог вместить никакой зал.

В 1927 году Василево стало рабочим поселком, а в 1937 году сменило имя и стало Чкаловском. После гибели В.П.Чкалова в 1938 году было принято решение построить на его родине в его память дом культуры, что и было осуществлено в очень короткий срок. В 1940 году Дом культуры им. В.П.Чкалова, замечательное сооружение, построенное по проекту архитектора А.Яковлева, гостеприимно распахнуло свои двери к услугам жителей уже не Василева, а Чкаловска.

И все-таки жизнь поселка во многом сохраняла черты былой патриархальности. По-прежнему все его жители хорошо знали друг друга. Почтальонша Юлия Ивановна Ражева, женщина тучная, чтобы не трудить больные ноги, с сумкой, полной корреспонденции, шла не по улицам, а на базар. Поставит сумку на прилавок и начинает окликать:

– Василий Иваныч, занеси-ко, пойдешь домой, Марье Петровне письмецо!

– Ну, ну. Давай, занесу.

– А ты, Евдокия Евлампьевна, Тимофею Федорычу газетку сунь в ящик!

– Ну, ну. Давай, суну.

Так, глядишь, за малое время полсумки и опорожнит.

По улицам поселка ходили точильщики с тяжелым станком на плече и, заглядывая в окна, выкликали:

– Ножи, ножницы точить!

Ходили лудильщики:

– Кастрюли, ведра лудить!

И только после образования водохранилища, после великого переселения жителей поселка на новое место как-то враз перестали ходить по улицам старьевщики, лудильщики, точильщики. Еще бы! Чкаловск как-никак стал городом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревенька каждая,
Каждое село
Знали раньше разное
Дело – ремесло.

Где кадушки делают,
Где долбят лотки,
Где стучат умелые
В кузне молотки.

Там посуду тонкую
Крутят гончары,
Ладят избу звонкие
Братцы-топоры.

Девки работающие
Прядево прядут,
Русскую, щемящую
Песню заведут.

Рук умельством славится
Русский человек.
Нить ремесел тянется
В двадцать первый век!

Песни топора

В старину русский человек всегда старался селиться возле реки да возле леса. Так и говорилось раньше:

– Возле лесу жить – голоду не видать. Сосна кормит, липа обувает. Лесная сторона не одного волка, и мужика прокормит.

Да, лес, богатый дичью, медом, грибами и ягодами, в буквальном смысле слова кормил мужика. Но как понять слова пословицы – «сосна кормит»? А вот как. Сосна самая что ни на есть деловая древесина. Из сосны все жизненно важные строения сооружались – изба и церковь, мельница и острог, крепостное заграждение и мост, сторожевая башня и колодец. Да много еще чего. Древододелы, которые возводили все эти сооружения, работали не за здорово живешь – им платили денежку. Вот так и кормила сосна человека.

Разумеется, любой крестьянин, живя у леса, умел владеть топором, сама жизнь к этому принуждала. В хорошем хозяйстве топор был чуть ли не главным инструментом. Сосед у соседа мог взять займы денег, хлеба. Но вот идти просить топора считалось зазорным. Топор у всякого хозяина должен быть свой. Да хороший хозяин и не даст своего топора никому, бережет его пуще глаза. Топорище у доброго мастера подогнано по своей руке, лезвие топора отточено так, что бриться можно. Топор ему, мастеру, и друг-товарищ, и кормилец.

В проворных, умелых руках топор как бы сам собою ходит, да еще и приговаривает:

– Кабы не было топора, топиться давно пора. Не соха платит оброк, а топор. Топор – всему делу голова.

Плотник «кормильцу» не перечит, но больно-то уж и зазнаваться не дает:

– Кто сроду не тёсывал – гладко не обтешет. И липу тесать – мастерство казать. Не топор тешет – плотник.

Вот так за разговорами, глядишь, и вышла из-под плотницкого топора еще одна изба добрым людям на загляденье. С красной горницей, с широким двором. Причелина, ворота, крыльцо затейливой резьбой украшены. Вверху светелка, будто кокошник узорчатый, а с боков по причелинам – серьги. Не изба – невеста под венец вырядилась! А плотнички срубили избу, да и дальше, в другую деревню, в другое село пошли.

– С топором весь свет обойдёшь!

Одному, понятное дело, избы не поставить. Избу ставит артель. А в артели работают плотники первой, второй и третьей руки.

Плотник «первой руки» – самый опытный, самый умелый мастер. Он верховодит артелью, руководит работами. Он рядится с хозяином в цене. А главное – топором владеет лучше всех; он рубит угол, вставляет косяки, делает лавки, голбец, наличники, режет орнамент на досках.

Плотник «второй руки» стелет и плотит полы, тешет стены, собирает потолок. Остальные плотники выполняют работы по указанию старшего.

Но вот сошлись в цене, ударили по рукам. После этого от обговорённых условий нельзя уже отступить и на шаг. В назначенный день является артель, и хозяин выставляет «обложейны» – такая уж выпивка положена при закладке избы.

На другой день с утра пораньше помолятся плотники на образа, а в бороды буркнут:

– Бог-то бог, да и сам будь не плох. Поплюют в ладони – и за топоры.

Ставят избу из спелой, зимой заготовленной сосны. Избняк называют этот лес. Вот вырублены «чашки», вот начали заставлять избу, и тогда кладёт хозяин под красный угол серебряный рубль для богатства, шерсть для тепла, ладан для святости.

Работает артель, щи хозяйские хлебает да прихваливает, кашу мазаную ест, да припрашивает.

Пришло время закладывать балки – выставляет хозяин «балочные». Завершили сруб – выставляет «коневые». Щедрому хозяину по окончании работ еще и скворечню резную приделают плотники под

коньком. А если не потрафил, поскупился да не угостил досыта – добра не жди. Незаметно для глаза где-нибудь под причелиной упрячут бутылочное горло, и будет изба по зимним ночам выть-завывать, словно нечистая сила.

Около четырех недель требуется артели, чтобы поставить избу в три окна.

Однако нанять артель для строительства избы далеко не каждому хозяину было по карману. Одна только резьба причелин и карнизов выливалась в копеечку. В 1880-х годах за погонный аршин резьбы мастер брал 80 копеек. На богато убранной избе резьбы было до 150 аршин. Мастеру причиталось около 120 рублей. Корову же, например, в то время можно было купить за 15-20 рублей. Поэтому-то не так уж много их и было, спетых топором деревянных песен.

Крестьяне победнее ставили избу из заготовленного заранее леса «миром», приглашая соседей на «помочи», в один день. Такая изба и называлась обыденной.

Однако и эти избы бывали срублены крепко и прочно. Да даже и в обычных постройках крестьянской усадьбы – амбар, баня, погреб, даже в устройстве простой, соломой крытой крыши – везде заметны простые и умные, выработанные не одним поколением, не в одно столетие приёмы обращения с деревом. Сруб срубить – и то на всякий раз свой способ: тёплые строения рубят в угол, или в обло. Холодные, или холостые, – в крюк, в лапу чистую, в охряпку, или в лапу прорезную. Гвоздю плотник редко доверяет и без гвоздя умеет сплотить ладно да крепко. Кстати, и само слово «плотник» пошло от того, что человек этот сплавивает, плотно соединяет брёвна и вообще все части строения.

Продольные пилы при постройке изб стали применять только в начале XIX века, но из-за дороговизны и редкости этих пил они долго еще не имели широкого применения, а плотник так и ставил избу с одним топором.

– Топором отрубил, как пилой отпилил.

А тес оттого и зовётся тёсом, что его из расщеплённого клиньями дерева топором тесали. В позднейшие времена у плотника, конечно же, были и другие инструменты – уровень и отвес, двурушная пила и ножовка, рубанок и фуганок, свёрла, пёрки, долота, стамески, клюкарзы... Ведь узоры на фронтоне избы, на причелинах, понятное дело, вырубали не топором, а долотами различного фасона и крючкообразными резцами-клюкарзами.

Вот вырубит резчик раскудрявую русалку-фараонку, вложит ей в руку плавно извивающуюся виноградную ветвь, а на другом конце ветви уложит спать гривастого льва. Улыбается лев, видно снится ему милая жаркая Африка...

Всё это, однако, только лишь присказка, а сказка – впереди. И будет сказка о памятниках деревянного народного зодчества, что бытовали когда-то на территории нашего района. Сейчас их, можно сказать, совсем не осталось. Виной тому и беспощадное время, и недолговечность дерева как материала, и небрежение людей, не умевших понять ценности искусства крестьян-древоделов. Однако это вовсе не означает, что об этих памятниках и говорить, и вспоминать не надо. Не претендуя на научность изложения, автору очерка захотелось поделиться теми сведениями о памятниках плотницкого искусства, которые ему довелось почерпнуть в разное время из разных источников, а кое-что ему удалось всё-таки ещё и застать, увидеть своими глазами.

И если начинать по порядку, то самым древним памятником деревянного зодчества в нашем крае была усадьба князя Дмитрия Михайловича Пожарского в селе Вершилове. Большому знатоку истории Нижегородчины, доктору исторических наук Николаю Филипповичу Филатову удалось в архивах разыскать редкий документ – опись усадьбы Д.М. Пожарского 1647 года. В ней, в частности, говорится: «Да в селе Вершилове двор боярской, а на том дворе хором: горница тройня да горница столовая, промеж ими повалуша о трёх жильех да на задуге две горницы белые да горница чёрная на подклетах, промеж ими сени с переходами да погреб да ледник с напогребицами да конюшня 20 стойл, поварня да изба поваренная да около двора забор, да за двором сад, а в нём яблони да вишни, да двор людской, а в нём жили прикащики, а на дворе две избы да конюшня да погреб с напогребицею».

Конечно, воссоздать зримо весь ансамбль дворцовой усадьбы по одной описи затруднительно. Однако же ясно одно – это был редкий по красоте и архитектурно-художественному своеобразию комплекс из жилых строений, двух церквей, где были все необходимые условия для жизни самого князя, его семьи и челяди.

От усадьбы Д.М. Пожарского давным-давно уже не осталось никаких материальных свидетельств. Но вот рядом с Вершиловом находится село Милино, и там – даже уму непостижимо каким образом – сохранилась деревянная церковь, построенная в 1780 году. Это един-

ственный во всей округе образец храмового деревянного зодчества. Церковь Покрова срублена из двух восьмериков на четверике с двумя невысокими прирубами – алтарем и трапезной, составляющих единый объём.

В середине XIX века церковь «модернизировали» – стены обшили тёсом, кровли покрыли железом и рядом с нею поставили колокольню. За многие годы церковь, конечно же, сильно обветшала, однако при желании вполне подлежит реставрации, да вот только желания такого пока ни у кого нет...

Известно, что в самом Василёве до середины XVIII века существовали четыре монастыря. Как они выглядели внешне – сказать трудно. Несомненно одно – все они были деревянными. В архивах сохранился рисунок нижегородского архитектора Льва Владимировича Даля с одной из церквей Василёвой слободы. Рисунок сделан в 1869 году, а церковь не исключено, что сохранилась с тех давних, монастырских времён.

Это характерная вообще для всего среднего Поволжья XVIII века клетская церковь с двумя прирубами – алтарём и притвором, окружённая галереей, с одной главкой на коньке моленного зала.

Что касается жилых строений, относящихся к XVIII веку, то их, хотя и крайне редко, можно было встретить даже и в начале XX века.

Большому знатоку, известному исследователю народной архитектуры Михаилу Петровичу Званцеву в 1927 году в селе Михайловском, что за Пурехом, посчастливилось увидеть и сфотографировать крестьянскую избу, просто поразившую его своей древностью. Фотография дома приводится в книгах М.П. Званцева «Народная резьба» (ГКИ, 1957) и «Нижегородские мастера» (Горький, ВВКИ, 1978). Автор относит эту постройку к XVIII веку и утверждает, что наличник «красного» окна избы по своему типу восходит аж к допетровским временам.

В книге И.В. Маковецкого «Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья» (М., 1952) приводится описание и план еще одного очень древнего жилого строения из деревни Вашкино, дома, принадлежавшего когда-то Аксинье Осиповне Лоховой.

На плане дома А.О. Лоховой наглядно видно расположение всех составных частей строения, поэтому его стоит воспроизвести (см. рисунок).

Дом имел традиционное для XVIII века – первой половины XIX века трёхчастное деление. В жилой избе с тремя окнами по фасаду

размещались печь с голбцом, полати, лавки, стол, божница. Окна – одно центральное, косячатое, и два боковых, волоковых. Сени соединяли избу с двором, холодной горницей и крыльцом. В сенях находились чуланы, хлебные лари с сусеками, хозяйственная утварь. Автор отмечает оригинальность оформления дверей в избу, в горницу и чулан, а также резьбы на причелинах высоких фронтонов и на торцах выступающих бревен.

Двор располагался рядом с избой сбоку, такое расположение называется «в два коня».

Хозяйка дома автору книги рассказывала, что при ремонте избы отпилить часть сруба обычной пилой не удалось до тех пор, пока бревна не были распарены кипятком. Сейчас встретить дом такой древней конструкции в его естественной среде, то есть в деревне, а не в музее под открытым небом, величайшая редкость.

Они, эти древние избы, если каким-то чудом и уцелели, то искажены позднейшими переделками до полной неузнаваемости. Причин этому несколько, это и недолговечность дерева как материала. Это и то обстоятельство, что в таких избах после войны оставались жить солдатские вдовы. Содержать и отапливать такое большое строение им было трудно, и они перестраивали, окорачивали свои избы. Потом вдовы умирали, и их дома разбирали на дрова. Если же бывали наследники, то они уже жили в городах, и старые избы продавали дачникам. Дачники же, естественно, перестраивали их на свой вкус и лад.

В 1970-е годы мне все-таки удалось еще застать и сфотографировать избу «на самцах» в деревне Овчинкино, когда она сохраняла многие черты своего первоначального вида. Дому уже и в то время было не менее полутора веков, а может и больше.

Нижние венцы его когда-то давно подгнили, и под дом был подведен ленточный кирпичный фундамент, да и он уже выглядел далеко не новым. Подгнили и были убраны бревенчатые желоба-водостоки по краям крыши, а также поддерживавшие их нижние концы «куриц». Поверх тесовой кровли была настлана драночная.

Однако дом и в таком виде поражал взгляд своей монументальностью, богатырской мощью. Каждая деталь его конструкции вызывала невольное удивление. Брёвна сруба, чем ни выше всё более и более толстые, были изборозжены глубокими извилистыми трещинами, а на их торцах трещины создавали некий орнамент, на каждом бревне – свой, неповторимый. Диаметр верхних венцов был никак не менее

40 сантиметров! Наиболее толстые брёвна укладывались наверх для того, чтобы они своей тяжестью лучше прижимали, уплотняли слои мха между всеми лежащими ниже их венцами.

Самцовые брёвна «щипца» снаружи отёсаны, их от основного сруба отделяет резная фризная доска. На торцах выступающих вперед верхних повальных брёвен видны лаконичные порезки орнамента. Сохранились причелины, доски прикрывающие торцы слег кровли, хотя и в очень ветхом состоянии. Видно, что их концы когда-то были украшены сквозною резьбой с «солярным» орнаментом из кругов, крестов и ромбов.

Хорошо сохранились наличники как «красного», так и волоковых окон, орнаментированные лучевидными полушариями, символами солнца, самыми распространенными у русичей-язычников орнаментами.

Дом этот принадлежал крестьянину Иван Гуськову. Хозяйство было крепким, в начале 1930-х годов его раскулачили. В хозяйстве было много дворовых построек, кроме двора – амбары, житница, овин, коновязь, баня, погреб. Многие из этих строений перешли в собственность только что образовавшегося колхоза и были перенесены на другое место.

Внутренняя планировка дома аналогична избе А.О. Лоховой и вообще типична для крестьянских строений Верхнего Поволжья ХУ-III – начала XIX века. В доме все сделано добротно – огромная печь из «лапотного» кирпича. Сами кирпичи также несоизмеримо больше по величине, чем современные («лапотные» потому, что глину мяти ногами, обутыми в лапти?). На лежанке печи четыре человека могли лежать вытянувшись в полный рост. Столбы голбца сделаны из дубовых толстенных брёвен. За печкой раздвижная дверь, а за нею лестница, ведущая в подполье.

О древности дома говорит и такая деталь. Когда дом очищался от разного хлама перед продажей его дачникам, там были найдены старинные копы – четырехгранное и плоское, ножевидное.

В это же время в деревнях, прилегающих к Чкаловску, мною были сделаны снимки еще ряда крестьянских изб, орнаментированных как «глухой», «корабельной» резьбой, так и более поздней – пропиленной. В деревне Тепляковка на орнаменте «глухой» резьбы со львами, русалками и грифонами вырезана дата – 1835 год. Несколько фотографий были сделаны в деревне Рябинино. В наши дни нет уже не только резных досок, но и многих из самих этих изб...

Во время работы в музее В.П. Чкалова в его фондах мной было обнаружено несколько уникальных снимков изб старой архитектуры с кровлей «на самцах». Сделаны они в начале XX века и заслуживают того, чтобы рассмотреть их повнимательнее.

Первый снимок – «групповой». На нем запечатлен ряд изб, не отличающихся красотой декора, однако в их конструкции видны все особенности крестьянского жилья конца XVIII века – «щипцы», треугольная часть стены над основным срубом, сложенные из бревен; концы слег, на которые уложен тес; желоба водостоков, положенные на крючья «куриц». Видно, что избы очень старые, у некоторых подгнили водостоки, а то и сама тесовая кровля.

Фотографии наглядно показывают эволюцию в декоре крестьянской избы, произошедшую в течение XIX века, от простых, практически лишенных всякого украшения изб, до шедевра народного зодчества, каким является последняя изба.

В домах старой архитектуры все элементы конструкции имеют прежде всего чисто функциональное назначение. Причелины прикрывают от дождя, а значит предохраняют от гниения торцы слег, полотенца – торцы повальных бревен и стыки причелин, наличники – щели между срубом и косяком окна. Мы видим, как орнамент этих элементов, вначале скупой и лаконичный, со временем становится все более насыщенным и сочным. Последняя из рассмотренных изб построена на стыке двух «эпох» народного зодчества.

И в конструкции ее, и в декоре видны черты и старых традиций – далеко вынесенная вперед кровля, охлупень с «сороками» – и пока еще только что нарождающихся новых веяний – сруб, обшитый тесом, обильная «глухая» резьба. Все эти конструктивные и формальные элементы народному мастеру удалось совместить в удивительно органичной, целостной композиции, несмотря на то, что многие детали несут чисто украшательские функции.

С середины XIX века начался новый период архитектурного решения деревянной избы, плотники постепенно стали переходить от устройства кровли «на самцах» к стропильному покрытию, в котором нагрузку несли уже не продольные слезы, уложенные на концы «самцов», а поперечные стропила. Фронтон – «щипец» в такой конструкции кровли уже не был бревенчатым, а был зашит тесом.

Этому способствовали многие обстоятельства – лесу стало меньше, он стал дорогим, следовательно, приходилось его экономить. В это время появились продольные пилы, и легче стало изготовить тес.

Властно и повсеместно в декор избы по Нижегородскому краю да и по Верхнему Поволжью стала входить «глухая» резьба.

«Глухая» – значит не сквозная, не прорезная. Ее называли еще долбленной резью, потому что она долбилась долотами и стамесками. Называли эту резьбу и корабельной. Многие исследователи считают, что ею стали заниматься плотники, резчики знаменитых когда-то на всю Волгу своим узорочьем судов-расшив. Потребность в их мастерстве в середине XIX века резко упала, вот и подались они в плотницкие артели, ставившие крестьянские дома. И не случайно «глухая» резьба в изобилии присутствовала в декоре изб именно там, где занимались деревянным судостроением. В прибрежных к Волге деревнях и селах Балахнинской, Городецкой, Василевской округи такая резьба была наиболее распространенной.

Как уже говорилось выше, добротный дом с богатым декором мог себе позволить лишь человек состоятельный. Ими были прежде всего сами владельцы расшив, лоцманы и водоливы, плотники, строители судов, зажиточные крестьяне. Поэтому внешний вид жилища говорил о достатке его хозяина. А узорочье орнамента, аналогичное корабельной рези, говорило еще часто и о причастности его, хозяина то есть, к какому-никакому «волгскому» промыслу.

Сюжеты и элементы домовой резьбы совершенно идентичны мотивам резьбы корабельной – все те же улыбающиеся львы, полногрудые русалки-фараонки, грифоны, рука, держащая плавно извивающуюся ветвь аканта.

Откуда же и как они взялись, все эти львы, грифоны и прочие фантастические существа в арсенале мотивов поволжских мастеров-резчиков?

Ведь никто из них за всю-то жизнь не видывал ни льва, ни грифона, а уж тем более русалки. Разве что во сне.

Исследователи вопроса утверждают, что пришли эти мотивы со стен каменных зданий и храмов Владимиро-Суздальского княжества. Сначала позаимствованы, а затем творчески переработаны применительно к тому материалу, каким была сосновая доска.

У мастеров-резчиков было несколько вариантов «припорохов», рисунков на толстой бумаге, по контуру наколотых иголкой. Эти рисунки накладывались на доску, подготовленную для резьбы, и припорошивались с помощью мешочка с тонко молотым углем. На доске оставался контур выбранного мотива, он обводился плотницким карандашом, после чего резчик брался за долото и стамески. В углах

и узких местах дерево выбиралось клюкарзой, крюкообразной стамеской-резцом.

Рисунок подбирался сообразно пожеланию и материальным возможностям хозяина избы. Резчики работали свободно и смело, не очень-то заботясь о деталях. Излишняя детализация и не была нужна, ведь резьба должна была «читаться» с большого расстояния. Лаконизм и выразительность контура – вот что отличает всегда «глухую» резьбу. По окончании работы доска с резьбой покрывалась за два раза олифой, а нередко так же, как и судовая, окрашивалась в три цвета, любимых в Поволжье, – белый, зеленый и синий.

Сказать, что плоды труда, искусства и фантазии мастеров-древоделов, плотников и резчиков исчезли бесследно, нельзя. В ряде поволжских городов, в том числе и в Нижнем Новгороде, существуют музеи народного зодчества под открытым небом. В Нижнем такой музей находится на Щелоковском хуторе, и называется он музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья. Здесь можно увидеть несколько памятников деревянного храмового зодчества XVIII – XVIII веков, крестьянские избы конца XVIII – начала XIX века, ветряную и водяную мельницы, житницы, овины и амбары, колодец оригинальной конструкции.

В городских исторических и краеведческих музеях экспонируются фотографии наиболее интересных сооружений подобного рода, фрагменты декора крестьянских изб. Немало образцов «глухой» деревянной резьбы «уплыло» в различные музеи и из деревень и сел нашего района. Так, достоверно известно, что в Московском музее русской архитектуры им. А.В. Щусева находятся фрагменты резных досок домов с. Сицкого, из деревни Мякотино известного по справочникам дома Есиных.

Сейчас дом Есиных, что занесен в реестр памятников архитектуры «раздет» полностью. То есть, фактически никакой он уже и не памятник.

Хорошо это или плохо? Музейщики говорят, что хорошо, иначе эта резьба все равно бы пропала. Может, они и правы. Печален факт, когда народное творчество исчезает из своей коренной, естественной среды. Однако время неумолимо движется вперед, что-то уничтожая и отмечая, что-то привнося другое, новое...

В конце XIX – в начале XX века не только в сельской местности, но и в провинциальных городах в декоре деревянного жилья широко стала применяться пропильная резьба. Она была менее трудоемкой,

а значит и более дешевой. Многие исследователи поначалу как-то даже стеснялись эту резьбу зачислить в арсенал народного искусства. Однако новый вид украшения жилых строений властно входил в обиход, и «глухая» резьба навсегда канула в Лету.

Поначалу пропильная резьба была накладкой, то есть доска с резьбой накладывалась на другую доску, контур резьбы срезался стамеской, и она как бы имитировала резьбу «глухую». Но со временем от этого отошли, резьба стала сквозной, прозрачной, ажурной. Ее затейливые кружева в изобилии стали украшать светелки и крылечки, подзоры и наличники как деревенских, так и городских деревянных домов.

Мастера и тут проявляли море фантазии и выдумки. Резчик, изготавливая, скажем, наличники, старался не повторять мотив точь-в-точь, а во всякий заказ привнести что-то новое. Можно было бы привести десятки замечательных образцов этого вида декора деревянных домов, и очень жаль, что рамки небольшого очерка не позволяют этого сделать.

Пропильная резьба как способ украшения жилья с успехом применяется и в наше время. В селе Пурех живет мастер-кудесник Николай Иванович Калошин. Чтобы украсить свой дом затейливыми кружевами пропильной резьбы он потратил три года. Резьбой изукрашено все: наличники окон, подзоры кровли, фронтон дома и его причелины, лобовая доска и вертикально спускающиеся «полотенца» на углах сруба. Резьбой покрыто крылечко с лобовым козырьком, столбики-балясины, входная дверь и широкие ворота двора.

На стене фасада под тремя окнами также расположен широкий резной пояс. В общем, не дом, а сказочный терем!

В орнамент узорочья мастер органично включил фигурки-символы различных зверей и птиц – тут и горделивые олени, и белочка, и голуби, и райская птица, и даже кошка как берегиня дворовой живности. Продуманная окраска придает резьбе еще большую выразительность.

Николай Иванович выполнил несколько заказов односельчан, украсил резьбою и их дома. Много сил отдал мастер-умелец на изготовление резных окладов икон и утвари для местного Спасо-Преображенского храма.

Ну, а теперь посмотрим несколько внимательней на жилые деревянные строения непосредственно самого Василева. Еще и в начале 1950-х годов, до затопления нижней, коренной части поселка можно

было встретить на его улицах старинные дома с трехчастным делением (жилое помещение, сени, горница), с боковым крыльцом, ведущим в сени. Дома эти нередко бывали двухэтажными. В их декоре часто встречались древние «солярные» мотивы - составленные из стреловидных планок круги и полукружия вокруг слухового окна на фронтоне, на козырьке крыльца, на воротах двора.

«Розетками-модульонами» были украшены наличники окон со ставнями. На фризowych досках этих старинных домов можно было увидеть и «глухую» резьбу.

Однако в 1955 году вся нижняя часть поселка была затоплена Горьковским водохранилищем, что возможно было перенести на новое место – разобрали и перенесли, что нельзя – просто разрушали. Но и после этого обрушившегося на Василево-Чкаловск бедствия в верхней его части оставалось еще несколько домов, представлявших интерес в архитектурном отношении. Эти дома как свидетели давно минувших лет, может быть, красноречивей любого гида говорили об истории купеческого села.

Прежде всего это бывший дом купца-хлеботорговца И.Е. Малыгина по ул. С. Халтурина. Дом цел и по сей день, но в результате ремонта в последние годы утратил свой прежний вид.

До реконструкции это двухэтажное деревянное здание на каменном полуподвале кроме того, что было весьма внушительных размеров, обращало на себя внимание еще и богатым декором.

Пропильная накладная резьба на наличниках окон, на окнах чердака, на углах и дверях обшитого рейкой дома удачно сочеталась с кружевной вязью просечного орнамента, украшавшего дымники печных труб, воронки водостоков.

До недавнего времени на этой же улице стоял еще один дом, сохранявший черты глубокой древности, бывший дом Масленниковых. Наличники и ставни окон, наличник окна светелки были выполнены в соответствии со вкусами плотницкого мастерства начала XIX века. Да даже и вид бревен дома, темных и как бы уже поседевших от времени, изрытых глубокими извилистыми трещинами, внушал невольное почтение к их возрасту.

Дом сгорел лет десять назад. Так же, как сгорели или были разобраны еще ряд примечательных в архитектурном отношении домов на этой и на соседних улицах. Те дома, что еще стоят на старых улицах Чкаловска, неумолимо стареют, ветшают. Исчезают украшавшие их доски со знаменитой «глухой» резьбой. Еще совсем недавно вни-

мание приезжавших в Чкаловск туристов привлекал древний двухэтажный дом на улице Маяковского. Фронтон дома украшала доска с классической «корабельной» резьбой, с плавно извивающейся ветвью аканта, со львами и фараонками. Посредине доски была вырезана дата – «1873 годъ». Исчезла доска...

В наши дни встретить на улицах старого Чкаловска приметы прежней, василевской, домово́й архитектуры – большая редкость. И все-таки что-то еще можно разыскать и увидеть. Монументальностью форм привлекают внимание наличники дома, перенесенного из зоны затопления на улицу Садовую. Мастер явно был под влиянием увиденного где-то в городе скульптурного лепного или каменотесного оформления окна. И вот в приречной части улицы Белинского (бывшая улица Папанина, а еще раньше – Завражная) удалось нам все-таки обнаружить и сфотографировать фризową доску с «глухой» резьбой. Орнамент выполнен смело, уверенной рукой опытного, искушенного в деле мастера. Органично вплетена в узор и дата – «1855 годъ»...

На улицах, появившихся в Чкаловске в 1950-е годы и позже, можно встретить поистине замечательные образцы пропильной резьбы. Мотивы ее и характер часто очень сильно отличаются друг от друга, а это говорит о том, что выполнялись они разными мастерами с различными понятиями о красоте, с различным вкусом и талантом.

Несмотря на это во всех образцах проявляются лиричность и песенность, присущие душе русского человека, присущие всему народному искусству.

Только песни эти уже другие. Ну что же, всякому времени – свои песни!..

Не боги горшки обжигали

– Мал горшок, да кашу варит! – говорили прежде, если к слову приходилось.

В почете и уважении был глиняный горшок в старину, да и было за что почитать, уважать его. Можно ли выдумать что-нибудь более простое и более удобное для того, чтобы в русской печи варево варить? Нельзя выдумать! И в прочем обиходе никак не обойтись было крестьянину без глиняной посуды. В луга ли на покос мужики собираются, полоску ли бабе жать – обязательно нальют, захватят с собой пузатый кубарь холодного ядреного квасу, и до самого полднего солнечека будет хранить он внутри отрадную прохладу ледяного погреба. Перед престольным праздником замесит стряпуха пышное тесто в высокой, опять же глиняной корчаге-опарнице. В праздник напечет пирогов-рыбников, достанет из подполья для гостей запотевший кувшин хмельного пива, к самовару снимет с шестка горшок топленого молока, душистого, желтого, с поджаристой сладкой пенкой:

– Ешьте, пейте, гости дорогие!

Ясно, что главное назначение горшка – щи да кашу варить, масло, сметану хранить, но и второстепенных служб исполнял он немало. Хворому человеку знахари-лекаря накидывали горшок на живот – все заживет. Горшок брюха не испортит.

Поглядывали на горшок и деревенские «синоптики»: горшок через край легко перекипает – к ненастью.

Не всякий отгадает теперь загадку: «Был ребенок – не знал пеленок, стар стал – пеленаться стал». Оказывается, если горшок давал трещину, бережливая хозяйка не выбрасывала его, а чинила, туго пе-

ленала берестяными лентами, стягивая и оплетая ими тулово горшка. Щей в нем больше уж не сварить, да мало ли в хозяйстве разных припасов надо хранить – пшено для каши, хмель для пива – вот на этот случай и пригодится пеленатый горшок.

Всяк горазд горшки колотить, да не всяк горазд их лепить. Это так. Глину пригодную для дела – и то приготовить не просто. Глина в том виде, как она в пластах лежит в земле, называлась у гончаров живою. А если залита водой да вымята, да вымешена, тогда называют ее пресной. Кислая глина – готовая в дело, вылежалая в замесе положенный срок. Ну, коль готова, так и за работу! Мужичонка – седа бороденка, три волоса в четыре ряда торчат, глаз шельмоватый, нос конопатый, и садится-то бог его знает на что: скамья не скамья, колода не колода. Да хоть и не мудро дело, а станком прозывается – это самый и есть гончарный круг.

Возьмет горшения из корыта омятево, ком глины с пуд весом, положит на дощечку рядом с собой. Оторвет от омятева поставеньку. Наметанный глаз лучше любых весов определит, сколько требуется взять, чтобы горшок нужного размера вышел. Шлепнет поставеньку на круг и – пошла работа! Закрутился, завертелся кружок!

Мужичонка - глядеть-то не на что, сморчок сморчком, а работа у него идет споро да ловко. Одной рукой обжимает тулово горшка, в другой у него мокрая тряпица, тряпицею этой тут подправит, тут огладит. А горшок растет да растет, ширится да вверх тянется. Глянь – поглянь, а он вот уж и готов – диво да и только!

Низ горшка подрезается суровой ниткой, потом его снимают с круга и ставят сушить на полати. Просохшую посуду покрывают свинцовым суриком и партией закладывают в горн. Твердокаменным становится горшок от большой жары, сурик на стенках оплавляється и дает горшку блестящую поливу красномедного цвета.

Мужичок наш хоть и протак с виду, а посуденка у него неплоха. Вот и наработано уж довольно. Приноровив к базарному дню, запрягает он лошадку и по тряской дороге не спеша – сердитый с горшками не ездит – везет хрупкий товар на торг, правит в горшечный ряд.

И какой посуды тут только нет, на всякий фасон, на любую потребу! И наш горшенюшка уж тут как тут, вертит по сторонам реденькой бороденкой.

То молодецки притопнет разбитым лаптем, то вдруг живо присядет на кривых ногах, а изо рта, беззубого, как прореха, будто воробьи выпархивают, вылетают одна за другой прибаутки - зазывалки:

– Плотнички без топоров срубили горенку без углов! Родится – вертится, растет – бесится, помрет – туда и дорога! Свет кашей, господин кашей, сто людей кормил, гулять ходил, голову сломил, кости выкинули, и псы не понюхали!

Поддернет порты, сдвинет шапку на одно ухо, горшок в руках будто игрушку вертит, легонько постукивает по тулову палочкой, ухом выслушивает:

– Коли звук без ущерба, так и горшок без изъяна! Худ торжок, да не худ горшок. Насыпь по край мукой, так и горшок твой.

Что верно, то верно – хорош товар у горшени, разве уж из сотни один попадет со свищиком. Да ведь найдется купец и на дырявый горнец. Принесет домой разиня – баба горшок, примется щи варить, ан горшок-то и потек. Свиристствует, лютует баба:

– Быть тебе, скудельнику, в том раю, где эти горшки обжигают!

* * *

Издавна, с незапамятных времен славилась Василева слобода гончарным промыслом. Широко распространено было это ремесло и в окружающих слободу деревнях. О распространенности гончарного ремесла в нашей округе с самой глубокой древности говорят и археологические исследования, проведенные на территории Чкаловского района в 1948 году Б.А. Сафоновым и в 1993 году И.А. Очеретинным. В результате археологической разведки, произведенной по берегу Горьковского водохранилища от Катунки до устья реки Юг обнаружено 8 древнерусских селищ XII – XIV веков, в том числе селище между деревнями Кулаево и Матренкино. Самую многочисленную категорию находок на селищах составляли фрагменты сероглиняной керамики. Почти вся керамика была изготовлена на ручном гончарном круге.

С развитием судоходства и торговли гончарство из ремесла, удовлетворявшего внутренние потребности, постепенно стало превращаться в доходный промысел. В деревнях этот промысел был подспорьем к земледелию, а в Василевой слободе для многих и основным или даже единственным источником доходов.

Развитию промысла в слободе благоприятствовали все условия: в пойме реки Санахта были большие залежи пригодной в дело глины, лесу для топки горна вокруг села было хоть отбавляй, сбыт продукции осуществлялся в шитиках и барках самосплавом в низовья Волги.

Уже в XVIII – начале XIX века объем продукции василевских гончаров был весьма внушительным, а качество похвальным.

Известен отзыв географа Е. Зябловского о гончарном промысле васильчан. Он в «Географическом словаре Российского государства», изданном в 1801 году, писал: «Василево – село Нижегородской губернии. Крестьяне промышляют лето судовым ходом, а зимой делают горшки и другую глиняную посуду. Глину добывают они у себя в селе, что касается собственно до их работы, то весьма низкие свои кружки вертят они не ногами, но левой рукой, и печи для обжигания вещей делают над горном наподобие бочки величиною в сажень, а пространством в поперечнике в 5 футов. Обжегши довольно свои изделия, закрывают они печку сверху и подкладывают курево, от которого дым проникает сквозь посуду и придает ей темно-синий цвет. Они делают также пивные корчаги ведра по четыре. Посуда их тонка, гладка, крепка и так хороша, что каждый год нагружают ею до 16 барок вниз по Волге спускаемых».¹

Здесь Зябловским описан, хотя и кратко, и технологический процесс, и секрет изготовления «синей» посуды, особо ценимой на рынках сбыта. Именно ею и славилась Василева слобода. «Курево» в приведенном отрывке означает, конечно же, не махорку и не табак, а смолье, смолистые дрова, которые давали много дыма.

В середине XIX века в Василевой слободе глиняную посуду крутили в 25 гончарных заведениях или, как их еще называли, «заводах». О заводах такого рода существовала присказка:

– Отец-то где?

– На заводе.

– А завод где?

– В огороде.

Завод обычно размещался или в избе, или в амбаре самого хозяина, и работало там 5-6, не более 10 человек гончаров. Впрочем, гончарами в Василеве их не называли, а звали скудельниками, еще чаще – горшениями. Даже и фамилия такая была в селе – Горшенины.

Ремесло гончара требует большой сноровки, ловкости рук. Им обычно занималась вся мужская часть семьи. Мастерство, как обычно, передавалось от отца к детям, и обучать ему начинали с малых лет. «Как двадцать лет стукнет – уже не выучишься», – так считалось у гончаров.

¹ Географический словарь Российского государства Максимовича и Щекатова. М., 1801. 4. 1. стр.735.

Горшечники нередко бывали большими любителями «заложить за воротник» и чуть ли не весь заработок оставляли в казенке.

Однако и среди них бывали люди талантливые и оригинальные. Так, на фотографии, единственной, пожалуй, где запечатлены василевские гончары, в числе прочих сидит за гончарным кругом хмурый, тощий мужик – Вася Свилев. По воспоминаниям старожилов села Вася был горьким пьяницей, грубияном и матерщинником. Однако обладал абсолютным музыкальным слухом, замечательным басом, знал ноты и потому пел в хоре Вознесенской церкви.

Многие горшечники, жившие в Подлужье у речки Санахты, держали гусей, и в порядке развлечения они устраивали гусиные бои в праздничные дни на базарной площади.

Развлечения были нехитрые, и было их немного. Потехе отдавался час, а делу – время. Ведь за зиму Василевские гончары накручивали одних только горшков до миллиона штук. Горшки делали разной величины от самого маленького, размером с кулак (их называли ласково – малыш, горшеньячко), до трех – и даже пятилитровых. А кроме горшков изготавливали пивные корчаги, плоски самой разнообразной формы и назначения – круглые и овальные, с ручками и без ручек, с крышками и без крышек, малюсенькие и огромные вместительные посудыны, из которых хлебаля тюрю или мурцовку немалая крестьянская семья.

Особое внимание уделялось изготовлению «баской» посуды. Это требовало большего времени и большего искусства. Так, горшок из «синей» глины ложили гладким камешком, наводили по его тулову орнаменты в виде полосок, зигзагов.

Эффектно, внушительно выглядели темно-синие лощеные кувшины – кумганы. Они тусклым матовым блеском напоминали металлические чеканные восточные сосуды.

Особенно много изобретательности и художества вкладывали гончары в изготовление квасников, на них они как бы отдыхали душой. Эти изделия отличали красиво выгнутое горлышко и ручка, разнообразие давленных и лепных узоров, роспись – или белой «московской» глиной, или цветными поливами. Такое внимание к кваснику объяснялось тем, что в старину, до появления самоваров, кваснику в избе отводилась та почетная роль, какую позже и взял на себя самовар.

Понятно, что цена этой «баской» посуды соответствовала затраченным на нее времени и труду.

Распространенность промысла в Василеве, незаурядное мастерство здешних гончаров послужили поводом к тому, что Балахнинское земство в начале 1900-х годов намеревалось открыть в слободе гончарную школу. Однако вскоре началась первая мировая война, а там революция, а там гражданская война. Не до школ было. А потом появившийся в Василеве ремонтный затон требовал рабочих рук, и заработки там были сравнительно неплохие. Так и заглох промысел в селе. Зато перекинулся он в близлежащие деревни – Беседы, Соболево, Мишнево, Горянское, Никольское. В начале 1930-х годов жива была память о мастере-гончаре Леонтии Гандурине из деревни Никольское. Дмитрий Васильевич Прокопьев, исследователь и знаток народных промыслов Нижегородского края, писал о нем так: «Среди гончаров Василевской округи более других выделялся перед войной Леонтий Гандурин из деревни Никольское. Он знал секреты полив разных цветов. Нарядно выглядела его ярко – зеленая посуда, редкая в современном деревенском мастерстве. Смеси полив составлялись им из тертого стекла, сурика, марганца, купороса. Рассказывают, что он по неосторожности отравился этими опасными составами. Сохранившиеся изделия показывают Гандурина как изящного и необычайно аккуратного мастера».²

Николай Андреевич Кулаков, уроженец деревни Мишнево, застал еще то время, когда в 1940-х годах в местном так называемом промколхозе им. Якова Петрова изготавливали глиняную посуду и другие гончарные изделия. Сам он был в ту пору подростком, но в мастерской работали и отец, и дядя, и двоюродные братья. Вот как он рассказывал об этом.

– Та глина, которую добывали в пойме Санахты была «тоща». В ней не хватало вязкости, много было песка, и трудно было тянуть из нее стенку горшка или другого какого изделия.

И горшки из такой глины были хрупкими, непрочными. И вот в эту местную глину для вязкости добавляли еще привозной. Ее заготавливали в бору, напротив деревни Климотино. Этот дубовый бор тянулся по берегу Волги от Матренина до деревни Юг. С участка земли, предназначенного для заготовки, снимали сверху дерн вплоть до залежи глины. Деревянными лопатами, смоченными в воде – это делалось для того, чтобы к ним не липла глина – перебрасывали эту самую глину на соседний участок, предварительно посыпанный реч-

² Д.В. Прокопьев. Художественные промысла Горьковской области. Горьковское книжное издательство, 1939

ным песком. Землю песком посыпали опять-таки затем, чтобы глина к ней не прилипала. Таким образом выкладывали «пряник» высотой немного поменьше метра.

Перевозкой занимались зимой, когда устанавливался санный путь. Глина к этому времени вылеживалась и подсыхала. Мерзлую глину железными клиньями кололи на кубы. Один такой куб весил около ста килограммов. На санях глину перевозили к Мишневу, а затем сгружали в подвалы, что были прямо под сараями и амбарами, где размещались мастерские.

Привозная глина одна тоже в дело не шла. Она наоборот была «жирной», вязкой, и горшки, сделанные из нее, «садились», теряли форму еще до обжига. Вот поэтому в работу шла смесь нашей и привозной глины.

Эту смесь долго мяти ногами, выбирали при этом попадавшие камешки, корешки и другой мусор. Перед работой гончар брал из

этой кучи увесистый кусок и еще раз долго и тщательно мят его руками на скамье, она была рядом с кругом, чтобы не оставалось в глине пузырьков воздуха, и чтобы она приобрела необходимую вязкость. Когда глина переставала прилипать к рукам, брался гончар за работу.

Гончарные круги были не такие как прежде, как у Василевских гончаров, а с ножным приводом. Рукой кружок уже не крутили.

Кроме основного орудия производства, гончарного круга, в работе использовались еще нехитрые инструменты и приспособления.

Рядом с гончаром всегда была корчага с водой и тряпкой-мокрушей. Этой тряпкой, смоченной в воде, вращавшийся на круге горшок постоянно оглаживался, выправлялся, подправлялся. При завершении работы ею же заглаживались все шероховатости и неровности.

Чтобы придать горшку правильную форму, использовались также шаблоны-правилки. С их помощью исправляли кривобокость горшка. Была при гончаре и палочка с зарубками. Пользуясь ею мастер изготавливал горшки строго определенной емкости – литровые, двухлитровые, трехлитровые.

Готовое изделие снималось с круга следующим образом. Под его дно подводилась струна, на обоих концах ее привязаны две палочки-ручки. Дно подрезалось, и изделие с большой осторожностью ставилось сушиться на полку. Полки в несколько рядов шли вдоль стен мастерской.

В числе продукции, которую делали на наших «заводах», были печные трубы, корчаги, опарницы, ну и, конечно, горшки, плошки. Изделия эти имели как обычный красно-оранжевый цвет, так и черный, или, вернее сказать, темно-серый с синеватым оттенком, что достигалось особым способом обжига.

Делали плошки-латки, вытянутой овальной формы и с крышкой. В таких латках тушили целиком леща, либо карася. Затомленный в русской печке со сметаной да с лучком такой лещ бывал объединением, гляди того и язык проглотишь.

Славились на василевском базаре и наши горшки. Привозили в Василево горшки и из Смирькина, была такая деревня за Волгой. Их горшки у хозяек пользовались меньшим спросом. Форма у них была такая, что они часто опрокидывались с ухвата при выемке из печи.

Особое мастерство требовалось от гончара, чтобы вытянуть целено печной трубы. Целено – это звено трубы длиной около метра и с раструбом, чтобы в него можно было вставить еще одно такое же звено. Человеку тучному или широкому в кости, или от природы коротко-рукому трудно было забраться рукой внутрь, чтобы вытянуть и поднять обечайку трубы.

Году в 1934 или в 1935 в промколхоз откуда-то привезли импортную машину, и с ее помощью стали делать из глины черепицу. Ее сначала прессовали, потом сушили и обжигали так же, как горшки. Здесь уже особых требований к качеству глины не предъявлялось. Почти всю черепицу промколхоз продавал на сторону. Крыть ею дома или хозяйственные постройки местные жители не решались. Крыша из такого материала получалась очень тяжелой, а ведь за зиму на кровле скапливался еще и тяжелый слой снега.

И все же черепицей нашего производства были покрыты мастерские МТС (машино-тракторной станции), деревянное здание начальной школы, из-за этого она получила прозвище «черепаха». Говорят, что у нынешних состоятельных людей кровля из глиняной черепицы на особняках очень даже ценится.

Лепили в заводе и глиняные свистульки. Ими щедро оделивали нас, деревенских ребятишек. Когда посуды накапливалось достаточное количество, ее ставили в горн. Горн – печь, сложенная из кирпича, длиной метра четыре и шириной около двух метров. Внутри печи были железные решетки, на них и ставилась продукция для обжига.

Горн топили сухими дровами. В заволжских деревнях покупали и разбирали на дрова нежилые избы, овины, амбары. Перед затопле-

нием пустыми оставались целые деревни. Слеги, тесины, жерди совали в зев целиком. Толстые бревна раскалывали пополам по всей длине железными клиньями. Эти бревна из унженского леса были свилеватыми. Слои древесины по длине бревна завивались спиралью, и чтобы располовинить их, надо было затратить немало сил. Когда-то смолистые и вместе со смолой хорошо просохшие за долгие годы, они приобретали такую твердость, что их не брали ни топор, ни пила. И вот только лишь располовиненными они засовывались в печь горна. Туда же шли резные наличники, причелины, и лобовые доски с резьбой, с русалками, со львами. Кто-то когда-то на эту резьбу затрачивал немало труда...

Сухое, смолистое дерево горело жарко, температура в горне была такой, что черепица, которой он был покрыт, раскалялась докрасна. И шел обжиг суток трое. После этого горну давали остыть, и готовую продукцию вынимали наружу. Горшечники работали по пояс голыми, чтобы понапрасну не пачкать рубах. Штаны же сплошь были покрыты коростой глины, которая, высыхая, отколупывалась слоями. В мастерской и зимой было тепло, потому что для ее обогрева постоянно топили большую печь.

К гончарному ремеслу приучали с малых лет. Сначала давали задание попроще – какую-нибудь тарелку или крышку к горшку сделать. Вот поглядит, поглядит отец на крышку, изготовленную дитятком, да и нахлобучит ее на голову любимому чаду вместо шляпы – делай другую! Раз на третий скажет: «Ладно, сойдет!»

Часть гончарных изделий промколхоза находила сбыт в районе, часть отправлялась на самосплавных деревянных судах-паромах вниз по Волге. Продавали нашу продукцию во всех поволжских городах вплоть до Саратова. Как и в старину деревянные паромы продавали в местах сбыта на слом. После образования Горьковского водохранилища места залежи глины были затоплены и промысел в этой округе зачах.

Гончарное производство в качестве подсобного промысла существовало в 1960-1970-х годах в колхозе «Авангард», ныне колхоз им. И.И. Разумовского. Об этом упоминается в небольшой книжечке «Крестьянские промыслы», выпущенной Волго-Вятским книжным издательством в 1969 году. «На территории «Авангарда» были обнаружены большие залежи красной глины, и колхоз организовал производство гончарных изделий – посуды и цветочных горшков. Они пользуются большим спросом (посуда поставляется торгующим ор-

ганизациям, а цветочные горшки – Горьковскому тресту «Горзеленхоз»).

В гончарной мастерской занято 5 человек. Руководит коллективом опытный гончар К.И. Чувилин. Ежегодно мастерская вырабатывает разнообразной продукции на 20 тыс. рублей».³

Мне довелось однажды побывать в этой мастерской, познакомиться с Константином Ивановичем Чувилиным и воочию увидеть работу его умелых рук. А случилось это при следующих обстоятельствах.

В 1974 году Балахна праздновала свое пятистолетие. Делегация из Чкаловска готовилась ехать на торжества, посвященные этому юбилею. Поскольку Василево-Чкаловск исстари славилось гончарным ремеслом, в числе других сувениров решено было изготовить старинный кувшин-кумган. Эскиз кувшина нарисовал Владимир Евгеньевич Виноградов, работавший тогда преподавателем детской художественной школы. Мне же, в то время инструктору райкома партии, была поручена организация всего этого дела.

И вот мы с Виноградовым поехали в колхоз «Авангард», в деревне Опалихино разыскали гончара Константина Ивановича Чувилина. Он без промедления и охотно принялся за дело. Охотно – потому что изготовить кувшин требовалось художественно, со вкусом. А какому мастеру не лестно, когда доверят такую работу.

Шлепнув на круг ком глины, Константин Иванович сделал в его середине углубление, тем самым еще и придавив его к кругу. И вот уже завертелся круг, и вот уж бесформенный ком начал приобретать округлую форму. Какие-то незаметные, неуловимые для глаза изменения положения пальцев, поворот руки с тряпкой-мокрушей – и тут же раздвигается вширь шарообразная нижняя часть. Нам с Виноградовым впервые в жизни довелось увидеть, как работает гончар, и мы не скрывали своего изумления и восхищения.

Это было похоже на чудо, на какой-то фокус. Только что на круге был ком обыкновенной глины, и вот через совсем малое время он превратился в нужную и красивую вещь.

Кувшин по эскизу воплощал в себе образ древнерусского богатыря с двумя ручками упершимися в крутые бока, с крышкой в виде островерхого шелома. По тулову старинная вязь: «Балахне – 500 лет». Таким он и получился у Константина Ивановича.

На всякий случай – мало ли что бывает – сделал про запас еще три

³ В.И. Батрасов, А.Ф. Ермаков. «Крестьянские промыслы», ВВКИ, 1969. Стр.

таких же кувшина. Поставив сушиться готовые изделия на полку, мастер-гончар скрутил на наших глазах горшок, потом плошку. В мастерской на полках стояли и полуфабрикаты – сохнувшие изделия – и уже готовые, обожженные. Увидев плошку с двумя ручками по бокам и с крышкой сверху, я стал вслух вспоминать, как мама тушила в печке в такой же вот плошке картошку с салом, как хорошо упревала в ней пшенная каша. И Константин Иванович подарил мне тогда эту плошку.

Тридцать лет прошло с той поры, а плошка цела. И нет-нет, да и стоговит в ней жена пусть не в русской печке, а в духовке то тыквенник, а то все ту же картошку с мясом. А самое главное – тридцать лет напоминает плошка об искусных руках и доброй душе хорошего русского человека, Константина Ивановича Чувилина. Один из изготовленных им кувшинов тоже цел. Он в качестве постановочного реквизита для натюрмортов находится в детской художественной школе искусств.

Константин Иванович мечтал наладить обучение ребят своему мастерству, да вот некому было организовать это дело. Еще, видимо, и глины подходящей не стало в нашей округе. А года два тому назад и самого Константина Ивановича не стало.

Щепной товар

Василевские купцы с низовьев привозили в село хлеб, в нижнюю путину барки грузили глиняной

посудой. Но не только ею, а еще и щепным товаром. Его весной перед отправкой барок привозили возами из окрестных деревень, а в основном из села Пурех.

Что это был за товар такой?

В.И. Даль истолковал значение этого слова так: «Щепной, щепенный или щепяной, вообще деревянной резной, токарной работы, особенно о деревянной посуде; щепенная посуда, товар, чашки, ставцы, стояки, круги, мисы, складни, ложки, игрушки и пр. работается большинство в Нижегородской губернии Семеновского уезда и потому на низу зовется горянщиною».

Однако «горянщину», или щепной товар – точили и резали не только в селеньях Семеновского уезда, но во множестве и во многих местах нашей Василевой округи. Одним из таких мест, где в изобилии точили, резали и красили деревянную посуду, ложки и плошки было расположенное в двадцати верстах в сторону от Волги село Пурех с окружающими его деревнями.

Известный исследователь народных промыслов Нижегородчины Дмитрий Васильевич Прокопьев утверждал даже, что в Семенов – знаменитую столицу ложкарного производства – это ремесло принесли с собою пурешане-старообрядцы, вынужденные во время гонений на них переселиться в глухие керженские леса. Поселившись возле Семенова, они и деревню свою назвали Пурех и так же, как у себя дома, стали резать и красить посуду и ложки.

Сами семеновцы, не отрицая этого факта самого по себе, но и не желая отдавать пальму первенства, говорят, что посуду и ложки здесь точили и резали до приезда пурешан.

Да, в конце концов, это и не так важно. Важно, что Пурех в XIX был крупным центром посудного и ложкарного производства и составлял серьезную конкуренцию Семенову. О семеновской ложке и хохломской росписи написано достаточно много книг. А ложка – она хоть в Семенове, хоть в Пурехе – все равно ложка. Посему, не вдаваясь во все подробности и тонкости рабочего процесса, коснемся только его общих черт, а более всего – обратим внимание на те отличительные особенности, которые были присущи пуреховскому ложкарному промыслу.

Ложку резали из обычного для здешних мест дерева лиственных пород – березы, осины, липы. Дорогие, «баские» ложки делали из привозного муромского клена. Кленовые ложки бывали особенно легкими, тонкими, изящными и в то же время прочными. Инструмент ложкаря незамысловат, но для каждой операции свой. Это прежде всего два топора – тяжелый и легкий, тесло, ножи и резцы разного размера. Весь инструмент изготовлялся в местных кузницах в Пурехе. Тяжелый топор нужен был для того, чтобы осиновый чурбан или березовый, или липовый расколоть на баклуши. Это была самая легкая операция, отсюда и пошло – «баклуши бить», значит, бездельничать. Однако же и тут нужен был точный глаз, поленце-баклуша должно получиться именно того размера, чтобы вышла ложка. Ни толще, ни тоньше.

Баклушу обрубали топором же, но более легким, придавая ей грубую форму ложки. Затем теслом выдалбливали внутреннюю часть, чашечку. Ножом и резцами ложка постепенно доводилась до задуманного фасона. После чистки, скобления и отделки ложка была готова. Весь процесс превращения бесформенного полешка-баклуши в легкое, изящное изделие занимал 10-15 минут, а у опытных ложкарей и того меньше. Рядовые ложкари делали до 100 ложек в день, зарабатывая 30-40 копеек. Рекордсмены резали до 200 штук в день.

Зимой ложкари работали в мастерских- «зимницах», а кто победнее – в банях. Летом работа шла прямо под окнами избы. Белые ложки, их так и называли «белье», складывали в короба-плетюхи. Когда накапливалась достаточная партия, ложки шли в сушку. Сушили при температуре около 30 градусов, выше нельзя, дерево лопнет.

После сушки ложки протирались мукой и клейстером, снова сушились, а затем шлифовались и красились олифой. Когда олифа подсыхала, но не окончательно, а была еще липкой, в поверхность ложки втирался оловянный порошок, и она становилась похожей на металлическую. Теперь на нее можно нанести «письмо», роспись.

При росписи использовали нехитрые приспособления – гусиное перо, кусочек гриба-дождевика, но и этими примитивными средствами красильщики владели весьма ловко и искусно. После очередной просушки ложка еще раз олифилась и, наконец, была готова. Почти так же делали и до сих пор делают ложку и в Семенове, только грунтуют ее перед окраской с помощью глины, да вместо оловянного порошка сейчас используют алюминиевую пудру. После росписи ложка еще раз покрывается лаком,

а затем – в обжиг. Пожелтеет лак от высокого жара, и вот тогда-то засияет ложка золотом.

Пурешане умели делать до десяти сортов ложек. У местных ложкарей они назывались так: межеумок или крупное олово, мелкое олово, ложки кривые, носатки, с топориком, лапчатые, столовые и высшего качества. Делали в Пурехе и особый сорт ложек, они назывались «бурлацкими», были вместительными – уж зачерпнуть, так зачерпнуть! – и прочными. В единичном, эксклюзивном, как сейчас бы сказали, варианте, кому-нибудь в подарок резали ложки с черенком в виде рыбки или завитым спиралью, заплетенным в косу, или с особою порезкой на коковке.

В середине XIX века ложкарный и посудный промысел в Пурехе был весьма оживленным. Ложку резали не только в самом селе, но и еще чуть ли не в 20 деревнях вплоть до самой границы с Костромской губернией. Кроме того, сюда привозили полуфабрикат – «белье» из заволжских деревень. Миллионные партии этого товара здесь красились, олифились и готовой продукцией отправлялись в богатое село Холуй Владимирской губернии, где четыре раза в год бывали ярмарки.

Разумеется, ложками оптом и в розницу торговали и на собственной ярмарке, которая в Пурехе устраивалась ежегодно 19 января.

Весной, подгадывая к отправке купеческих барок в низовья, «горящину» везли возами на пристани Городца и Василевой слободы.

Кроме ложек в места сбыта во множестве отправлялась посуда точеная на токарном станке. Это всевозможные блюда, тарелки, поставцы, чашки от совсем маленьких до огромных, из которых хлебала мурцовку немалая бурлацкая артель.

Примитивные токарные станки приводились в движение в основном ручной силой, и только изредка какой-нибудь деревенский «мудрец» устанавливал токарню у реки и заставлял мельничное колесо крутить вал шпинделя. В ярмарочные дни в Холуе и в самом Пурехе щепной товар охотно разбирали «офени», мелкооптовые торговцы, и везли его на юг и запад России, где такая продукция пользовалась большим спросом.

Однако уже к концу XIX века в Пурехе ложек стали делать в 5 раз меньше, чем в Семенове. Но ведь в Семенове ежегодное производство их достигало в то время 80 миллионов штук!

Победу в конкурентной борьбе семеновцам обеспечило разделение процесса работы над ложкой на операции, каждую из которых выполнял отдельный работник, а потом даже и отдельные деревни.

В Пурехе ложку от начала до конца резал, а затем и красил один человек. У семеновских мастеров она по мере выполнения отдельных операций переходила из рук в руки. Такая специализация, естественно, повышала производительность труда и качество товара. А при одном и том же качестве семеновская ложка стоила дешевле.

И все-таки ложкарный промысел сохранялся в Пурехе и после революции. В 1920-е, 1930-е годы вплоть до Великой Отечественной войны местные ложкари работали в артелях промкооперации. После войны промысел возродиться уже не смог.

Однако в некоторых дальних деревнях нашего района вплоть до недавнего времени в отдельных семьях сохранялся и инструмент, и навыки ложкарного ремесла.

Так, в 1970-х годах в деревне Семеново ложкари-надомники резали «белье» и отправляли его в село Семино Ковернинского района.

Существенную долю ассортимента «горянцины» составляли прядельные веретена. В 1860-70-х годах в дальних, глухих деревнях, затерявшихся в лесах за Пурехом, Новинками и Беловом их производили многомиллионными партиями.

Веретено. Его в наши дни можно увидеть разве лишь за стеклом витрины краеведческого музея. А ведь совсем недавно – ну, какую-нибудь сотню лет назад веретено было хоть и маленькой, но совершенно необходимой принадлежностью ручного прядения льна.

Чтобы одеть немалую крестьянскую семью немало требовалось полотна, холста. И холст, и полотно ткались на примитивном ткацком станке. А нить – несчетные версты! – вручную сучилась, прялась с помощью такой вот совсем уж примитивной штуки, какой являлось

вертлявое веретено.

Из доисторической недостижимой для памяти старины тысячелетиями тянулась эта нить – женское умение прясть пряжу, а оборвалась совсем недавно. Еще наша мама вспоминала, как они «в девках» собирались с подругами в чьей-нибудь избе на «беседу», на супрядки. Каждая приходила со своей куделью льна, со своею прялкой, мотосником и веретенами, Распевали песни, устраивали негласные соревнования – кто больше напрядет. От количества напряденного зависело и материальное благополучие, не зря же говорилось: «Девку веретено одевает!»

Щеголяли девицы друг перед дружкой и самими принадлежностями для прядева – у кого нарядней донце прялки, у кого затейливей веретено! Донца, мотосники – тут понятное дело – они чаще всего были «мазаными», то есть расписанными деревенским художником красками. Но и в изготовление веретена вкладывалось немало выдумки и изобретательности. Ну, а если уж веретенщик хотел сделать подарок любимице-дочери, или парень делал веретено в подарок своей невесте, то такое изделие становилось прямо-таки произведением искусства!

Такие веретена назывались «баскими», или фигуристыми. На нижнем конце веретена вытачивалось круглое яблочко, а тулово было ярко расцвечено синькой, желтыми и суришными полосками-поясками. Вдобавок к этому при выточке на веретене в некоторых местах дубовой щепкой нажигались темные пояски, а кусочком олова – светлые, блестящие. Внизу к тулову веретена прилаживались два ряда специальных, мелких колечек. При работе пряжи эти колечки негромко и мерно выбрякивали своеобразный такт.

Такая работа требовала большой аккуратности и много времени. Над рядовым веретеном долго рассусоливать было некогда. Ведь цена-то им была копейка, много – полторы копейки десятков.

В книге «Художественные промысла Горьковской области» Д.В. Прокопьев приводит цифры, характеризующие динамику развития промысла. «В конце XVIII века из лесистых глубин Чкаловского района вывозят около миллиона веретен, к 1870-м годам их производят до 24 миллионов штук в год. На рубеже XX века сократившийся веретенный промысел занимал 300 семей в 47 селениях за Пурехом, Новинками и Беловом, а за 20 лет перед этим был втрое больше. Промысел уходил от волжских побережий, вытесняемый более до-

ходными занятиями».⁴

Заработок веретенщика был мизерным – 11-14 копеек в день, тогда как у ложкаря он составлял 30-40 копеек. Веретенщики занимались своим ремеслом, храня семейные традиции, продолжая дело, которым занимались отцы и деды, да еще и просто оттого, что ничего другого делать не умели.

Про темного, отсталого человека говорили: «Ерема, Ерема! Сидел бы ты дома, точил веретена!» Однако и для того, чтобы выточить веретено требовались большая сноровка, проворность рук и ума. Токарный станок был примитивнейшим, выстроганным из лесной коряги, но он работал!

Вал шпинделя приводился во вращение с помощью «лучка», согнутой и стянутой по концам сыромятным ремнем упругой палки. В одной руке у веретенщика лучок, в другой лопатка, то есть резец. Лопатки, как и многие другие инструменты для мастерового люда, ковали пуреховские кузнецы. Очередная колотая березовая чурка, колган, зажата уже в станке, и вот бойко засновал в расторопной руке лучок, вращая шкив шпинделя, вот с треском полетела белая стружка в низкий потолок избы. Всего несколько ловких, до автоматизма заученных движений лопаткой - и вот оно уже готово, бодливое веретено.

В станке же производилась и отделка веретена. Для того чтобы навести цветные кольца синькой или суриком, токарь-веретенщик брал клещи с зажатым в них куском войлока – это называлось «ошмаркой», макал ее в плошку с краской и, работая лучком, прижимал ошмарку в нужных местах. Так же наводились и светло-серебристые колечки, только в этом случае в клещи зажимался кусок олова. Черные пояски нажигались приточенной щепкой мореного дуба. Эта щепка была так тверда, что из-под нее вилась струйка голубого дыма. Если летом веретенщик работал в работной, в амбаре или сарае, то зимой чаще всего в жилой избе, и к концу рабочего дня от едкого утарного березового дыма было не продохнуть.

Мастера-веретенщики, стремясь поярче, понарядней расцветить свои изделия, придумывали все новые экономные, но эффектные способы отделки веретена. Так появились веретена «галки». Они при отделке с помощью ошмарки сплошь покрывались сажей, а затем

⁴ Д.В. Прокопьев. Художественные промыслы Горьковской области. Горьковское книжное издательство, 1939.

по черному тулову нацарапывались белые колечки в различных сочетаниях.

Вынув почти готовое веретено из станка, мастер уже потом притачивал его концы. За день он успевал сделать до 150 штук.

Для продажи вытачивалось до двух десятков сортов веретен. Если иные изделия называли по местам их изготовления, скажем, пряники были городецкими, тульскими, вяземскими, – то веретена именовали наоборот по местам сбыта. И назывались они егорьевскими, шуйскими, питерскими, даниловскими, чувашскими ... С появлением фабричного ткачества стали точить веретена большие, фабричные.

Веретенный промысел был жив еще и в 1930-е годы. Он удовлетворял спрос деревенских прях, которые для собственных нужд сушили льняную или шерстяную нить за прялкой и веретеном.

Многие деревни нашего района имеют названия, которые в прошлом, должно быть, соответствовали роду занятий их жителей – Кодочиги, Мотосники, Решетниково, а еще Колганово, Веретенено, Гребнево ...

Эти названия сами за себя красноречиво говорят, чем кроме хлеба бопащества занимался и добывал себе копейку проживавший здесь крестьянин. Где-то кодочигом плели лапти, где-то из луба мастерили коробочки- мотосники, где-то из чурок-колганов точили веретена. А где-то делали замечательные прядильные гребни, и производство их также было одним из распространенных крестьянских промыслов нашего края.

Раньше бытовала такая пословица: «Приданного гребень да веник, да алтын денег». Она говорит о том, что даже и при крайней бедности гребень для женщины был такой вещью, без которой просто невозможно обойтись. Гребень так же, как и веретено, был спутником всей жизни крестьянки. Однако в изготовлении эта принадлежность ручного прядения была несравнимо более сложной вещью, чем веретено. Потому-то и делал их мастер пять, от силы восемь штук в день. Цена одного гребня в начале XX века составляла 10-15 копеек. И это при такой тонкости и даже изяществе работы! Мастер-гребенщик на рабочей ширине гребня в двадцать пять сантиметров примитивным инструментом умел напильник 200-250 зубьев. Каждый из них в отдельности надо было отшлифовать, отгладить. И это все делалось в условиях, казалось бы, совершенно неприемлемых, в старину – при лучине, в курной, топившейся по черному избе, пол-

ной детишек мал мала меньше.

Гребни делали из привозного муромского клена. Материал поставлялся в виде пиленных дощечек, «лопаток». Из каждой лопатки выходило по три гребня. За неимением клена шла в дело и береза, но вид и качество березового гребня были гораздо хуже.

Сколько раз побывает эта кленовая дощечка в руках у мастера, сколько инструментов побывает у него в руках прежде, чем заготовка превратится в замечательное по искусности работы изделие! То мастер пилит лучковой пилой, то тешет топориком, то скоблит скобелем, то острым стеклышком. То работает резцом, то стамеской, то ножиком.

А какое великое терпенье нужно было, чтобы каждый из 250 зубьев гребня вычистить, отшлифовать! Древесина клена – однородная по структуре, достаточно вязкая и в тоже время прочная – как нельзя лучше подходила для изготовления гребня.

Поверхность готового изделия ложила гладким камешком, намазывалась льняным маслом, после чего гребень загорался внутренней янтарной явью.

И вот, наконец, наступала пора последней операции – гребень надо было «выписать». Для этого использовались похожие на циркуль «писульки» различной величины, с их помощью на черенке и на щеках гребня выцарапывались самые разнообразные комбинации и сочетания окружностей, дуг, полукружий, вписанных друг в друга и пересекающихся, образующих многолепестковые цветы. Узор дополнялся еще и сверлением неглубоких ямочек. Весь орнамент выглядел таким изящным и тонким, что казалось был выполнен не сиволапым мужиком-деревенщиной, а длинноперстым искусным чертежником. Отходов при работе было мало. Дорогой материал использовался экономно. Из обрезков, получавшихся после опиловки боковин, изготавливались головные гребни, пользовавшиеся большим спросом в любое время, в любой местности.

Ну, а на прядильные гребни и веретена наибольший спрос бывал в преддверье, когда землю укрывало первым снегом, когда пряжи садились за работу, за прядево.

Напоследок надо сказать хотя бы несколько слов об еще одной разновидности щепного товара, изготовлением которого занимались крестьяне в деревнях за селом Сицким, о резных и крашенных солоницах.

Соль в старые времена была продуктом редким и дорогим. Пищу

соленой подавали далеко не каждому, а только уважаемому гостю. Отсюда и идет: «Ушел, не солоно хлебавши», то есть, как всякого пришедшего в дом, накормить накормили, а почета и внимания не оказали. Соль берегли. Хранили ее в особых ларцах-солоницах.

Из поколения в поколение передавалось умение мастерить солоницы в деревнях, расположенных по старой Балахнинской дороге, в Никиткине, Медникове, Скатице. По этой же дороге солонки отправлялись для сбыта в Балахну и близлежащие села.

Для изготовления солоницы использовались дощечки, наколотые из осинової плахи. Дощечки аккуратно обтесывались топором, затем выскабливались скобелем, зачищались. Напиленные по размеру стенки, крышки и донца собирались воедино, связывались веревкой, а затем на корпус солонки набивались обручи, сделанные из расщепленных надвое прутьев лозы.

Стенки солонки украшались выемчатой резьбой с орнаментом в виде кругов, розеток, ромбов. Высокую заднюю стенку часто венчали две сильно стилизованных конских головы. Позже в орнаментации солониц появились изображения фараонов, львов и птиц в окружении завитков стилизованных листьев и трав подобные тем, что можно было видеть в корабельной и домовой резьбе. Поверхность солонки протиралась олифой, а нередко и раскрашивалась.

К концу XIX века декор солонки изменился, вместо резьбы ее стали расписывать яркими красками – фуксином, лазурью. По ярко-красному фону мастера-солонечники писали пестрых курочек или голубые цветы розана в обрамлении зеленых листьев. Времени на изготовление такой солонки уходило меньше, зато выглядела она более привлекательно, нарядно и весело.

Еще и в 1940-х годах подобные солонки можно было встретить среди кухонной утвари крестьянской семьи.

Исчезли из деревенского обихода такие необходимые прежде вещи, как прялка, гребень, веретено. Редко увидишь в крестьянской избе бочонок, кадку, ушат. Угасают ремесла, исчезают люди, способные сделать эти вещи.

И как отрадно, что в городах и селах, где прежде бытовали различные народные промыслы, эти старинные ремесла начинают возрождаться. Вдвойне отрадно, когда за это дело берутся люди сравнительно молодые, энергичные, сноровистые. Вот и в селе Новинки, как только там появился Центр ремесел и досуга, откуда ни возьмись, но появились такие вот энтузиасты – директор Центра Александр Ана-

тольевич Баукин с помощниками. Вот они-то и стали «вспоминать» забытое. И вскоре из под их рук стали выходить вещи не только добротные да ладные, но просто красивые, как говорят, на залюбование!

Бочата, кадушки, ушаты они стягивают не железными обручами, а на старинный лад – расщепленным ивовым прутom. А какие замечательные резные солоницы они мастерят из липовых да из осиновых дощечек! Вот нашли у кого-то в домашнем хозяйстве образец пасхальницы, формы для выпечки куличей, и творчески переосмыслив, восстановили этот забытый предмет быта.

Несколько лет тому назад в Центр ремесел пришел Павел Константинович Тюленев, и у него руки золотые, мастер плести из тала всякие нарядные вещи, а из щепы – ягодные лукошки, короба. И научить своему ремеслу может всякого, у кого есть желание. В 2009 году в Богородском районе проходил V Всероссийский фестиваль-конкурс фольклорных коллективов «Хрустальный ключ», он и направлен был на возрождение и сохранение традиционных образцов народной культуры. Павел Константинович стал победителем этого конкурса в номинации «За лучшее проведение мастер-класса» по изготовлению лукошек из щепы. Уж очень доходчиво все он рассказывает и показывает. И делает это охотно везде, где только предоставляется случай.

Восстает из небытия, оживает щепенное ремесло!

Чудо-кони, чудо-птицы

И не так давно уж это было – ну, может быть, чуть более полувека назад...

Еще не успеет земля как следует освободиться от остатков последнего снега, еще над просяхующими крылечками и завалинками курится белая испарина, а вот уж из душных потемок надоевших за долгую зиму изб высыпает гурьба ребятишек. Тут же и игру затеют – то в бабки, то в ножички, то в чехарду. А кто поменьше – где-нибудь в затишке, на пригреве расписные каталочки, запряженных в карету лошадок катают, или же, пузыря щеки, в глиняные дудочки-свистульки дуют.

Еще и в 1940-50-х годах привозили по весне этот нарядный товар – свистульки, каталки, лошадок на воскресный базар в Василево-Чкаловск. Именно весной он и пользовался наибольшим спросом.

Но не только в Василеве находили сбыт своей продукции игрушечники. Во времена расцвета промысла игрушки везли на ближние и дальние базары, вместе с глиняной посудой и щепным товаром отправляли их по весне в понизовые села и города. Свистульки охотно покупали оптом офени и старьевщики. Ребята рады были получить их в обмен на принесенное тряпье, металлолом.

В Василеве глиняные свистульки лепили все в тех же гончарных «заводах», где делались горшки и другая посуда. Свистульки производились в таком массовом масштабе, что василевцев в шутку называли «дудочниками».

О ремесле дудочника отзывались с некоторой иронией: «Пальцы слинит да дудки глинит!» Но промысел давал доход и год от года рос. В пик его расцвета вылепленную и высушенную глиняную иг-

рушку целыми возами привозили в Василево даже из дальних владимирских деревень. Владельцы гончарных заводов скупали полуфабрикат, затем свистульки шли в обжиг и в окраску. Видимо, это приносило хороший барыш, себе в убыток таким делом никто бы заниматься не стал.

После того, как гончарный промысел в Василеве угас и перекочевал в близлежащие деревни Беседы, Соболево, Мишнево, Никольское, вместе с горшечным ремеслом там опять-таки стали заниматься изготовлением дудочек-свистулек.

Каким ремеслом не занимались только по деревням и селам, и все, что ни выходило из-под крестьянских рук, все имело какое-то утилитарное предназначение, все производилось для какой-нибудь да пользы. И только одна игрушка делалась для забавы, для утех. Как же было не дать тут волю фантазии, выдумке, как не распотешить душу нарядностью красок, самому на время возвратившись в детство! Хотя и тут существовали установившиеся веками каноны и приемы.

Изготовление свистульки занимает всего несколько секунд. Большой палец левой руки вдавливается в комок глины, правой рукой глина равномерно обжимается вокруг пальца и тут же быстро вытягивается и лепится головка в соответствии с задумкой мастера то ли коня, то ли птички, то ли барашка. Сняв «заделыш» с пальца, заднюю часть тулова свистульки сужают, заделывают, заглаживают, сохраняя ее внутренность полый. После того, как свистулька немного подсохнет, хвостовая ее часть подрезается суровой ниткой, и прутком жимолости прокалываются три необходимые для звука отверстия.

Для просушки дудочки – гончары их называли «товарняк», «мелочь» – выставляли рядами иногда сразу по несколько сотен на полки и сушили в тени двое-трое суток.

В старину свистульки так же, как и горшки, покрывали глазурью и ставили обжигать в горн. Свистульки делались не только из красной, но и из белой глины, «муравленые», то есть расписанные зеленой поливой.

Однако со временем дудочники стали расписывать своих птичек и барашков эмалевыми красками. Сначала все тулово игрушки покрывалось каким-либо одним цветом – черным, бордовым, оранжевым или желтым. После просушки алюминиевой краской серебрились рога, уши и копытца, если это был барашек, гребешок, если это были курочка или петушок, а также торец хвоста-свистка.

По тулову ноздреватую губкой наносились пестрые «дорожки», точки, полосы, пятна эмалевою же краской, но другого цвета. По черному фону крапления наносились белым и зеленым, по желтому красным. Чем ярче, тем лучше.

Центров, или «кустов», где изготовлялась глиняная расписная игрушка было много. И посейчас славятся дымковская, каргопольская игрушка. Но у василевских дудочек были свои отличительные черты. Такие же свистульки делали еще только в Городце. Эти дудочки прежде всего отличались лаконичностью и простотой формы. Тулово всех свистулек – хоть птички, хоть барашка, хоть лошадки – имело всегда один и тот же вид. Разнились фигурки только формой головы, в чем, собственно, и проявлялась фантазия мастера, ну и потом уже – в раскраске свистульки. Тем самым малышу предоставлялась возможность самому дофантазировать своего коня или петушка. Игрушка василевских дудочников, лишенная многодельности и натурализма, при всей простоте и быстроте изготовления максимально достигает столь ценных качеств – праздничности и сказочности!

Архаика, грубоватость и непосредственность форм свистульки дают основание отнести начальный момент ее возникновения к языческим временам, к временам детства русского национального самосознания. Крапление по тулову игрушки- кружки, полосы, точки – это тоже не просто так, некая небрежность, а отголосок магических знаков-символов, каким снабжались многие предметы обихода в глубокой древности.

Черты седой древности сохранили в своих формах и игрушки другого рода – деревянные каталки-колески. Самый архаичный вид такой каталки представлял собой вырезанные из дощечки две повернутые в стороны друг от друга конские головы. К дощечке прикреплялись два колеска и палочка, держась за которую можно было каталочку катать. Игрушка окрашивалась в ярко-огненный красный цвет и расписана была тройными вписанными друг в друга окружностями. Этот древний мотив – повернутые в разные стороны две конские головы – встречается как украшение и на других предметах крестьянского обихода. В представлениях далеких наших предков язычников солнце днем мчалось по небу в колеснице на золотогривых конях. Поэтому конь, расписанный concentрическими крутами, это был знак священного боготворимого язычниками солнца. И совсем не зря резные кони в старину венчали верха крестьянских изб, укра-

шали деревянные ковши, донца, солоницы, гребни, вальки.

Свой магический смысл имели в древности и цвета. Красный цвет был самым любимым, цветом жизни, счастья, радости. Вот так и получилось, что в игрушке-каталке, алых колесках, все – и форма, и цвет – все символично. Она – знак солнца, источника жизни на земле, знак весны, тепла, радости и счастья. И не напрасно испокон веков приноравливали игрушечники свой товар к той именно поре, когда теплыми лучами Ярило-солнышко будило от мертвого сна закованную в ледяные замки землю, когда песнями веснянками, плясками-хороводами встречал народ долгожданную весну. Ребятишки трелями свистулек, катанием алых коней тоже зазывали весну-красну, славили солнышко-ведрышко.

С незапамятных времен сохранился неизменным не только облик игрушки, но и весь порядок работы над нею. На поделку каталок шла осина, дерево слоистое, легко колющееся и хорошо поддающееся топору и ножу. Иногда в дело шла и сосна. Мастер-игрушечник никогда не ошибался. Приемы работы предельно простые, экономные, даже скупые были выверены многими и многими поколениями игрушечников. Ловкими, быстрыми движениями запиливает мастер наколотые дощечки, оболванивает их топором, затем, пользуясь наверточками и ножом, превращает кусок дерева в пару крутошеих коней. «Секретом» игрушечника являлось умение закрепить без гвоздя на конце оси колесо, так, чтобы оно не спало. Хитрость же заключалась в том, что надевалось оно за выступ оси пока еще было сырым, а по высыхании колеско уже надежно держалось за этим выступом.

Игрушки окрашивали, просто-напросто окуная их в горшок с краской – густо-малиновым фуксином либо огненным суриком. Коньков, окрашенных суриком, так и называли «суришными». Высушенные игрушки расписывали лубяной кистью размочаленной на конце, а крути выписывали с помощью деревянного циркуля жидким мелом с клеем.

Со временем наряду с этими архаичными игрушками стали делать и другие «модернизированные». Во-первых, и сами каталки стали окрашивать не только в красный, а и в любые другие цвета – желтый, голубой, фиолетовый. Игрушечники стали придумывать колески с вертушками, с крутящимися «барынями» и меленками, с бабочками.

Вертушки, «барыни» и меленки, крутились за счет трения о ко-

лески. Бабочки хлопали нарядными крылышками, их в движение приводили те же колески через прикрепленную и к колеску и к крылышку проволоку.

Самыми распространенными в народной игрушке, да и самыми древними, были образы коня, птицы и женщины. Образ коня нашел свое отражение еще в одной типичной для нашего района игрушке – конских упряжках с тарантасами, укрепленных на дощечке с колесками и тройкой, и парой, и в одиночку. В тарантасе стоял и правил упряжкой бородастый, пучеглазый кучер.

«Первенство в выделке таких игрушек принадлежит Николаю Никитичу Шапкину из Леденцова, который был подрядчиком по каменным работам, ходил на сторону и первый узнал новые способы окраски игрушек и солонок, – писал Д.В. Прокопьев. – Вместо примитивных водяных и клеевых красок Шапкин использовал лак и олифу, придавая игрушкам блеск поверхности и сочность красок. В технике росписи и окраски появилось сходство с мастерством городечких красильщиков из Курцева, которые помнят, как ездили «за Волгу» учить своему делу».⁵

Новый промысел сразу же был подхвачен мастерами-древододелами. В деревнях под Пурехом, где в 1870-80 годах резали бурлацкую ложку и точили веретена, перешли на выделку игрушечных конских упряжек. Там резали только «белье», а красить продукцию отвозили в деревни Телячьево и Леденцово.

Перед окраскою изделие грунтовалось мелом с клеем, затем красили сажей или киноварью. Узоры разделявали белой, желтой, а по красному фону черной краской. Особую нарядность коням придавала разделка сусальным золотом, эти упряжки назывались «баскими». После раскраски кони покрывались олифой, от чего приобретали блеск и окончательную кондицию. Каталки-колески, конские упряжки резали и красили также в соседних с Леденцовым деревнях Сумино, Ельзенкино, Яковлево, а также в деревне Балахнино.

Заработок игрушечника был невелик, сбыт продукции – сезонным, поэтому промысел то затухал, то вновь оживлялся энтузиазмом его приверженцев. Тем не менее, игрушечное дело дожило до 1920-х годов, а в это время мастеров перечисленных выше деревень объединила Новинская кооперативная артель «Правда». В «репертуаре» артели появились игрушечные тележки и к ним куклы, игру-

⁵ Д.В. Прокопьев. «Художественные промысла Горьковской области», Горький, 1939г.

печная мебель – столики, стульчики, зеркала, трюмо, диванчики, кровати, детская посуда, утюги, балалайки и еще множество различных игрушек. Все эти изделия были ярко раскрашены и расписаны и пользовались спросом в основном девочек. И все-таки ...

Все-таки натуральное правдоподобие, дотошное сходство этих игрушек с настоящими предметами быта делало их скучноватыми. Глиняные свистульки, каталки-колески, конские упряжки – в их веках устоявшихся формах куда больше было праздника и сказки!

И вот уже даже в 1950-е годы, если деревенский мужичок-игрушечник приезжал в Чкаловск на воскресный базар и раскладывал на рогожке свою продукцию, вокруг него тут же собиралась гурьба малышни. Восторгом и изумлением горели ребячьи глаза. И до чего хороши были раскрасавцы-кони! Один другого краше. Круто выгнули гордые шеи, упрямо наклонили непокорные головы: того и гляди, сейчас вот ударят оземь звонкими копытами, сорвутся с места, весело заржут да и помчат вскачь. Попробуй, удержи!

Прошли годы. Время изменило вкусы и представления как потребителей, так и изготовителей игрушки. В магазинах появилось великое множество механических, электромеханических, а в последнее время радиоуправляемых и электронных игрушек, имитирующих всамделишные машины всевозможной конструкции, огнестрельное оружие, все прелести современной цивилизации и технического прогресса. Национальный русский дух сказочности и праздника из игрушки улетучился полностью. Она стала интернациональной. Да что там говорить – компьютерные игры, игры в мобильных телефонах порою носят просто растлевающий характер. Что поделать – такое уж наше время! ...

И тем отраднее то обстоятельство, что хотя бы кто-то из ребят отрывается на время от компьютеров и телефонов и идет в мастерские Центра ремесел. Идет, чтобы смастерить то ли из кусочков ткани, то ли из глины игрушку рукотворную, которая хранит тепло рук и души сделавшего ее человека.

В Чкаловске ребята шьют из мягких материалов забавных зверушек, собачек, кошек, сказочных персонажей, шьют кукол в русских национальных одеждах. В Новинках режут деревянную игрушку, лепят традиционные василевские дудочки-свистульки, барашков, птиц, лошадок. Совсем недавно казалось, что о примитивных каталках – «колесках», о расписных конских упряжках теперь уж можно позабыть навсегда. Казалось, что невозвратно ушли, укатились они в

прошрое...

Ан нет! Директор Новинского центра ремесел и досуга Александр Анатольевич Баукин, человек энергичный, большой энтузиаст и мастер на все руки, зажегся идеей возродить, воскресить из небытия местную старинную игрушку.

Александр Анатольевич почитал соответствующую литературу, внимательно рассмотрел иллюстрации с изображениями игрушек-каталок и принялся за дело. Первый изготовленный образец показал тем, кто когда-то в детстве видел подобные игрушки, и учтя замечания, добился-таки желаемого. И колески за выступ оси посадил так, как это делали старые мастера – с «секретом». И покрасил каталку в ярко-красный цвет, и расписал ее магическими тройными окружностями.

Едва успел Александр Анатольевич сделать первую игрушку-каталку, как она тут же была с радостью воспринята всеми, кто бы ее ни увидел. Это – радость возврата к истокам, к нашим национальным корням.

Александр Анатольевич изготовил еще ряд традиционных для нашего края игрушек-каталок с вертушками, с вращающимися от трения о колески лошадками, конские упряжки с расписными тарантасами. А еще вроде бы простую, но остроумную игрушку с кузнецами-молотобойцами, укрепленными на продольно передвигающихся планках.

Второй жизнью зажила Новинская игрушка!

И, слава Богу, что нашлась такая возможность, чтобы взрослые люди, мастера и мастерицы, передавали свою любовь к рукоделью следующему поколению. Это значит, что ниточка традиций народного ремесла хоть по каким-то направлениям не порвется, потянется дальше.

Не спеши языком, торопись кочедыком

Корзина – она и раньше в хозяйстве была нужной вещью, и сейчас без нее трудно обойтись. Ну, вот хоть бы за грибами в лес

пойти – лучшей, чем корзина, тары для такого случая пока еще не выдумано. Ходят, конечно, горе – грибники по лесу и с целлофановыми пакетами, и с хозяйственными сумками, однако грибы там, пока несешь до дома, превращаются то ли в крошево, то ли в месиво. В корзине же даже и хрупкую сыроежку целехонькой донесешь.

Ягоду – хоть лесную, хоть садовую – милое дело в корзину собирать. И не только ягоду, а и всю прочую садово-огородную продукцию.

В хорошем хозяйстве завсегда бывало до десятка корзин разного назначения. Это и большие двурушные корзины из нечищеного зеленого тала, плетеные без особого изящества, зато прочно. Вещь незаменимая при крестьянской работе в поле, в усаде.

В плетухах, также больших и глубоких корзинах, таскали на горбу набранное из стожков сено, чтоб задать его скоту. Обычные однорушные корзины в зависимости от размера назывались первушками, мерошными, маленошными. (Мера, малена – наименования мер емкости сыпучих товаров.) Они плелись в зависимости от предназначения и «серыми», и «белыми», то есть и из зеленого, и из чищеного тала. С бельевыми корзинами ходили на реку полоскать белье. Они бывали довольно внушительных размеров. Но они обязательно плелись из «белого» тала.

Плели и совсем маленькие, с кулак величиной, корзиночки – это малым ребятам ягоды собирать. Да и взрослому удобно собирать в

маленькую корзиночку хоть вишню, хоть малину, повесив ее на шею на веревочке, чтобы потом ссыпать собранную ягоду в большую корзину. Это позволяет щипать ягоду обеими руками.

С «баскими» корзинами ходили за покупками на базар, в лавку. У них и край был заплетен на особый манер, фигуристо, плелись они, конечно же, из вареного тала и с особой аккуратностью. Для поездки в дорогу делали корзины с крытым верхом и запирающейся на замок крышкой.

Весь этот «ассортимент» знали и умели плести крестьяне деревень Жуково, Сабукино, Вашкино. Знаком он был и нашей маме. Она, уроженка деревни Жуково, вспоминая молодость, рассказывала о том, что плетением корзин занимались в деревне целыми семьями, мужчины и женщины, парни и девушки.

Сама она научилась этому ремеслу будучи совсем еще молоденькой девчонкой, а в девушках плела уже вкоренную.

– Тятенька давал урок, задание – вот столько-то корзин сплести «в семью», а что сделаешь сверх – это на наряды, на приданое, на себя. Вот и старались, и плели до третьих петухов, чтобы побольше на наряды-то наплести.

Плетение корзин, а в некоторых местах и мебели, и всевозможных других полезных и нужных в хозяйственном обиходе вещей, не было исключительным занятием деревень Василевской округи.

Этим промыслом занимались во многих деревнях и селах верхнего Поволжья. До появления водохранилища этот участок Волги изобилдовал островами, а острова изобиловали лозняком.

Предостаточно прекрасного материала, и зеленого, и красного тала, было и у Василева на островах Верхнем и Нижнем. Поскольку корзины плелись из тала, то их называли еще и таловками.

Заготавливали тал поздней осенью, когда он был спелым. Отрас-тал ивняк быстро, чем больше вырубали, тем гуще он рос. Заготовленные вязанки складывали во дворе, в сарае, в затененном месте.

Плетением корзин занимались с наступлением холодов, когда заканчивались работы в поле и в усаде. Инструментов у плетельщика всего два – нож да кочедык. Кочедык – это что-то вроде кривого, толстого шила, им при необходимости раздвигают прутья лозы, чтобы между ними просунуть, заделать и спрятать конец другого прута.

Кочедыком (его называли еще и кодочигом – где как) пользовались и при плетении лаптей. Ленивому и болтливому человеку давали недвусмысленный намек: «Не спеши языком, торопись кочеды-

ком».

Нож у плетельщика очень острый, талину в палец толщиной режет с одного раза!

Нож, кочедык да проворные, ловкие руки – вот все, что нужно, чтобы сплести красивую, нередко изящную вещь.

Правда, у корзинщиков, занимавшихся производством корзин серийно, на продажу, существовало незамысловатое, но все-таки хорошо помогавшее в работе приспособление – станок. Сейчас на техническом языке такой станок, должно быть, назвали бы кондуктором.

Был такой станок и у матери. В послевоенные голодные и холодные годы, чтобы заработать далеко не лишнюю копейку на кусок хлеба, она по зимам нередко занималась этим ремеслом, каким хорошо владела с молодости. Поэтому мне в детстве множество раз доводилось видеть весь процесс плетения корзины от начала до конца.

В день, когда была запланирована работа, мать с утра пораньше приносила со двора охапку тальнику. Сгибая кольцами, заправляла, упрятывала неподатливые, упрямые талины в самый большой двухведерный чугунок.

Залив чугунок водою, ставила его в жаркую печь. Там тал какое-то время варился

и хорошо пропревал.

После этого чугунок вынимался, и когда вода остывала до того, что терпела рука, вынимался из чугуна и тал. Делалось это с осторожностью, упругая талина запросто могла хлестануть хоть по руке, хоть по лицу.

Теперь тал надо было очистить от коры. Эта несложная работа поручалась кому-то из нас, ребят. Для очистки лозы существовало нехитрое приспособление – чурбан с вбитым в него железным прутом, сверху расщепленным надвое наподобие ижицы.

В расщеп прута вставлялась горячая еще, распаренная талина, тянулась на себя, и кожура сползала с нее легко и свободно, будто чулок с ноги. Гладкий, влажный прут откладывался в сторону.

Тем временем в печи варилась еще одна партия лозы. Изба в это время была полна терпкого, кисло-сладкого запаха ивняка.

Когда талу было наготовлено достаточно, со двора, с сенницы доставался станок. Вот что он из себя представлял. В деревянной крестовине – в подобные крестовины ставят новогодние елки – прочно была закреплена железная ось.

На оси вращался деревянный разъемный барабан высотой около полуметра. Диск барабана имел овальную форму, и в нем по краю были насверлены отверстия в несколько рядов в соответствии с требуемым размером корзины. В эти отверстия вставлялись талины - стойки, они составляют каркас будущей корзины. Польза станка и заключается в том, чтобы зафиксировать стойки в нужном положении.

Когда стойки были установлены, начиналась их оплетка, то есть выводилась стенка, обечайка корзины. Но стойки оплетались не с самого низа, нижняя часть их оставлялась для заделки края корзины. Барабан вращался вокруг оси, и талины ложились ряд за рядом, плотно прижимались, пристукивались черенком кочедыка друг к дружке. И так до тех пор, пока высота стенки не достигала требуемой. В станке же заплеталось и дно корзины.

После этого заготовка из станка вынималась. Считай, что половина дела сделана. Края, рукоятка – все это уже доделывалось вручную. С помощью кочедыка все концы талин запрятывались внутрь оплетки, аккуратно подрезались, чтобы не было видно ни задоринки.

И вот уже готовая корзина радует глаз и свежую чистотой вареного тала, и чистотой и аккуратностью работы.

Серых корзин мама плести не любила и на продажу их не делала, а только по мере необходимости для собственных нужд.

Мужчины-плетельщики из Вашкина кроме корзин плели дачную и судовую мебель – столы и стулья, кресла и диваны, шезлонги. Плетеными делались даже тарантасы и возки конской упряжи. Всегда хорошим спросом пользовались плетеные санки, различные сундуки и коробки.

Опытный мастер мог повторить и сделать любую увиденную им плетеную вещь. Наиболее же талантливые придумывали изделия совершенно новой формы и конфигурации.

Это были художники своего дела. Умение плести корзину, передаваясь от родителей к детям, навовсе не исчезало никогда. И на рынке, не только Василевском, но уже и чкаловском, время от времени продавались хозяйственные корзины довольно добротной работы.

Но вот за последние десять лет лозоплетение в нашем районе обрело как бы второе дыхание и даже получило новый качественный скачок. Дело в том, что несколько лет назад в Чкаловске и в селе Новинки были созданы Центры ремесел с благою целью – возродить угасающие и забытые народные традиции в области декоративно –

прикладного искусства.

И в Чкаловске и в Новинках опытные мастера и мастерицы обучают ребят тому или иному рукоделию, учат вязать и вышивать, учат ткачеству и лоскутной технике, и еще много чему другому.

С момента организации Центра ремесел мастерскую лозоплетения в Новинках возглавил Алексей Константинович Пупков. К нему на занятия стали ходить не только ребята из самих Новинок, но ездили даже несколько человек и из Чкаловска. В их числе был паренек-школьник Максим Батраков.

Этим народным ремеслом-искусством Максим заразил и отец Владимира Павловича Батракова. Увлеченность лозоплетением передавалась не так, как обычно бывает, от отца к сыну, а совсем наоборот – от сына к отцу.

В.П. Батраков стал самостоятельно по книгам, по учебникам осваивать мастерство плетения из ивового прута.

Настойчивость и любовь к избранному ремеслу делали свое дело, его умение и знания росли год от года. И вот в 2000 году он, агроном по образованию, много лет проработавший в этой должности в колхозах района, оставляет работу по своей основной специальности, организует и возглавляет такую же, как в Новинках, мастерскую лозоплетения в Чкаловске. Теперь уже сын Максим стал совершенствовать свое мастерство под руководством отца. В 2002 году М. Батраков, в то время ученик 11-го класса, на Всероссийском конкурсе «Лоза 2002» занял второе место, получил соответствующий Диплом. Это впоследствии позволило ему без экзаменов поступить в педагогический университет.

В том же 2002 году для Центра ремесел было выделено дополнительное помещение площадью около 80 кв. метров, где и разместилась мастерская лозоплетения. В.П. Батраков совместно с перешедшим сюда на работу А.К. Пупковым приложили немало сил, чтобы сделать помещение теплым, уютным и пригодным, приспособленным для лозоплетения. В мастерской для пропаривания тала приспособлен металлический бак с электронагревателем, имеется ванна для замачивания прута перед работой. Для изготовления ваз, корзин, других изделий используются шаблоны различных конфигураций. Их В.П. Батраков мастерит своими руками. Имеется в мастерской и весь необходимый для дела инструмент. Кроме ножей и шилев разного назначения в работе очень помогают щипцы, круглогубцы, бокорезы. Все это у Владимира Павловича под рукой. С

увлечением рассказывает он о каждом из инструментов и приспособлений, а прежде всего о разнице в свойствах и качествах ивового прута, заготовленного летом или осенью, пропаренного или просто очищенного от коры.

Вот он перочинным ножиком надрезает торец прута на три части, в надрез вставляет деревянное приспособление, колунок. Одно движение и прут легко делится на три полосы. Но эти полосы треугольного сечения. С помощью еще одного приспособления – ножа, они превращаются в плоские ленты, которые и идут в дело. Именно из них плетутся стенки декоративных корзин, вазочек. Таким образом и материал экономится, и изделие выглядит более изящным.

Умеет Владимир Павлович увлечь, заинтересовать искусством лозоплетения и приходящих сюда ребят. Они под его руководством сначала осваивают азы, а потом сами плетут кружевные тарелки и хлебницы, вазы и корзины самых различных фасонов и форм. Мастерская лозоплетения ежегодно участвует в различных областных выставках и конкурсах декоративно-прикладного искусства.

Прослышав об увлеченности своим делом мастера-энтузиаста лозоплетения, жители Чкаловска стали приносить в мастерскую то найденную на чердаке хитроумно сплетенную корзину, то сплетенную из тала шляпу, то старое полуразрушенное кресло. Кто-то предлагает научить исчезающему, но все еще нужному уменью плести санки, кто-то приносит самодельный станок для плетения корзин. Владимир Павлович все это осваивает творчески, рабски повторять сделанное другими не любит. Плетет из лозы шляпу, но уже по своему. Несколько изменяет форму принесенной ему корзины.

В мастерской можно увидеть изделия и совершенно новой формы, придуманные самим В.П. Батраковым. Вот фигуристая, высокая напольная ваза для цветов, вот плетеный из тала домик для кошки, вот круглая корзина-сумка для того, чтобы носить в ней с рынка молоко в трехлитровой банке. Подставки для цветочных горшков, абажуры, рамы для прямоугольных и овальных зеркал, подставки для карандашей и ручек – все это делается красиво с выдумкой и изобретательностью. А «баские» корзины и сумки плетутся с таким изяществом и художественным вкусом, выглядят так современно, что женщины их и покупают, и пользуются ими с охотой и удовольствием.

В 2004 году, когда отмечался юбилей 100-летия со дня рождения В.П. Чкалова, В.П. Батраков совместно с А.К. Пупковым здесь, в ма-

стерской, сделали копию пришедшей в ветхость плетеной мебели, экспонатов музея В.П. Чкалова. Работа оказалась непростой, кропотливой и очень трудоемкой, но она была интересна и самим мастерам. Это был как бы своеобразный экзамен на зрелость, и они его выдержали с честью. По старым образцам был изготовлен комплект – стол, стулья, кресла, диван.

Впоследствии эта мебель восхищала всех, кому довелось ее видеть на выставках декоративно-прикладного искусства. Искусство лозоплетения радует глаз чкаловцев и на ежегодно проводимых в День города выставках-продажах. Оно радует глаз и восхищает приезжающих в город туристов, для которых в Центре ремесел проводятся мастер-классы, показ изготовления изделий, плетеных из лозы.

У В.П. Батракова уже свыше десятка благодарностей, почетных грамот и дипломов за участие в выставках-конкурсах разного ранга от областных и региональных до всероссийских. Принес успехи и 2005 год.

В этом году Чкаловский Центр ремесел стал победителем III-го областного фестиваля ремесел в номинации за лучшую организацию мастер-класса, был награжден Дипломом I степени и ценным подарком – цветным телевизором. В числе других участников на фестивале демонстрировал свое мастерство лозоплетения ученик В.П. Батракова Саша Петров.

В этом же году Саша Петров занял 3-е место в старшей группе на VII Всероссийском конкурсе «Лоза – 2005». А Максим Батраков на этом конкурсе занял 1-е место среди студентов.

В конце 2005 года мастерская лозоплетения, возглавляемая В.П. Батраковым, получила почетное звание «Народный коллектив».

Каждый год радуют Владимира Павловича своими успехами его ученики. На областном конкурсе по лозоплетению «Золотая лоза–2008» в своей возрастной группе занял первое место его подопечный ученик 10-го класса школы №5 Юрий Розенберг. А восьмиклассник Алексей Пастухов среди своих сверстников стал вторым. Почетной грамотой за подготовку ребят к конкурсу награжден и их наставник.

На этом же конкурсе по достоинству было оценено мастерство юных плетельщиков из Школы прикладного искусства села Сицкое.

Марина Сметанина, ученица 10-го класса, удостоена Диплома I степени, а семиклассница Люба Козлова награждена Дипломом II степени. Отмечена дипломом и руководитель мастерской лозоплетения З.А. Толокнова.

Лозоплетением с момента организации и по сей день занимаются и в Новинском Центре ремесел и досуга, только сейчас этому «руко-
меслу» ребят обучает Павел Константинович Тюленев. Нельзя пройти мимо изготовленных им и его учениками изделий, они радуют
глаз на различных выставках районного и областного ранга и так же
неоднократно удостоивались всевозможных поощрений и наград.

Вспоминая старину

В сказке Александра Сергеевича Пушкина одна из трех девиц, что пряли поздно вечерком, говорит: «Кабы я была царица, то

на весь бы мир одна наткала я полотна». И хоть Пушкин отвел ей в сказке довольно незавидную роль, хоть батюшка царь выбрал в жены не ее, а ее сестрицу, ну, так ведь сказка – на то и сказка, а царь – на то и царь.

В народе же, в крестьянском обычае, при выборе невесты как раз и ценилось прежде всего ее умение и трудолюбие. И в первую очередь, невеста, будущая мать семейства, должна была уметь тонко прясть, ткать добротное полотно, искусно шить-вышивать.

А полотна, пусть и не на весь мир, пусть на одну крестьянскую семью – семьи-то были немаленькие – требовалось ой, как много! Вот по этой причине, из-за необходимости одеть чад и домочадцев, ткачество с древнейших времен повсеместно являлось одним из самых распространенных женских ремесел.

И в наших деревнях и селах девушки и женщины всю долгую зиму сидели за веретеном да за прядильным гребнем, выкручивая из шелковистой кудели тонкую нить, а ближе к весне бойко стучали по избам ткацкие станы – полотно надо было успеть наткать до того, как растает снег, чтобы разостлать и отбелить его на мартовском насте и горячем солнышке.

Оно исстари так велось – там где лен, там и ткачество. А лен в наших краях выращивать всегда умели, это умение передавалось из поколения в поколение и сохранилось вплоть до последнего времени, или, точнее сказать, до недавнего времени. В 1950-е годы семь

колхозниц Чкаловского района стали Героями Социалистического труда именно за высокие достижения в льноводстве. Для награждения выбрали семь человек, а ведь вместе с ними работали сотни таких же трудолюбивых мастериц, да разве всех наградишь!..

Может быть, и кому-то из вас, читателей этих строк, на субботах, в качестве оказания помощи колхозам доводилось дергать и растилать лен для того, чтобы он вылежался на предосенних, осенних дождичках и росах, а затем собирать его, вязать и ставить в «шиши».

Только это, как говорится, «цветочки». «Ягодки» бывают потом, когда лен принимаются трепать трепалами, мять мялами и вальками, чесать чесалами, освобождая волокно от тресты.

Мне пришлось однажды побывать, заглянуть только в помещение, в просторный амбар, где деревенские бабоньки занимались этой работой. О! – пыль стояла там столбом до потолка! Не продохнуть! Десять минут – и все, и больше уже нечем дышать. А женщины день-деньской работали там неделями. И хоть рот, нос были завязаны платками до глаз, все равно – пыли набивались полные легкие.

Это все к тому, чтобы дать представление, хотя бы бегло нарисовать картину – какой ценой давался он, «северный шелк», сколько раз должен он пройти через многотерпеливые женские руки, чтобы в конце концов засверкала серебристой сединой мягкая шелковистая кудель.

В 1960-1980-х годах основную массу выращенного льна колхозы отвозили на переработку на льнозаводы в Ивановскую область, там самую неприятную, самую пыльную работу выполняли машины.

Постепенно забываться стало уменье и прясть и ткать. И все же кое у кого на чердаках так и лежали ткацкие станы. Простые деревенские женщины берегли их как память о старине, о матерях своих, о бабушках и прабабушках.

Чаще всего эти станки уж и в нерабочем состоянии были, и не мудрено – сколько пришлось им постучать на своем веку! И чего только не делали, не изготавливали на них!

Самая грубая ткань называлась редина, или рядно. Из нее шили мешки, она шла на всякого рода подстилки, чтобы, скажем, на базаре товар разложить не прямо на землю, а на такое вот рядно.

Пестрядь тоже была грубовата, но уже не так, как мешковина. А называлась она так оттого, что была пестрою или полосатою. Белые нити чередовались в ней с цветными, чаще всего с синими. Пестрядь более всего годилась на штаны, шаровары, рабочие халаты, фартуки,

тюфяки.

Но и пестрядь – как сделать. Нарядно выглядела пестрядь, которую в наших краях называли «александринкой». В ней белые льняные нити чередовались с красными бумажными, изготавливавшимися на бумагопрядильных фабриках Александровой Слободы. До деревень эта продукция, как и многое другое, доходила через Нижегородскую ярмарку. Стан для изготовления пестряди требовался более сложный: там и подножки две, и челноков два. Из «александринки» шили сарафаны, рубахи.

И все же наряднее всего выглядели браные холсты. Они ткались не просто через нитку, там основа перебиралась по узору при помощи особых дощечек «бральниц», отсюда и название – брань, бранина. Ведь и сказочная скатерть-самобранка называется вовсе не из-за свойства волшебным образом собрать, выставить брашно и питье, а именно потому, что была узорчатой, браной, из браного холста.

Скатерти-столешницы ткали с узором в пашку, в клетку, или же по кайме пускали полосы. Порою узор был сложным, замысловатым. В нем варьировались в различных сочетаниях ромбы, шестиугольники, зигзаги, «елочки». Подобные узоры украшали и концы полотенец, полога, подзоры, праздничную одежду. Все эти геометрические мотивы перешли в узор из языческих времен, когда они имели свой магический смысл и радость оберегать от злых духов, приносить радость и благополучие.

Самый любимый, самый распространенный цвет орнаментов – красный. И это тоже не просто так, не случайно. Красный цвет – это символ боготворимого язычниками Солнца, а значит – Жизни, Добра, Счастья.

Кроме ткачества «в семью», когда была возможность сбыта, холсты и полотна ткали и на продажу. В базарные и ярмарочные дни в Василеве, Катунках, Пурехе в полотняных рядах продавались сотни аршин белого и крашеного холста различного качества и назначения.

В деревнях и селах Василевской округи повсеместно занимались и красивым делом, окраской холста. В книге «Художественные промыслы Горьковской области» (Горьковское областное издательство, 1939) Д.В. Прокопьев приводит данные о том, что в Катунках уже в 1797 году и окрашивали простой краской, приготовленной из русского сандала, синюю, из елховой коры – жаркою, а из березового листа зеленой до 760 кусков холста по 30 аршин в каждом.

Русский сандал получали из кустарникового дерева крушины. Ко-

рень марены, или крап, давал ярко-красный цвет, упомянутый выше жаркий, то-есть оранжевый, получался из ольховой коры.

Промысел по окраске холста и пряжи в середине XIX века широко был распространен в Пурехе и окрестных деревнях. Красильное дело явилось «стартовой площадкой» для жителя ближайшей к Пуреху деревни Остапово, впоследствии купца-пароходчика Василия Ивановича Сироткина (отца известнейшего в свое время на всю Волгу купца Дмитрия Васильевича Сироткина). С красильни начинал свое «дело» не менее известный литейным промыслом колокольчиков Егор Спиридонович Ключков.

Кто-то из жителей пуреховской округи по старинке занимался изготовлением крашенины даже в начале XX века. Причем здесь кроме однотонной окраски еще и «печатали» набойные ткани, они пользовались большим спросом. Деревянные манеры с растительным орнаментом для набойки делали местные резчики.

Если в старину более всего употреблялись краски растительного происхождения, самодельные, то в позднейшие времена и самым любимым и самым ходовым был цвет индиго. Эта привозная краска в огромных количествах закупалась на ярмарке и затем расходилась по деревенским красильням. Красильщики использовали ее и при однотонной окраске и в качестве фона в набивных тканях. Узор набивался масляными красками – сажей, киноварью, растертыми на конопляном масле. Краска наносилась на выступающие части орнамента «манер», затем сверху накладывали полотно и простукивали его деревянными набойниками.

Большим спросом пользовались набойки с белыми узорами по «кубовому», синему, фону. Узор белым получался без использования краски, а с помощью особого способа «резервирования» этих участков полотна. Вообще при набойке тканей красильщики применяли немало изобретательности, собственных выдумок и хитростей и с другими этими хитrostями делиться не торопились.

Однако все большее и большее распространение получали как льняные, так и хлопчатобумажные ткани производства московских и ивановских текстильных фабрик. Механизация и высокое качество производства «мануфактуры», в том числе и набивной ткани, постепенно свели на нет ручное домашнее ткачество и примитивное «печатание» с помощью манер.

Однако кросна, заброшенные на повети изб в дальних лесных деревушках, пригодились все же – да и как еще пригодились-то! – в

трудные военные и послевоенные годы, когда совершенно не из чего было сшить для ребятни ни штанов, ни рубахи, когда дорог был каждый метр.

Ткацкие станки и в старину, и в послевоенные годы применялись еще и вот для чего – на них ткали нарядные полосатые половички. Но тут в дело шла уж не льняная пряжа, а тряпки различного цвета, нарезанные на тонкие полосы и скрученные в жгуты. Скрученные тряпицы шли в уток, основой же служили прочные катушечные нитки.

Какой уют, какую радостную ноту вносили в убранство избы эти цветистые половички, постланные на желтые половицы свежевывитого пола! Не было в них какого-то замысловатого узора, однако и тут в гармоничном сочетании цвета чередующихся полос проявлялись народный вкус и понятие о красоте.

Подобным же образом ткались настенные прикроватные коврики, только тут уж полосатый узор был не очень-то уместен, и их ткали в шашку, в разноцветную клетку, ромбами, в елочку.

Еще проще оказалось для провинциальных рукодельниц сшить такие вот коврики, а то и покрывала и одеяла из лоскутков, из остатков ткани. Но этим занимались уже портнихи, когда в народный быт прочно вошли швейные машинки. Никуда уже не пригодных лоскутков при раскрое ситца, сатина и прочего материала оставалось порядочно. И вот изобретательный ум мастериц нашел-таки им применение. Из них выстригались треугольнички, квадратики, ромбики, прямоугольники, а потом уже из этих фигур составлялись и сшивались самые разнообразные орнаменты. Из-под рук портних, наделенных природным вкусом и чувством меры, выходили не просто нарядные, а поистине художественные вещи.

* * *

Прошли годы, прошли десятилетия. Чудом уцелевшие останки кросен с чердаков и поветей деревенских изб перекочевали в музеи сельских школ. Появился ткацкий стан в городском краеведческом музее «Василева Слобода». Когда же в Чкаловске был создан Центр ремесел, то его работники тоже где-то раздобыли поломанный ткацкий станок. Да вот только никто уже не знал, как, с какой стороны к нему подойти. Какое-то время спустя нашлись-таки мастера, изготовили недостающие детали, привели станок в рабочее состояние. И все равно он долго еще стоял без дела, ткать на нем никто не умел.

Но вот одна из мастериц Центра ремесел рассудила так – ведь работали-то на нем безграмотные деревенские женщины, значит можно разобраться что к чему, и отчего бы не попробовать? Зоя Алексеевна Смирнова до того, как стала работать в Центре ремесел была активной участницей самодеятельного дамского клуба «Лада». И чего только она не умеет – хоть шить, хоть вышивать, хоть на спицах вязать! А как ловко орудуют ее руки, когда она из обрезков тряпиц, а то так и просто пучка травы быстро – глазом не успеешь моргнуть – свяжет куклу-оберег. Оберег от сглаза, от дурного помысла охраняет.

В совершенстве владеет Зоя Алексеевна и лоскутным шитьем, возрождая еще несколько лет назад весьма распространенное, а в наши дни чуть было не позабытое ремесло, о котором говорилось выше.

В настенных ковриках и панно, покрывалах и одеялах, сшитых ею, красочные сочетания звучат то мощным, ярким аккордом, или же наоборот – цвета подобраны с большой деликатностью в мягкой гамме сближенных тонов.

Много места заняло бы одно только перечисление областных, все-российских, международных выставок, конкурсов и фестивалей, в которых Зоя Алексеевна не просто принимала участие, что само по себе уже почетно, но она там была в числе победителей, занимала призовые места. Сейчас, слава Богу, такие выставки проводятся регулярно, практически ежегодно. В них показывают свое мастерство лучшие рукодельницы России, и отрадно, что Зоя Алексеевна в числе самых лучших из них.

Так как же было не принять такую мастерицу в Центр ремесел! Приняли. Вот тут-то и загорелась Зоя Алексеевна желанием освоить новое для нее дело – ткачество. Начиная с азов, затем шаг за шагом все больше и больше росло умение.

Ездила в г. Бор, там, в Нижегородском колледже культуры, на курсах по ткачеству узнала немало полезного. Прошло совсем немного времени, и вот Зоя Алексеевна научилась ткать такие красивые вещи, что теперь ее уже стали приглашать в колледж для проведения показательных уроков.

Все более сложные задачи ставила перед собой мастерица, наконец, она освоила ткачество не просто нарядных дорожек и покрывал, а стала ткать сюжетные панно со сценами из народной жизни. Техника их изготовления похожа на ту, какой пользовались наши бабушки при изготовлении домотканых половичков, - основа набирается из прочных ниток, а поперечный уток из полосок цветной скру-

ченной в жгуты ткани.

Когда рукоделья накопилось изрядное количество, Зоя Алексеевна решила представить его на суд людской, решила показать лучшее из того, что было сделано ею за последние годы, на выставке.

Выставка была организована областным научно-методическим центром и проходила в залах «Народной галереи» этого центра в марте 2009 года.

И чего тут только не было – вещи вышитые и вязаные на спицах, лоскутные панно и шитье бисером, забавные куклы и тканые картины-панно.

Много добрых, теплых слов услышала Зоя Алексеевна от специалистов, от своих коллег, а также и от рядовых посетителей. Да иначе и быть не могло. Ведь все устремления мастерицы и направлены на то, чтобы вызвать радость в человеческих душах от соприкосновения с красотой народного искусства.

Выставка подытожила достигнутое, но она явилась еще и ступенькой, оттолкнувшись от которой можно идти дальше. Предела, края в творчестве нет никогда.

В июне 2009 года Зоя Алексеевна ездила в Карелию на первый Всероссийский фестиваль современного ручного ткачества. По лоскутной технике всевозможных конкурсов устраивается много, а вот по ткачеству – в первый раз. На фестиваль «Пестрые нити» съехались 34 ткачихи и один ткач из 24 областей и республик России. Им было о чем поговорить, было чем поделиться, было чему и поучиться друг у друга.

Зоя Алексеевна вернулась из Карелии полная новых впечатлений и планов. Порадовалась она и тому, что ее сюжетное панно вышло в каталог лучших работ, представленных на фестивале.

Мастерица использует любую возможность для того, чтобы поделиться с людьми той чистой радостью, какую самой ей приносит занятие народным искусством. С удовольствием показывает свое умение и приезжим туристам и местным жителям на городских праздниках.

* * *

Каждая из мастериц, работающих в Центре ремесел, владеет несколькими видами женского рукоделья. Многие из них любят и умеют вышивать – строчкой, гладью, тамбуром.

А вот Наталья Александровна Макарова освоила еще и совсем не-

обычный, нетрадиционный способ вышивки – не ручную иглой, а машинной. И вышивает она очень сложные по цвету сюжетные картины с элементами пейзажа, архитектуры.

Ну, и что же, скажете вы. Ведь многие женщины в наше время, чтобы чем-то занять и скрасить досуг вышивают сюжеты с картин хоть Брюллова, хоть Репина, используя для этого готовые наштампованные фабричным способом заготовки. Да что тут за новизна? Еще полтора века назад городские и провинциальные рукодельницы вышивали по канве – реденькому полотну с мелкой сеткой – и жанровые картины, и пейзажи, и пышные натюрморты, и даже портреты.

Все так, но дело в том, что Наталья Александровна не пользуется ни печатными заготовками, ни канвой, а вышивает совершенно свободно положенными в разных направлениях стежками различной длины. Эти стежки ложатся один на другой, их цвета дополняют друг друга, где-то они положены гладко, где-то образуют своеобразную фактуру. Зрительно смешиваясь и соединяясь, создают еще и нужный колорит. Вышивальщица как бы задается целью – с помощью иглы и цветной нити посоперничать с кистью живописца.

И планку Наталья Александровна ставит высоко – за основу своих вышитых произведений берет не абы что, не какие-то банальные, слащавые картинки. Нет, она обращается к творчеству самых лучших, самых известных наших художников-земляков. Это народный художник России, замечательный пейзажист А.М. Каманин. Это заслуженный художник России, много писавший и рисовавший старый Чкаловск, Н.А. Маркин.

Это и проникновенный певец Василева дореволюционной поры В.И. Чупрунов. Запечатленный в их картинах облик старинного Василева, навсегда исчезнувшего старого Чкаловска, вот эти мотивы и взволновали, тронули душу художницы-вышивальщицы.

Да, Наталья Александровна стремится к наиболее точному воспроизведению как самой композиции, так и цветового строя картин. Но, конечно же, она понимает, что нитками фактуру живописного мазка уж никак не воссоздашь. Поэтому она и создает фактуру при-сущую вышивке. Поэтому поверхность ее картин-вышивок тоже вибрирует, но уже несколько по-другому. И колорит вроде бы такой же, как в оригинале, да нет – немного не такой. Однако вот это небольшое несовпадение совсем не портит впечатления. Пусть другими средствами, но в вышитых картинах достигается главное – в них присутствует сам дух милой сердцу Василевской старины.

В живописи тончайшие нюансы получаются путем механического смешения красок. В вышивке такой возможности нет, в вышивке это достигается путем оптического смешения цвета положенных рядом стежков. И вот тут нужно большое чувство меры, чтобы не впасть в пестроту. Наталье Александровне как раз и дано, видимо от рождения, это удивительное чувство цветового единства.

Ни один кусочек в ее картинах-вышивках не вырывается, не «вылезает» из общего колорита, все цветовые пятна увязаны между собою, лежат на своих местах.

У вышивки поверхность не может бликовать, она всегда матовая, и это тоже усиливает впечатление от выбранных художницей сюжетов с видами былой старины. Изображение получается как бы чуть подернутым некой задумчивой дымкой, некой паутиной времени.

Нет, не превзойти живописца-художника ставит своей целью художница-вышивальщица, понимая, что этого сделать просто нельзя. Задача ее – показать возможности вышивки, показать, какие чудеса можно творить с помощью иглы и нити, да еще ... природного таланта.

За цикл своих работ картин-вышивок «Базар. Центр села Василева», «Набережная Волги до затопления», «Василево в начале XX века» Н.А. Макарова получила Гран-При на второй областной выставке-конкурсе «Сказочная нить», которая проходила в г. Кстово.

Новая техника вышивки полюбилась и В.В. Чугуновой, еще одной работнице Центра ремесел, хотя ее темпераменту и вкусу более близки другие сюжеты и мотивы.

Ведь каждая из мастериц стремится привнести в работу что-то свое, отличное от других. Вот и у Валентины Викторовны и в лоскутной технике и в вышивке есть свои находки, свое лицо. Но и ее работы – светлые, нарядные вносят в душу праздник.

Чаще же всего Наталья Александровна Макарова и Валентина Викторовна Чугунова над одним панно работают вместе.

В 2008 году З.А. Смирнова, Н.А. Макарова, В.В. Чугунова вошли в число победителей международной выставки-конкурса «Евроквилт». В этой престижной выставке участвовали они и в 2009 году.

А еще Н.А. Макарова и В.В. Чугунова вошли в число призеров Всероссийского конкурса по миниквилту (панно маленького размера 22 x 27 см), проходившего в Москве в 2008 году, где они заняли второе место.

Колокольчик среброзвонный

Ох, и далека же ты, дальняя дороженька, неохватимо оком бескрайнее белое поле, не видать ему ни конца, ни краю. Неведомо

куда и откуда мчит тройка вороных, и под дугою у коренника серебряным звоном поет, заливается неугомонный колокольчик. Вот уж и скрылась из виду тройка, а звон все еще плывет, разносится в снежных просторах.

Ямская тройка с постоянно сопутствующим ее стремительному бегу звоном поддужного колокольчика – как долго она была символом прежней России! Как хорошо, как органично сливалась в этом символе широта и удаль характера русского человека с щемящей, берущей за душу лиричностью!

Певучий ямской колокольчик! Он заслуживает благодарной памяти и признательности только уж за одно то, что его мелодичный звон послужил побудительным импульсом к появлению на свет множества великолепных перлов русской поэзии.

Сколько чудных поэтических образов навеяла дорога под ритмический перезвон колокольчика Александру Сергеевичу Пушкину, пока гонимый судьбою, бесконечно колесил он по России то в кибитке, то в возке:

*Еду, еду в чистом поле,
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

А как любил Пушкин ямщицкие песни!

*Пой ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.*

Как жадно ждал он – не огласит ли мертвенную тишину изгнания
перезвон подъезжающей тройки, находясь в Михайловском.

*Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам...*

Николай Васильевич Гоголь, так же, как и Пушкин, проведенный в дороге неисчислимо количество дней, уже и саму Русь уподоблял бойкой, необгонимой тройке: «Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал?». Дальше вы помните сами. А если забыли, то это в конце первого тома «Мертвых душ».

Немало замечательных поэтических строк посвятил дороге, тройке, стремительной удалой езде современник Пушкина Петр Андреевич Вяземский. Какими сочными красками живописует он перезвон ямского колокольчика! Сколько оттенков, сколько нюансов отмечает в нем тонкий, изысканный слух поэта!

*Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет и визжит.*

*По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.*

*Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.*

*Русский степи, ночи темной
Поэтическая весть
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.*

Надо отметить и то обстоятельство, что именно «дорожные» стихи русских поэтов чаще всего и легче всего ложились на музыку и становились любимыми народными песнями.

*Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.*

В основу этой песни легло стихотворение «Тройка» поэта-декабриста Ф.Глинки. Музыка была написана А.Верстовским. Песня стала настолько популярной, что забыв об авторах, ее стали считать народной.

А сколько элегии, сколько искреннего чувства, «сколько грусти в напеве родном» еще одной песни:

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика...*

Имя автора этих строк, поэта Ивана Макарова, напрочь забыто. А песня жила долго. Народной песней стало и стихотворение Н.А.Некрасова «Тройка».

*Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?*

Можно было бы припомнить много еще и прекрасных стихов, и замечательных песен, где звучит перезвон тройки, да во всем надо знать меру.

Колокольчик же продолжал откликаться в строчках русских поэтов вплоть до начала XX века, вплоть до Александра Блока:

*Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло....*

Вплоть до Сергея Есенина:

*Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится?*

* * *

Дедушка наш, Дмитрий Максимович Луньков, житель деревни Жуково был ямщиком, держал тройку лошадей. Мне видеть дедушку не довелось, он умер еще до войны. По словам мамы он был человеком покладистого, доброго нрава. Как и полагается ямщику, любил петь и песен знал множество. Разумеется, предпочтение отдавалось песням ямщицким, где повествовалось то о том, как в степи глухой замерзал ямщик, или о том, как «вез я девушку трактом почтовым» и «кто-то выстрелил вдруг прямо в девичью грудь». «Дедушкины» песни долгое время были любимыми в нашей семье. В их числе была и такая:

*Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.*

В детские годы непонятно было, что за надобность мчаться тройке по Волге-матушке. Но впоследствии объяснилось все очень просто – по замерзшей Волге в зимнее время пролегал один из важных почтовых трактов, так называемая дорога-зимник. О ней еще в самом начале XIX века писал русский путешественник Максим Невзоров: «От Нижнего дорога зимняя начинается Волгою и до самой Казани по ней продолжается. Знаменитая река сия зимою, покрывшись льдом, делает для саней легкую и гладкую дорогу. Во многих местах поднимаются с нее на берег и, переехавши селение, опять на нее спускаются».⁶

Дедушка наш ездил по этому тракту с различными поручениями и до Нижнего и до Казани, и далее везде.

⁶ И.А. Кирьянов. Сухопутные связи Нижнего Новгорода с Москвой (до 60 гг. XIX в.). «Записки краеведов», Горький, ВВКИ, 1983. стр.44.

Эта дорога-зимник была частью Сибирского тракта. Вообще же для осуществления промышленно-экономических, торговых и почтовых связей в России существовало три главнейших тракта: Москва – Петербург, Москва – Белгород, Москва – Тобольск. По ним круглый год зимою и летом в прямом и обратном направлении ехали обозы с грузами, товарами и продукцией самого разного назначения и характера. По ним с колокольным перезвоном неслись, вихрем летели ямские тройки.

Были и другие, менее значимые тракты. Ведь все более или менее крупные города имели между собою сообщение.

Нижегородская губерния в середине XIX века была одной из самых развитых в промышленном отношении губерний центральной России. И здесь до появления железных дорог основную долю торгово-промышленных, почтовых операций, пассажирских перевозок обеспечивали извоз и ямщичество. В одном лишь Балахнинском уезде в это время извозом и ямщицеством занимались около 3 тысяч человек. А сколько же тогда по всей губернии, а сколько по всей России? Так что ямщичество было весьма и весьма распространенным промыслом, да и сравнительно неплохо оплачиваемым.

И вот обоз ли тянется по тракту, пеший ли человек идет – все сторонились, все должны были уступить дорогу, заслышав звон ямского колокольчика. Его утилитарное значение и заключалось собственно в том, чтобы подавать сигнал. Так же, как в наши дни для этих целей предназначены сирены и мигалки у автомобилей специального назначения – пожарных, милицейских, «Скорой помощи».

Заслышав звон колокольчика смотритель ямской станции спешил закладывать тройку свежих лошадей. Вот потому-то почта в самые отдаленные захолустные города и села доставлялась гораздо быстрее, чем в наш сверхскоростной, но сверхбезответственный век.

Ну, а вернувшись к приведенным выше примерам распространенности ямщицества, можно представить себе и то, каков был спрос на поддужные колокольчики, можно судить и об объемах меднолитейного колокольного промысла.

* * *

У нашего дедушки, Дмитрия Максимовича Лунькова, кроме обыденной упряжки, предназначенной для повседневных поездок, была еще и выездная, праздничная, богато украшенная кистями, снабженная множеством колокольчиков и бубенцов. В Масленицу дед одевал

синий кафтан, подпоясывался алым кушаком, расчесывал гребешком на две стороны окладистую бороду и, обрядив тройку этою нарядной сбруей, выезжал в Василево, чтобы катать «с ветерком» всех желающих из конца в конец Большой улицы. Упряжь эта была довольно дорогой, ведь каждый колокольчик в конце XIX века стоил около рубля, а то и дороже.

Но ямщики не стояли за ценой. Зная толк в этом деле, они ценили хороший колокольчик прежде всего за напевность звона. Каждому колокольчику была присуща своя «окраска» голоса. Знатоки умели отличать десятки оттенков колокольного звона – серебряный, малиновый, требовательный, зовущий, разухабистый, заунывный, раскатистый, веселый, радостный, бархатный, ямской, шиллеровский, глинкинский, валдайский.

О привязанности ямщика к любезному другу-колокольчику говорит и такой нередко случавшийся оборот. Бывало так, что попадет ямщику «шлея под хвост», загуляет. А, загулявши, голову потеряет – заложит колокольчик трактирщику за стакан зелена вина. Потом, с трезвою головой, выкупает его втридорога, выручает друга.

Колокольчики подвязывались сыромятным ремешком к укрепленному под дугой колечку, которое называлось «зга». Если наступали сумерки, или поднималась выюга-метель, и колечка этого становилось не видать, то это и означало – «не видно ни зги».

Колокольчики под дугой подвязывали и по одному, и по два, и по три. Если один – то выбирается покрупней, позвончей. Если два – они и пели уже на два голоса, пониже – это «мужик», повыше – «баба». Три колокольчика издавали сложный, цветной, богатый оттенками звук.

По тону также подбирались и бубенцы, которые вешались на шею лошади на специально сшитом из мягкой кожи аркане. Бубенцов могло быть 7, 9 или 11. Самый нижний – самый басовитый – «болхарь», или «глухарь». За «глухарем» шли бубенчики поменьше, чем выше, тем мельче. Такие арканы надевались и на пристяжных. Бубенчики или мелкие колокольчики были спрятаны и внутри кистей, свисавших от уздечки, шлеи, седелки.

Колокольчики подбирались так, чтобы получился согласный аккорд, в котором были своего рода басы, альты, теноры. Умело, со знанием дела подобранный набор поддужных, подшейных колокольчиков и бубенчиков звучал разнообразно, с множеством подголосков и вместе с тем – слаженно, стройно.

Недаром троечную упряжь с таким согласным звоном называли «ямской гармонью». Тональность «ямской гармонии» подбиралась соответственно случаю – масленичная, свадебная тройка звучали мажорно, если везли рекрутов – звук был заунывным, печальным.

В общем, для того, чтобы обрядить тройку колокольчиками-бубенчиками, нужен был и музыкальный слух, и вкус и понятие. Это было своего рода искусство.

Но искусство в первую очередь требовалось для того, чтобы суметь отлить эти, на разные голоса поющие, колокольцы. На всю Россию и далеко за ее пределами славились своей звонкой продукцией мастера меднолитейщики села Пурех Нижегородской губернии. Пурех был одним из главных мест, а к концу XIX века и самым главным местом, где в изобилии и в самом широком ассортименте изготавливались ямские колокольчики и бубенцы.

Безо всякого сомнения и троечная упряжь у нашего деда была снабжена колокольчиками-бубенчиками пурехского производства.

* * *

Когда и где были отлиты первые на Руси ямские колокольчики – это установить совершенно невозможно. Ямская гоньба с перекладными станциями, ямами, была перенята русскими у татаро-монголов и существует с XIII века. С этого же времени как неременный атрибут ямской конской упряжи существует и колокольчик.

В начале XIX века центров колокольного производства было много – это Касимов, Павлово, село Слободское Вятской губернии, Рязань, Тула, Петербург... Но самым знаменитым, самым известным на всю Россию местом этого промысла в те годы, конечно же, было новгородское село Валдай.

Существует красивая легенда о том, как зародился колокольный промысел в Валдае. По преданию дело было так. Вечевой колокол, поднявший на бунт новгородскую вольницу, битый плетью, с вырванным языком, везли в ссылку. На одном из валдайских увалов колокол упал с воза и разбился вдребезги. Валдайские кузнецы собрали эти осколки все до единого и отлили из них в память о том, большем, колокольчики маленькие, кто – в кулак величиной, кто меньше. Эти колокольчики и стали подвязывать под дугой конской упряжи, чтобы они разносили весть о непокорной новгородской вольнице.

Но, разумеется, это всего лишь легенда. Настоящей же причиной появления колокольного промысла в Валдае послужило то обстоя-

тельство, что он был расположен на одном из главных российских почтовых трактов Москва – Петербург, и производство колокольчиков там процветало до тех пор, пока не была открыта в 1861 году Николаевская железная дорога. С ее появлением промысел в Валдае стал угасать, а в Пурехе – расти.

Наиболее ранний из подписных датированных колокольчиков Валдая относится к 1802 году, а первый из известных коллекционерам колокольчиков Пуреха помечен 1816 годом (мастер И.А. Митюнин). Однако по мнению исследователей, говорить о производстве колокольчиков в Пурехе как о более или менее массовом промысле можно лишь начиная с 1820–30 годов, то есть после того, как российское «торжище», ярмарка перебралась из Макарьева в Нижний. Во второй половине XIX века уже не Валдай, а Пурех владел пальмой первенства по производству меднолитых предметов конской упряжи. Пурех стали называть нижегородским Валдаем.

Что же представляло из себя волостное село Пурех в середине XIX века? Прежде всего оно славилось великолепным Спасо-Преображенским храмом, поставленным спасителем Отечества князем Д.М. Пожарским в память освобождения Москвы от польских захватчиков. Долгие годы как святыня хранились в храме переданные Пожарским хоругвь народного ополчения и Животворящий Крест Господень, по преданию привезенный им из Соловецкого монастыря. В храме были также иконы, находившиеся при князе Пожарском во время похода на поляков. Издалека приходили и приезжали люди, чтобы поклониться этим святыням.

Славился Пурех, еженедельными воскресными базарами и ежегодными, проходившими 19 января, в день Преподобного Макария египтянина, ярмарками. В эти дни в Пурех со всей округи съезжалось великое множество народа, свозилось большое количество продуктов крестьянского труда, промыслов и ремесел. Произведенные торговые операции тут же незамедлительно «обмывались» в трактирах и питейных заведениях, коих в селе было предостаточное количество. Торговля в этих заведениях шла бойко еще и потому, что Пурех находился на тракте Нижний Новгород – Ярославль.

По этому тракту каждый день шел и ехал крещеный люд и весьма у многих была нужда подкрепиться в дороге стаканчиком водки. Были в Пурехе и постоянные дворы, и харчевни. При населении 520 человек обоего пола торговлей в селе занималось около 100 жителей.

Виноторговля была самым выгодным делом – приносила до 500

рублей чистого дохода в год.

Славился Пурех и мастеровыми людьми, каменщиками и столярами, красильщиками и кузнецами. Однако священник И. Лебединский, опубликовавший в «Нижегородском сборнике» за 1869 год обширную статью о Пурехе, во всех подробностях описывая жизнь и быт села, о меднолитейщиках обмолвился одной лишь фразой: «...есть литейщики поддужных и шейных колокольчиков, бубенчиков, колец, пряжек и других орнаментов для конской упряжи». Это означает, что промысел существовал, не сказать о нем было просто нельзя, но и не достиг еще того расцвета, чтоб можно было говорить о нем более пространно.

Но вот прошло каких-то десять-пятнадцать лет и колокололитейный промысел разгорелся как пожар на ветру, им стало заниматься практически все мужское население Пуреха и округи.

* * *

Среди множества снимков знаменитого фотографа Максима Петровича Дмитриева, увековечивших то пестрое и многоликое действо, каким была Нижегородская ярмарка, известны и такие, где запечатлен колокольный ряд. На мощных перекладинах висят огромные многопудовые церковные колокола, зеркальной ярью горят они на веселом солнышке. Здесь же, в колокольном ряду, оптом и в розницу продавались в десятки раз уменьшенные копии церковных колоколов – поддужные колокольчики, изготовленные однако с ничуть не меньшей старательностью и искусством. В огромном количестве привозили их сюда мастера меднолитейщики из Пуреха. Наиболее состоятельные из хозяев пуреховских заводов имели здесь свои собственные лавки и приказчиков, а также и складские помещения.

Колокольчики и бубенцы, тщательно уложенные и расфасованные по размерам, везли в Нижний обозами в самом конце зимы, пока еще можно было проехать дорогой-зимником. Это было дешевле, чем летняя доставка по воде.

Об объемах сбываемой в Нижнем продукции красноречиво говорят материалы Нижегородского губернского земства. А они свидетельствуют, что в 1902 году на ярмарку из Пуреха было доставлено колокольчиков на сумму 35 тысяч рублей, в 1905 году – на 40 тысяч рублей. Если учесть, что средняя цена колокольчика составляла 80 копеек, то нетрудно подсчитать объемы сбыта и в количественном выражении.

Через Нижегородскую ярмарку пуреховские изделия распространялись не только по всей России, но и в Сибири, Закавказье, Средней Азии и в Западных областях.

Здесь же, на ярмарке, закупалось и необходимое для литья сырье. Нижегородские купцы металл, в том числе медь и олово, оптом скупали на уральских заводах. По рекам Белой, Каме и Волге доставляли в Нижний.

«Почти все количество железа и меди Урала привозится для сбыта на Нижегородскую ярмарку, – писал П.И. Мельников. – Для них нет другого пути во внутреннюю Россию, кроме Камско-Волжского, нет и другого удобного места для временной складки и распродажи, кроме нижегородской ярмарки, находящейся на таком месте, откуда волжский путь открыт».⁷

Вот и пурешане закупленное в нижнем сырье – медь и олово – доставляли к месту производства также Волгой, но уже водным путем (ярмарка открывалась 15 июля). Металл сгружали в Василеве, а затем уже гужевым транспортом «возовики» доставляли слитки-чушки на место в Пурех. В материалах губернского земства зафиксировано, что «в 1901 году в Пурех завезли 11 тысяч 100 пудов меди, вся она была переработана на колокола».

Закупка и доставка сырья требовала немалых денег и доступна была лишь заводчикам с солидным доходом. Хозяева заводов, доходы которых были наиболее значительны, постепенно превращались еще и в купцов. Они закупали в Нижнем материал для литья как для себя, так и для литейщиков, чьи заведения и доходы были намного скромнее. Те же самые купцы скупали у мелких мастеров и колокольчики для продажи на ярмарке. Таким образом, рядовые литейщики фактически становились все теми же наемными рабочими, только работали у себя дома.

Итак, огромный спрос на продукцию, связанный с близостью одного из главнейших в стране Сибирского тракта, доступность закупки сырья и сбыта продукции, связанные с близостью Нижегородской ярмарки, сыграли решающую роль в бурном и широком распространении колокольного промысла в Пурехе и его округе.

* * *

Еще во времена работы директором музея В.П. Чкалова мне дове-

⁷ П.И.Мельников. «История Нижегородской ярмарки». Собр. соч., т. 6. М., 1963.

лось однажды быть в запасниках Нижегородского историко-архитектурного музея заповедника. Пользуясь случаем, я попросил показать коллекцию колокольчиков.

Всего в коллекции более 50 единиц хранения и почти все они высокохудожественного исполнения. Среди всех колокольчиков лишь два валдайского происхождения, один касимовского, а остальные, конечно же, пуреховского. Большинство из них подписные, то есть на них указано имя мастера или владельца завода, многие датированы.

Заведующей фондами захотелось продемонстрировать голос одного из колокольчиков. Она предложила мне засечь время звучания. После удара колокольчик пел аж целых 17 секунд!

По подолу «юбок» колокольчиков рельефной вязью выведены имена и фамилии - «Братья Трошины», «Братья Молевы», «Макар Трошин», «Михаил Макарович Трошин», «Федот Макарович Трошин», «Федор Алексеевич Веденеев», «Егор Спиридонович Ключков»...

Вот они-то, эти мастера, и были зачинателями, а затем и самыми известными заводчиками колокольного дела.

В числе тех первых, кто стоял у истоков промысла, были меднолитейщики Трошины, впоследствии их династия стала самой распространенной, самой разветвленной и самой преуспевающей.

Пошла же эта династия с Якова Васильевича Трошина, который еще начиная с 1820-х годов отливал различные мелкие детали для конской сбруи – колечки, крепежные и декоративные бляшки. Но до колокольчиков у него дело не дошло. Колокольчиками в 1860-е годы стали заниматься его сыновья Федот и Макар. Первоначально они работали вместе в мастерской отца. В эти годы валдайские колокольчики славились и ценились очень высоко. Поэтому для того, чтобы придать больше авторитетности и «веса» своей продукции братья делали на своих колокольчиках такие надписи: «Братья Трошины в Валдае», «Валдай. Братья Трошины».

Наследники Федота Яковлевича и Макара Яковлевича работали уже каждый сам по себе.

Успешно шли дела у всех троих сыновей Макара Яковлевича. Его старший сын Федот Макарович имел собственное заведение, где работало до 10 человек, но он умер сравнительно рано в возрасте 50 лет в 1902 году от чахотки. После его смерти промыслом занималась его жена Анна Александровна. Она поставляла продукцию на Нижего-

родскую ярмарку до 1916 года.

На широкую ногу поставил производство второй сын М.Я. Трошина Алексей Макарович. В 1880–90-е годы в его заведении отливалось около 3 тысяч колокольчиков и 50 тысяч бубенчиков в год. Меди расходовалось за год до 560 пудов. Это было самое мощное из всех существовавших в России производство колокольчиков.

В 1896 году на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде Алексей Макарович был награжден серебряной медалью и выпустил несколько партий колокольчиков с ее изображением. А.М. Трошин был первым из российских колокололитейщиков, кто представил свою продукцию на международной арене.

В 1900 году он экспонировал колокольчики на Всемирной выставке в Париже.

А.М. Трошин после того, как обзавелся семьей, стал жить в Балахне, хотя и в Пурехе у него был весьма обширный двухэтажный деревянный дом.

При Советской власти в этом доме длительное время размещалась начальная школа, а сейчас его занимают несколько семей пуреховских жителей.

Алексей Макарович умер в тот же год, что и старший брат Федот сорока шести лет от роду.

С 1903 года после смерти Алексея Макаровича заведение стало именоваться «Наследники А.М. Трошина», и именно с такой надписью теперь стала выпускаться его продукция. Перешло же дело в руки его родной сестры Прасковьи Макаровны с мужем Сергеем Алексеевичем Зубковым. Марку Трошиных они удержали не только в надписи, но и в качестве продукции. В 1908 году в Ростове-на-Дону на сельскохозяйственной промышленной выставке наследники А.М. Трошина были награждены золотой медалью. Они были также участниками 2-й Всероссийской кустарно-промышленной выставки в Петербурге.

Младший сын Макара Яковлевича Трошина Михаил завел свое дело в девятнадцатилетнем возрасте в 1878 году. Быстро встав на крепкие ноги, он перебрался на жительство в Балахну. В Пурехе жил лишь наездами, здесь у него так же, как и у брата Алексея Макаровича, был добротный двухэтажный дом. Однако и он, как и его отец, как и его братья, умер рано в сорокалетнем возрасте.

Сын второго из двух компаньонов заведения «Братья Трошины» Федота Яковлевича – Яков Федотович – тоже занимался колокольным

делом но он, женившись, «ушел в семью», то есть стал жить в семье жены, и по староверскому обычаю должен был взять ее фамилию. Так пошла еще одна ветвь – династия меднолитейщиков Малышевых, а фактически все тех же Трошиных. Дочь Я.Ф. Трошина (Малышева) Наталья Яковлевна вышла замуж за Павла Григорьевича Чернигина, одного из двух братьев, также занимавшихся литьем колокольчиков. Внук Якова Федотовича – Иван Максимович Трошин, живший в деревне Пырьево и умерший в 1976 году в 83-летнем возрасте, был «последним из могикан», последним из династии Трошиных, кто оставался верен ремеслу дедов и прадедов. Вплоть до Великой Отечественной войны он отливал колокольчики в своей мастерской в амбаре, сам же и обтачивал их на токарном станке. Этот станок сейчас находится в Нижегородском историко-архитектурном музее заповедника.

Нельзя не рассказать, хотя бы и более кратко и о двух других династиях зачинателей промысла – Овечкиных и Веденеевых.

Овечкины основали свое заведение в 1834 году. С 1881 года заводом владел Кузьма Иванович Овечкин. Его изделия отличались особой чистотой литья и широким ассортиментом. Кроме поддужных колокольников здесь отливались и станционные колокола.

К.И. Овечкин в 1882 году на Всероссийской выставке в Москве был отмечен бронзовой медалью, а сын его Василий Кузьмич, возглавивший дело после смерти отца, участвовал во Всероссийской выставке 1902 года в Петербурге.

У истоков пуреховского промысла стояли и братья Алексей и Василий Федорович Веденеевы. Их дело продолжал сын Алексея – Федор Алексеевич. Его продукция была высокого качества и пользовалась повышенным спросом. В 1885 году была устроена губернская выставка кустарных изделий. Участник выставки Ф.А. Веденеев был награжден за представленные колокольчики бронзовой медалью «За трудолюбие и искусство». Полученную награду Веденеев широко разрекламировал,

выпустив несколько партий колокольчиков с изображением медали. Впоследствии его примеру стали следовать и другие мастера.⁸

В период расцвета медно-литейного производства в 80-90 годы XIX века в Пурехе и его окрестностях литьем колокольчиков занимались

⁸ И.А. Духин. И заливается задорно Нижегородский бубенец. Альманах «Памятники Отечества», № 2, 1985. стр. 149

не менее чем в 25 заведениях. Появлялись и разрастались все новые и новые династии литейщиков, и среди них были замечательные мастера, чьи изделия сейчас занимают достойное место в музеях Нижегородчины и за ее пределами, а также в частных коллекциях.

* * *

Первыми из пурешпан, кто стал заниматься литейным делом, это были, конечно же, кузнецы. Ими Пурех славился еще со времен Д.М. Пожарского.

Что необходимо в первую очередь для литейного производства? Печь с горном и мехами. Она есть в любой кузнице. Все остальное, необходимое для литья, приобреталось или изготовлялось, и кузница, таким образом, переоборудовалась в литейную.

Внешне кузни ничем не отличались от обычных бань, а так как производство было связано с огнем, то и ставили их, если была такая возможность, как и бани – подальше от жилья, поближе к речке или ручью. Внутри литейной кроме печи с горном и мехами у стены располагался длинный, широкий стол. Над ним висели подвешенные к потолку решета для просеивания опочной земли. На

столе же находились ящички-опоки, в которых готовились формы для литья, и весь необходимый для работы инструмент – тигли, набойники, подпилки, резцы, палештур. Здесь же, в кузне, стоял и самодельный станок для проточки отливок.

Работа по отливке колокольчиков начиналась, с подготовки опочной земли и самой опоки, формы для литья. Большого терпения и внимательности требовала эта кропотливая работа. Но не будем с дотошной подробностью описывать все ее тонкости, а посчитаем, что форма уже готова.

Теперь можно и горн раздуть, можно приступить к плавке.

Ее начинали с того, что в первую очередь в графитовых тиглях расплавляли медь. Температура ее плавления выше, чем у второго компонента сплава, олова, да и объем меди в сплаве в три раза больше. Поэтому олово добавлялось в медь за 5–10 минут до окончания плавки.

И вот наступал очень ответственный момент. Перед заливкой сплава в форму надо было поймать его оптимальную температуру. Сплав, если он чуть холодней, чем нужно, затвердевает слишком быстро, не успевает полностью и равномерно заполнить форму. Такой брак у литейщиков называется «козел». Ну, и что же тут долго

думать? Взять да погреть сплав подольше. Ан нет – в перегретом сплаве олово всплывает вверх, происходит разделение металлов. Сплава как такового и не получается.

Важно было найти и точное соотношение меди и олова. Звучность бронзе придает олово, но его избыток делает колокольчик хрупким, нестойким к ударам. Если же в сплаве оказывалось больше, чем нужно меди, звук колокольчика становился глухим, неярким, «тонул» и «вяз» в мягкой меди.

Бронза получалась наиболее качественной, когда меди в ней было 75 – 78%, а олова в пределах 22–25%. Но все это определялось «на глазок», путем проб. Для пробы малую порцию сплава выливали в углубление на камне. Остывшую пробу ломали и смотрели на излом. По его цвету и зернистости опытный литейщик определял качество сплава.

Когда сплав был готов, приступали к литью, и это была уже самая ответственная операция. «Господи, благослови», – говорил в таких случаях даже и не очень-то верующий в Бога литейщик. Доведенный до оптимальной температуры сплав через отверстие – литник заливается в форму, и пока он ее заполняет, мастер напрягает слух – если металл шумит, значит, через него проходят пузырьки газа. Из-за них образуются раковины, пустоты. Колокольчик потеряет прочность, звук его будет ущербным, дряблым. Если же металл наполняет форму спокойно, без шума, – можно надеяться на успех. Вот почему и считалось, что литье колокольчика, как и вообще всякое литье, – это единство труда и искусства, опыта и удачи, воли и счастливого случая.

И еще хочется сказать вот о чем. Было поверье такое – чем хлеще соврешь при литье, тем удачнее получится отливка. У В.И. Даля есть такое замечание: «Колокола льют, говорится обо всех несбыточных, выдуманных новостях, потому что в отливке колокола, по суеверию распускают какую-нибудь небылицу. Колокола отливают, так вести распускают, по поверию».

Не послужило ли это поверье тому, что и в само изделие, в надпись на нем закладывалась небылица, дезинформация вроде такой, как «Братья Трошины в Валдае»? Не этим ли объясняется еще одна распространенная, но загадочная надпись на колокольчиках: «Лит с серебром»? Ведь анализ бронзы, из которой они отлиты, показывает, что содержание серебра в ней не более чем естественная примесь.

Но вот отливка затвердевала. Ее вынимали из опоки, очищали от приставшей земли, зубилом обрубали лишние куски бронзы, оставшиеся в литнике, подпиливали края «юбки». Теперь колокольчику нужно было придать лоск и блеск. Это делалось на станке. Поскольку никакой механизации не было и в помине, то при обточке один рабочий вращал рукоятку маховика, а другой резцом обрабатывал закрепленную особым образом отливку. После резца в ход шли рашпили и гладилки. С помощью палештура и полировочного порошка поверхность колокольчика доводилась до зеркальной чистоты.

Художественный вкус и искусные руки требовались при выполнении надписей и рельефных орнаментов. Для надписей использовались разнообразные шрифты от печатных букв до старинной славянской вязи. Четкости и чистоты в мелких деталях добивались вручную с помощью надфилей и гладилок.

* * *

Меднолитейные заведения в период расцвета промысла кроме Пуреха были еще не менее, чем в десяти прилегающих к нему деревнях. Но мастера, хозяева заведений, обозначая место производства изделий, все равно указывали на Пурех. Одним из наиболее известных заводчиков, представителей пуреховской периферии был Егор Спиридонович Ключков, житель деревни Остапово.

Свое дело Ключков завел в 1863 году и весьма успешно занимался им целых полвека. До этого у него была красивая мастерская, но сообразив, что литейный промысел более выгоден, Егор Спиридонович переквалифицировался и на месте красильни оборудовал меднолитейный завод.

Ключкову не довелось даже окончить полный курс церковно-приходской школы, но тяга к знаниям у него сохранялась на протяжении всей жизни. Он постоянно занимался самообразованием, много читал, имел хорошую библиотеку. Ключков хорошо разбирался в чертежах, внимательно следил за исследованиями и рекомендациями по литейному делу. Все это давало свои результаты.

В 1907 году на выставке в Брюсселе Е.С. Ключков за свои изделия был награжден золотой медалью.

В 1908 году в Ростове-на-Дону за представленные колокольчики он получил большую серебрянную медаль, за литье корабельных деталей – большую золотую.

В 1913 году его колокольчики экспонировались в Риме, и заводчик Остапова опять был отмечен золотой медалью.

В первые годы завод Ключикова ничего особенного из себя не представлял, размещался в деревянном срубе, где до этого была красильня. Тут и работали хозяин с семьей да два наемных работника.

У Ключиковых было немалое крестьянское хозяйство – земельный пахотный участок, лошадь, две коровы, свиньи, куры. Но всем этим с появлением завода Егору Спиридоновичу заниматься стало уже некогда, и все заботы по ведению сельского хозяйства он переложил на плечи жены и старших дочерей. Достаток позволял на время сева, сенокоса, уборки урожая нанять работников со стороны.

Все думы и заботы Ключикова были направлены на завод. Год от года дела все больше и больше шли в гору. И вот в 1878 году он задумал расширить свое предприятие.

Не убирая старого деревянного помещения, он строит рядом с ним кирпичные здания литейной и токарной мастерских, помещение для упаковки и склада готовой продукции.

Задуманное ему удалось осуществить полностью лишь к середине 1890-х годов. К этому времени на его заводе имелись две медеплавильные печи, пять токарных станков, четырехсильный нефтяной двигатель «Болиндер», служивший для привода токарных станков. Наемных рабочих было до 40 и более человек. Работали по 12 часов, но когда сроки выполнения заказа поджимали, переходили на круглосуточный режим работы.

Да, у медалей, получаемых на выставках Е.С. Ключиковым и другими пуреховскими заводчиками, была и обратная сторона. Вот как в одном из номеров «Нижегородской Земской Газеты» в корреспонденции из Пуреха описываются условия работы токаря: «Согнувшись, по несколько часов без перерыва, он оттачивает литье, весь уходя в дело, и это продолжается в сутки 15 - 17 часов. Здесь медь окончательно уже налагает свое клеймо, и точильщика не трудно отличить и непривычному глазу. С испытанным лицом и тощей грудью, он частенько покашливает при разговоре и без сомнений уже жертва чахотки».

Чахотка как профессиональная болезнь и смертность от нее в Пурехе были очень распространены. В вышеупомянутой газете сообщается также о том, что в заведениях Пуреха и его окружи широко использовался детский труд, причем дети наравне со взрослыми работая по 15–17 часов в совершенно неприемлемых условиях, получали

сущие гроши – по 6-8 рублей в месяц. Не удивительно, что при таких условиях труда среди мастеровых-меднолитейщиков пьянство было обычным явлением.

В 1914 году, чтобы хоть как-то скрасить быт ремесленников, в Остапове на средства только что созданной потребкооперации была открыта библиотека, где читатель мог еще и выпить бесплатно чашку чая. Библиотека открывалась в выходные дни и в будние дни два раза в неделю с приходом почты. Выписывались газеты «Нижегородский листок», «Волгарь», «Русское слово», популярный журнал «Нива».

В этом же 1914 году начался упадок предприятия Е.С. Ключикова. Сказывался возраст, много сил ушло на расширение производства. Ключиков передал завод своему зятю Митяеву, но у того дело не пошло. Были тому и объективные причины. Производство упало и в других заведениях.

Началась первая мировая война, медь сильно подорожала, да и дорогую достать было трудно. Ярмарки в Нижнем не стало. Спрос на колокольчики резко снизился, а потом и вовсе исчез.

После революции завод Е.С. Ключикова перешел государству, здесь из кустарей образовалась промартель «Красный Колокол». Основной продукцией артели были рыбацкие колокольчики, однако спрос на них был не велик. Горько, должно быть, было глядеть на все это Е.С. Ключикову. Умер он в 1922 году. Примерно так же сложилась судьба и других пуреховских меднолитейных заведений.

* * *

Ну, что же пришла пора повнимательнее посмотреть и на сам пуреховский поддужный колокольчик. Как он выглядел?

Снаружи по «юбке» колокольчика почти всегда размещалась какая-нибудь надпись, а нередко и рельефный орнамент или изображение. Это придавало колокольчику более нарядный декор, но, в первую очередь, делалось в целях рекламы продукции.

Надписи носили порой характер шутливого афоризма:

«Езжай – поспедай, звони – утешай»,

«Звону много – веселей дорога»,

«Купи – денег не жалеи, со мною ездить веселей»

«Кого люблю – того звономъ одарю»,

«Купи – не скупися, ездй – веселися»,

и так далее.

Иной раз надпись красноречиво говорит о том, какими «грамотеями» были пуреховские литейщики: «Колоколь даръ Валдая звени уныла пот дугой».

Но чаще всего надписи носили чисто информационный характер, они являлись как бы паспортом колокольчика. В них указывались год и место изготовления, имя мастера или хозяина завода, номер, означающий размер колокольчика. Вот типичные надписи такого рода: «1880 села Пуреха завода Федора Алексеев. Веденеева», «№1 М.Ф.В.» (здесь литеры М.Ф.В. означают – мастер Федор Веденеев), «№ 1 И.М. Григорей Е. Тепленинъ 1874 года въ Пурехе» (литеры И.М. означают – изготовил мастер»).

Орнаменты и изображения на колокольчиках, к которым наиболее привержены были пурешане, отличались и своеобразием, и разнообразием. Наиболее часто встречающееся изображение, а, значит, и наиболее любимое – это Георгий Победоносец на коне, копьем поражающий змия. Часто встречается изображение двуглавого орла с короной. По подолу «юбки» их размещено то три, то четыре и заключены они в шестиугольные рамки.

Делали колокольчики и с растительным орнаментом, нередко в него включены три лиры, что указывало, должно быть на особые музыкальные качества колокольчика.

На выставки различного ранга колокольчики изготавливались с особенным тщанием и искусностью. Их украшали изображения царя Александра III, герба России. Из-за сложности получения в отливке четкого рельефа, такая тонкая работа не каждому мастеру была по силам. Заводчики, отмеченные какой-либо медалью

на выставках, не упускали случая в целях рекламы поместить ее изображение на своих изделиях.

Эффектно обогащали декор колокольчика умело введенные в общий орнамент широкие полосы не отшлифованной бронзы.

Надо заметить, что орнаменты на знаменитых валдайских колокольчиках носили другой и более скромный характер.

Ассортимент колокольчиков по конфигурации, по форме был весьма разнообразен. Наиболее ходовыми были такие: валдайский (их подписывали – «Валдай», «Дар Валдая»), сибирский гладкий, сибирский граненый, гречушный, ново-сибирский, московский и т.д.

У них у всех были разными и силуэт колпака, и соотношение высоты колокольчика к диаметру раструба. У наиболее ходового, «классического» валдайского колокольчика это соотношение равнялось

один к одному. Из-за этого соотношения и закрепилось название – валдайский. А отливали такие колокольчики и в Касимове, и в других центрах промысла.

Все эти виды колокольчиков отливались еще различными и по величине и имели нумерацию от № 0 до № 3. Самый крупный № 0 стоил рубль и чуть дороже, № 3 – 50 копеек.

При таком разнообразии ассортимента в ином заведении-мастерской бывало до 200 различных литейных форм.

По желанию заказчика колокольчики изготавливались с серебряным покрытием, они назывались «белыми». Такие колокольчики обыкновенно снабжались надписями: «По особому заказу», «Съ серебромъ», «Лить с серебромъ». Серебрение осуществлялось примитивным способом в гальванических камерах. Слой покрытия был очень тонок, и оно под воздействием атмосферного воздействия быстро исчезало. Надпись же оставалась и вызывала недоумение исследователей, не обнаруживших серебра в самом металле. Серебро в сплаве бронзы просто не нужно, его присутствие «погасило» бы звук колокольчика.

В период упадка производства колокольчики отливались из чугуна с медным покрытием.

Гальваническое покрытие широко применялось и при изготовлении бубенчиков. Бубенчики не имели, может быть, такой громкой славы, как колокольчики, но и они были непременной частью конской упряжи, особенно парадной, выездной. И они производились в Пурехе в огромных количествах.

В. И. Даль отмечает чуть ли не дюжину названий бубенчиков – болхарь, глухарь, бухарь, гремок, гормотунчик, гормотушка, громышек, гремушка, балабончик, бубенец...

В Пурехе их звали еще и балабоши, воркуны, шаркуны. И опять же они изготавливались в широком ассортименте, разного фасона – граненые и гладкие, с кантом и с прорезью, однорезные с дверочками...

* * *

В заключение следует сказать хотя бы несколько слов о других видах продукции пуреховских заведений-мастерских. Кроме поддужных колокольчиков здесь отливали колокола станционные, сигнальные, судовые.

В ассортименте литья были фигурные дверные и оконные ручки, пепельницы, подсвечники. По отдельным заказам изготавливали судовую фурнитуру и принадлежности. Так, скажем, все строившиеся на Сор-

мовском заводе суда укомплектовывались масленками для паровых машин исключительно пуреховского производства. Были среди пурешан и мастера на всю Россию славившиеся изготовлением паровых гудков.

В период первой мировой войны некоторые из меднолитейных заводов Пуреха изготавливали муфточки и стаканы для ручных гранат. В этот период при дефиците сырья литье производилось из отходов – медной стружки и лома.

После революции медь для литья достать стало трудно – не было больше Нижегородской ярмарки. Да и спрос на колокольчики упал почти до нуля. Литейщикам ничего не оставалось, как перейти на чугунное литье. Чугун достать было проще. Лили кухонную посуду, печную фурнитуру – дверки, колосники и другую фасонину.

В 1922 году была восстановлена Нижегородская ярмарка, но колокольного ряда там уже не было.

Навсегда без возврата остались в прошлом удалая тройка и заливи-стый ямской колокольчик. И только в русской песне иногда все еще слышится этот волнующий душу перезвон:

*В лунном сияньи снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
Дин-дин-дин, дин-дин-дин,
Колокольчик звенит...*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

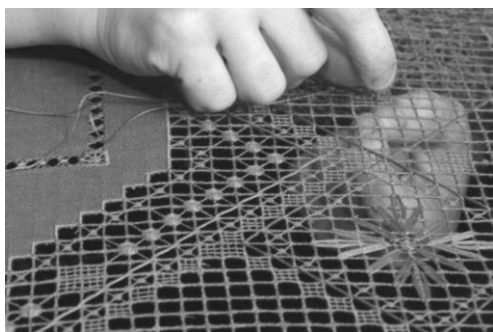
Не роса на лесной паутинке,
Не мороз разукрасил окно –
Строчая на беленой холстинке
Свой узор положила умно.

Инструмент весь – наперсток
 да пяльцы.
Задумчивая песня светла...
И колдуют над вышивкой
 пальцы,
Быстро тонкая ходит игла.

А мотивы такие родные!
Ты взяла белизну у берез,
У рябины листочки резные,
С неба месяц и россыпи звезд.

Тебе ландыш милее, чем роза,
И, как будто кому-то в укор,
Свои тихие девичьи грезы
Ты вдохнула в искусный узор.

В непогоду, в любое ненастье
Скатерть, вышитая тобой,
Вносит в избу и радость,
 и счастье,
В душу вносит уют и покой.

Гипюр сказочный узор

Приходилось ли Вам бывать когда-нибудь в небольшом поволжском городке или селе? Они и разные, и в то же время в

чем-то похожи друг на друга. А похожи, наверное, тем, что всегда органично вписаны в окружающий ландшафт и в особенности удивительно красиво слиты с неспешно текущей внизу Волгой. Волга становится как бы уже неотъемлемой частью жизни поселения и людей, обитающих в нем.

Такими вот старинными селами с тесными кривыми улочками, лепящимися по волжскому берегу, и были когда-то Катунки и Василева слобода, стоявшие всего в семи верстах друг от друга. Белые церкви, белые березы, белые купеческие дома...

А внизу Волга. На Волге проходило детство. С Волгой было связано все самое хорошее. Волга незаметно, как бы исподволь делилась с людьми своей добротой и силой. В чуткую к красоте женскую душу переливала она свою нежность и мягкость.

Не от нее ли, матушки-Волги, задушевная напевность в узорах строчей - вышивальщиц?

Не высказать словами как прекрасна на Волге пора цветения.

Она наступает с приходом мая. Белая кипень яблонь, вишеня аж перехлестывает через заборы. Дурманящие, кружащие голову запахи стоят теплым, безветренным вечером над садами. И сколько целомудренной чистоты в каждом цветущем кусте и в каждом из бесчисленных соцветий!

Разве найдется человек, у которого бы не наполнилось сердце нежностью, не защемило сладко душу при виде белого дива цветущих садов?

Вслед за яблонями и грушами в свой черед вырядятся в белые кружева черемуха, рябинка с калинкой. А когда отцветут они, стоит дунуть слабому ветерку, и понесет, закружит по майской теплыни белая пушистая пороша...

Не эта ли вот майская пурга опустилась на строчевую сетку наших мастериц?

Но вот пройдет май, колесом покатится красное летечко. Придет и грибная пора. С каждым, наверное, это бывало в лесу: плутаешь в чащобе, все ельник да сосняк. Темно, сумеречно. И вот выберешься к полянке, а на другом ее краю - березовая роща, ствол к стволу. Так и озарит светом! И даже в пасмурный день покажется, будто солнце вышло из-за туч. Обрадуешься, и легко, тепло на душе станет.

Такая же вот бессознательная радость охватывает, если осветит вас ослепительная белизна строчевой вышивки...

Белая ажурная строчка – один из исконных старинных видов русской вышивки. И сейчас подобной вышивкой украшаются детская и женская одежда, столовое и постельное белье, декоративные изделия для интерьера. Особенную ценность представляют сложившиеся на основе народных традиций, самобытные местные виды вышивки. Среди этих видов славится и белая ажурная вышивка, похожая на сквозное легкое кружево – «Нижегородский гипюр».

Вышивальщицы Катунок, Новинки, Пуреха и других сел нашей округи овладели гипюрной вышивкой в конце XIX века, но как неповторимый своеобразный стиль вышивки «Нижегородский гипюр» сложился в 1930-1940-е годы.

Традиции гипюра продолжают развиваться чкаловскими художницами и мастерицами и в наши дни.

«Нижегородский гипюр»... Так и хочется с самого начала повести рассказ о его узорах то прозрачных и тонких, словно разводы мороза на зимнем окне, то белокипенных, как яблоневый цвет в мае.

Однако трудно сколько-нибудь основательно понять изобразительный характер орнамента гипюра, почувствовать его поэзию, а если хотите – его душу, не познакомившись, хотя бы коротко, с историей его становления, не ознакомившись со специфическими приемами строчки.

Из истории промысла

Искусство вышивки, как и любое другое искусство, никогда не стоит на месте. Каждый раз, выполняя

программную выставочную работу, художницы ищут и находят новые средства выражения, новые приемы, новый строй орнамента.

Но надо сказать, что в поисках нового, вышивальщицы всегда держат в голове и старое. От главных принципов гипюрной строчки не отступают. Ведь настоящее новое, как побег ветви на дереве, вырастает органично и необходимо. Питают же побег корни дерева. В глубину веков уходят корни русской вышивки.

С древнейших языческих времен вышивкой-орнаментом снабжались мужская, женская, детская одежда, предметы внутреннего убранства жилища. Элементы орнамента вышивки – кружки, спирали, кресты, ромбы – все вместе и каждый в отдельности имели особый магический смысл, они выполняли роль оберега, то есть охраняли, оберегали человека, его жилье, пищу от злых духов, от нечистой силы, и одновременно с этим приносили здоровье и силу, благополучие и удачу.

Чтобы уберечь тело от проникновения нечисти, вышивка размещалась по краю подола рубахи, по низу рукавов, на воротнике, у грудного выреза. С той же целью вышивались края скатерти-столешника, концы полотенца-рушника.

Первичный смысл языческих орнаментов-символов постепенно забывался, но как былины и песни передавались из уст в уста, так и мотивы вышивок, подобно преданиям седой старины, передавались из перст в перста от матери к дочери, от бабушки к внучке.

Очень часто магический смысл и значение имели не только орнаменты-узоры, но и сами предметы, на которых они были вышиты. Особо почетная роль отводилась в культовых языческих обрядах полотенцу. (Полотенце – уменьшительная форма от слова «полотно»).

На чистое полотенце принимали новорожденного. На полотенце клали хлеб да соль, встречая гостей. В дни свадьбы расшитыми полотенцами обряжалась вся изба, красный угол, иконы.

Жениха и невесту связывали полотенцем, как бы скрепляя их союз. На полотенцах опускали в могилу колоду с покойником, а после вешали их на священное «древо жизни», или же на угол избы умершего. Многие из этих обычаев, пережив века, дошли до наших дней. Ведь совсем недавно еще можно было увидеть в крестьянской избе нарядное вышитое полотенце, повешенное над зеркалом или над рамкой с фотографиями, а хлеб-соль на шитом рушнике подносят гостям и сейчас. Вот, оказывается, откуда, из какой седой старины идет эта особенная расположенность и любовь современных вышивальщиц к полотенцу-рушнику.

Свой магический смысл на Руси имел также и цвет предметов обихода, одежды и украшавшей ее вышивки. Белый цвет означал непорочность, чистоту. Может быть, поэтому одноцветные вышивки белым по белому так широко распространены в украшениях нижних одежд, постельного и столового белья. Белые строчевые вышивки настилом по мелкой сетке были распространены повсеместно. Конечно, они претерпевали со временем какие-то изменения, но вплоть до семнадцатого столетия сохраняли древнерусский характер орнаментики.

Широкое распространение в древнерусской вышивке имели ажурные швы – по выдергу, белая и цветная строчка, разнообразные мережки.

Они выполнялись не по цельной, а по разреженной ткани, по сетке, образованной путем выдергивания продольных и поперечных нитей полотна. Исстари хранили старинные традиции украшения одежды и убранства избы крестьянки глухих лесных деревень и сел соседней с нашим краем Ивановской округи. После отмены крепостного права, когда большая часть женского крестьянского населения из-за несправедливого раздела земли осталась высвобожденной, здесь стал бурно развиваться строчевышивальный промысел.

Купец Елисеев организовал в селе Верхний Ландех предприятие по производству и сбыту строчевышитых изделий. На него работали

вышивальщицы Верхнего и Нижнего Ландеха, Холуя, Палеха, Пестяков и близлежащих деревень. Эти села расположены на границе нынешнего Чкаловского района с Ивановской областью и вполне естественно, что промысел, распространяясь, захватил и соседние села – Соломаты, Белое, Новинки, а затем добрался и до Катунки. Здесь промысел пустил корни, стал расти и процветать. Для этого была готова соответствующая почва. В те времена Катунки были крупным промысловым и торговым поволжским селом. В послереформенное время большинство крестьян Катунки остались безземельными и безлошадными. Единственным средством для существования были промыслы.

Вот как характеризовал Катунки В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России». «В селе Катунки в 1889 году было 380 дворов (все без посева) с 1305 жителями. Во всей Катунской волости 90,6 процента дворов занято промыслами, 70,1 процента работников занято только промыслами (то есть не занимаются земледелием)».

В Катунках были развиты кожевенное, клееваренное, кошомное ремесла. Часть женского населения занималась кружевоплетением. Однако, из-за появления в 1880-х годах кружев машинного производства, этот промысел, требовавший кропотливого, утомительного труда и приносивший мизерный доход, стал умирать.

Более выгодной показалась Катунским женщинам белая строчка. Думалось, проще, доходней будет, чем кружевное дело. И вот уже скоро эта работа заняла руки всего женского населения Катунки. Да и не только женского. Вскоре в Катунках не стало видно даже играющих ребятишек. Не говоря уже о девочках, к строчке привлекались и мальчики до 12–13 лет. Детей обычно сажали за «держку», подготовительную операцию строчки, которая требовала большой внимательности, аккуратности, терпения. Летом и стар, и млад высыпали на улицу, рассаживались с палочками на крылечках, на лавочках, на лужайках. Зимой, при свете керосиновой лампы, до полуночи склонялись над работой.

Вот как описывал состояние промысла в 1896 году М.А. Плотников: «Все молодое женское население Катунки и окрестных селений, до детей включительно, занято этим производством. С 7 лет начинают работать девочки, рано теряя живость движений, приобретая сутулость фигуры и предрасположенность к чахотке. За утомительную 15–18 часовую работу строчечницы получают по 12–15 копеек, которые благодаря расплате продуктами и материалами для строчечницы (нитка-

ми) понижаются до 10 копеек в день»⁹.

На первых порах Катунские строчей носили сдавать свою продукцию в соседние села Ивановской области, но вскоре в Катунках появились и свои скупщики.

Часто это были выходцы из своей же среды, но оборотистые, снооровистые люди. Нужно было знать куда отвезти, кому предложить товар, уметь показать его лицом. Продукцию возили в столицы – Москву, Петербург, в крупные города и даже нередко за границу.

В советские времена исследователи отводили скупщикам весьма неблагоприятную роль «пауков». Разумеется, себе в убыток никто из них не торговал. Но совершенно очевидно, что без их деятельности строчевышивальный промысел просто напросто не смог бы жить и развиваться. Скупщики привозили строчечам материал для работы, нитки, иногда расплачивались продуктами. Они привозили из города и образцы вышивки. Именно они «виновники» того, что в лесных деревнях и селах нашего края, а затем и в Катунках, появилась гипюрная вышивка.

Само название «гипюр» означает собственно определенный вид кружев. Еще в эпоху Возрождения на Западе были широко распространены гипюрные игольные кружева. На Западе в конце XIX века получила распространение вышивка по сетке с крупной ячейкой, которая носила чисто геометрический характер и именовалась «гипюром». Рисунки модного западного «гипюра» стали повсюду пропагандироваться в России в различных тогдашних пособиях по рукоделию и в приложениях к популярным журналам. Мода была подхвачена, гипюрная строчка быстро распространялась, вытесняя цветочные мотивы. За нее схватились скупщики, они всегда шли за спросом. Для них важно было лишь единственное – выручка, доход. Появился спрос на гипюр, и вот в различных районах строчевышивальных промыслов появились образцы «рассыпного гипюра», «старинного гипюра», «японской строчки». Эти вышивки с аскетически сухими, линейно-геометрическими мотивами были мало интересны в художественном отношении. Однако впоследствии в каждой местности, где был развит строчевышивальный промысел, завозной гипюр претерпевал изменения, развивался по своему пути. Он, как бы привитой к корню местных традиций вышивки, питался народными соками, обретая новые качества. Мастерицы каждого куста на

⁹ М.А.Плотников. Нижегородская губерния по исследованию земства, часть II, Крестьянские промыслы СПб, 1896г.

основе гипюра создают свои, новые, самобытные виды вышивок.

Катунские строчей также дали начало новому виду вышивок, впоследствии названному «горьковским гипюром». Сейчас его называют «нижегородским».

Но процесс стилиобразования шел медленно. К началу XX века лучшими мастерицами была освоена вышивка гипюром, ажуром, японской строчкой.

В 1913 году в Катунках открывается показательная мастерская по строчке и вышивке белья. Просуществовала мастерская недолго, всего полтора года. И все-таки она внесла некоторое оживление в Катунскую строчку, дала толчок для поисков собственных путей в строчевой вышивке.

* * *

Империалистическая война, а затем гражданская война, холодные и голодные годы, годы хозяйственной разрухи приостановили развитие строчевого промысла.

Негде было достать материал для строчки, негде было ее сбыть. Не до строчки было. Даже Александр Иванович Молев, крупнейший до революции в нашем крае скупщик строчевой работы, вынужден был приостановить свое широко поставленное дело. С началом первой мировой войны он был призван в действующую армию.

После того, как отсвистели пули, отсверкали шашки гражданской, молодая Советская власть разрешила временно торговлю частным предпринимателям.

В 1921 году возобновляет свою деятельность по скупке строчки А.И. Молев. Вскоре его дело приобретает еще больший размах, чем в дореволюционный период. Он занимается скупкой в селах Белое, Новинки с многочисленными близлежащими деревнями, а также в соседних деревнях Владимирской и Иваново-Вознесенской округи. Александр Иванович быстро восстановил необходимые связи в Иваново-Вознесенске и Москве. И вот уже вновь его строчкой торгуют лучшие магазины Мосторга и Центросоюза.

Возобновила свою деятельность, начатую еще в 1890 году и скупщица Катунской округи В.П. Бельцева.

Однако Советским правительством почти с самого начала его существования был принят ряд мер, направленных на то, чтобы поддерживать многочисленные кустарные промыслы. Декрет ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности», подписанный в

апреле 1919 года, гарантировал неприкосновенность предприятий кустарей и свободную торговлю их изделиями. Для практического внедрения в жизнь плана кооперирования в кустарной промышленности были созданы специальные учреждения – Всероссийское кооперативное товарищество по производству и сбыту кустарных и артельных товаров (по принятому в те времена сокращению – Кустарь-сбытсовет промысловой кооперации, с 1920 года – Главное управление кустарной и мелкой промышленности (Главкустпром).

Вот в таких условиях, в обстановке соревнования со скупщиками и организуются в молодой стране первые кооперативные объединения. В таких условиях зарождаются первые артели строчей в Чкаловском районе.

Самыми первыми не только в районе, но и в области объединились в артель в августе 1924 года строчей Катунок. В духе того времени артель назвали именем Н.К. Крупской.

Застрельщиком и организатором артели была Софья Николаевна Дубынина, да еще несколько мастериц, работавших вместе с нею еще в 1913 году в учебно-показательной мастерской, всего 16 человек. Дубынина, оставшаяся в 1919 году без мужа (он умер от тифа) с одиннадцатью детьми на руках, вложила в дело свои последние 50 рублей. С них-то, с этих 50 рублей, и началась Катунская трудовая артель по строчке и вышивке белья. В октябре 1924 года в артели было уже 88 строчей.

Трудно, очень трудно было артели в первые годы. Нелегко было тягаться со скупщиками. У каждого из них был свой круг строчей, которых он хорошо знал, знал и их работу. В артель на первых порах шли в основном строчей из тех, кто были послабее, кто остался за кругом скупщиков. Лучшие мастерицы боялись порвать связь со скупщиком, думали: «Что-то еще выйдет из артели?»

Изделия скупщикам обходились дешевле, чем артели. Они привозили из города лучшие, наиболее интересные образцы вышивки. Самым способным мастерицам, чтобы заинтересовать и закрепить их, они устанавливали зарплату повыше, чем у других. В артели оплата труда не зависела от его качества. Изделия выходили дороже, а качество похуже, «послепее».

Все торговые операции скупщики производили только наличными. Артель вначале не имела никаких средств.

На скупщиков работали агенты. Они знали Москву, знали к кому и как подойти. В результате их белоснежный товар красовался на

прилавках Главного московского универмага, не говоря уже о других магазинах. А с изделиями артели ходили по деревням «пензенские коробейники».

Из-за плохой организации сбыта артель часто не могла даже выплатить работницам зарплату, не могла обеспечить всех мастериц заказами. У артели не было своего помещения, все строчей работали на дому.

Правление артели занималось только приемкой работы и ее сбытом, а также обеспечением работниц материалами и заказами.

И все-таки, несмотря ни на что, артель держалась. Держалась благодаря энергии, нестигаемой воле и преданности начатому делу ее председателя Дубыниной. Продержавшись год, артель вступает в члены Губпроизводства.

Артель стала иметь возможность получать кредиты. Поправляются ее финансовые дела. Заработная плата стала выплачиваться своевременно и постепенно повышаться. В 1925 году в артели было уже не 80 работниц, а вдвое больше. В 1926 году она объединила 290 строчей.

Строчей Беловской округи, видя, что у Катунской артели дело идет в гору, в 1926 году организуют свою артель.

А в конце 20-х годов уже при содействии Горьковского строчевышивального союза организуются артели и в других крупных селах – Пурехе, Новинках, Сицком. Год от года крепнет кооперативный строчевышивальный промысел.

В начале 30-х годов сбыт строчки через скупщиков полностью прекратился. Прекратился по той простой причине, что, как ни прискорбен этот факт, но большинство из них в 1930-е годы подверглись репрессиям. А.И. Молев был арестован, посажен в одну из нижегородских тюрем и там расстрелян как враг народа. Теперь уже и лучшим строчьям ничего не оставалось делать, как вступить в артель. Дальнейшее развитие гипюра идет через коллективное творчество. Государство, чтобы стимулировать развитие артелей, обеспечивает их крупными экспортными заказами. В 1932 году пять артелей почти половину продукции отправляют за границу - в США, Канаду, Германию. Мастерицы постоянно работают над вышивкой уникальных выставочных и подарочных изделий, участвуют на внутренних и международных выставках.

Конечно, трудности были и в то время. Хоть Катунская артель и занимала в 1930 годы два больших бывших купеческих дома, но к то-

му времени она и насчитывала уже более 500 мастериц. Всего же по району работало около трех тысяч работниц. Где же для них всех было взять оборудованные мастерские? Большинство продолжало работать на дому. И все-таки в эти годы появились сильные побудительные мотивы творческого отношения к труду. К тому времени в работах мастериц определились уже принципиальные черты «Нижегородского гипюра».

* * *

В 1927 году строчевышивальная артель появилась и в Василеве. Десять лет спустя экипаж великого летчика-земляка Валерия Чкалова совершил беспримерный героический перелет через Северный полюс в Америку. С этого года поселок Василево стал называться Чкаловском. Строчевышивальная артель также получила имя В.П.Чкалова.

Вскоре ее возглавила Зоя Николаевна Горохова. До сих пор Василевские вышивальщицы работали на правах отделения Катунской артели. Образовавшись, артель быстро начинает расти и вскоре сама обрастает отделениями в ближайших деревнях – Рябинине, Скатице, Мякишеве, Бегучеве.

В предвоенные годы в артели работало уже около 500 вышивальщиц. В течение четырех предвоенных лет артель ютилась и в волгостроевском бараке, и в здании бывшей церкви. Только в 1940 году был выделен для артели двухэтажный деревянный дом. В здании этом могла поместиться лишь десятая часть работниц, остальные работали на дому.

Но и у тех, кто работал в здании артели, условия были немного отличными от домашних. Швей приходили на работу каждая со своей машиной, белье гладили жаровыми утюгами, часто приходилось работать с керосиновой лампой. Артель до 1941 года объединяла разношерстные производства – индивидуальный швейный пошив, строчку, вышивку.

Разнообразной была и продукция: «крестом» вышивались украинки и косоворотки, белой гладью – блузки, платья, сорочки женские, строчкой – подзоры, накидки, наволочки, скатерти. Однако, ни гладевая вышивка, ни вышивка крестом не являлись традиционными местными видами оформления одежды. В самих мотивах не было своеобразия, подобные рисунки рассылались на фабрики и Городца, и Лыскова, они были распространены во Владимирской, Ива-

новской и других областях.

В 1941 году артель специализировалась только лишь на строчке. Но в этом памятном году грянула война.

Суровые, неимоверно тяжелые годы. Трудными они были для артели. Закрылись ее отделения в окрестных деревнях – на селе стала на счет каждую пару рук.

Артель в годы войны выполняла большой, ответственный и почетный заказ фронта – изготавливала и поставляла для частей Советской Армии боевые знамена. Знамена, вышитые Чкаловскими мастерицами, согретые теплом их умелых рук, прошли вместе с воинскими частями героический победный путь до Берлина. Кроме того работницы артели шили для Армии гимнастерки, плели маскировочные сети.

Первые послевоенные годы также были нелегкими. Не хватало сырья, вышивали на марле, да и ее не хватало. Швейные машины изношены донельзя. В цехе невероятная теснота. И только в пятидесятые годы промысел начинает крепнуть, по-настоящему вставать на ноги. В 1950–53-х годах в артель поступают швейные и вышивальные машины. За десять послевоенных лет объем строчки возрастает в сорок раз.

В 1958 году артель начинает строительство нового, большого современного здания, а в 1960 году оно было пущено в эксплуатацию.

В конце 50-х годов в Чкаловском районе начинается объединение строчевышивального производства. Сначала в 1959 году к Чкаловской артели присоединяются на правах отделений Чистовская и Пуреховская артели.

В 1960 году артели Чкаловская, Катунская, Новинская стали именоваться фабриками. Связано это было с тем, что промысловая кооперация была ликвидирована, и большинство предприятий художественных промыслов с этого времени были переданы Главному управлению бытового обслуживания населения РСФСР.

В последующие годы продолжается укрупнение строчевышивального промысла. В 1962 году к Чкаловской фабрике на правах отделений присоединяются Катунская и Новинская фабрики. Вскоре Новинское отделение ликвидируется. В 1960-е годы, Чкаловская фабрика с отделениями в Чистом, Пурехе и Катунках объединяла все строчевышивальное производство в районе.

Именно в эти годы и начался новый этап в жизни фабрики. Модернизируются все технологические процессы обработки ткани, по-

купаются быстроходные швейные машины, высокопроизводительные гладильные прессы. Оборудуются поточные линии машиной вышивки изделий.

И вот, чтобы не сложилось впечатление о строчевом промысле, как о чем-то архаичном, давайте пройдем по цехам фабрики. Давайте, хотя бы бегло, посмотрим весь процесс с самого начала. Прежде всего, поступающая ткань проверяется на промерочной машине, где выявляется брак, дефекты на материале. После проверки ткань идет в раскройный цех. Здесь внедрен безостановочный крой ткани, подкройка ведется электроножом. Раскроенная ткань идет в швейный цех.

В светлом, просторном цехе ровный, тугой гул машин. Стоят они в несколько рядов, над ними склонились женщины - и пожилые, и молодые. На пошиве работают быстроходные новейшие машины. В соседнем цеху работают заготовщицы под ажур, или как их здесь называют «дергольщицы». Эту операцию пробовали механизировать, но пока хорошего решения не нашли, поэтому основной объем держки до сих пор производится вручную. А вот и цех машинной вышивки. Около половины продукции вышивается машиной. Машины выполняют обвив сетки, заделку края строчевой вышивки, разделку узора по сетке, мережки. Конечно, машина есть машина. Делает она далеко не все и не так, как хотелось бы. Но зато дешево и быстро. Часто в изделиях сочетается машинная вышивка с ручной.

Быстро снует иголка в руках опытной вышивальщицы, но машинная игла ходит несравнимо быстрее, утнаться ли за ней строчее-ручнице! Чтобы сделать один метр узкой мережки вручную надо затратить час, а машина на это тратит три минуты. Метр широкой мережки надо строчить полтора часа, а машина с этим справляется за пять минут. И работу выполняет качественно. И все-таки наблюдаешь со стороны и убеждаешься, что вышивает не машина, а опять же золотые руки мастериц, овладевшие умной техникой.

Машины-помощницы лишь освобождают вышивальщиц от кропотливого, утомительного порою труда, оставляя право на творчество, на вымысел рисунка за художницами.

Теперь изделию осталось придать товарный вид – отгладить и упаковать. На глажении продукции работают гладильные прессы. Буквально несколько секунд, и огромный пододеяльник отглажен. Благодаря «умным» машинам на фабрике в 1970–1980-е годы неуклонно росла производительность труда, увеличивались объемы выпускаемой продукции.

И это при стабильной практически численности работающих в

1000-1200 человек. На фабрике постоянно проявлялась забота не только об условиях труда, о повышении квалификации и уровня мастерства работниц, но и о бытовых условиях. Были построены благоустроенные общежития, детский сад. Казалось бы, только жить да радоваться...

* * *

Но вот пришли годы экономических реформ, годы перехода на рыночные отношения. Резко, в одночасье были нарушены все связи с предприятиями поставщиками сырья. Запасы ткани были не велики. В 1994 году численность работающих на фабрике сократилась до 400 человек, в 1996 году в связи с реорганизацией фабрики ее Катунское отделение приобрело самостоятельность, и число работающих упало до 150–160 человек.

Оставшиеся на фабрике мастерицы и другие работники получали мизерную зарплату и то не вовремя. Вынужденно перешли на четырехдневную рабочую неделю.

В общем, новому, только вступившему в должность директору Елене Владимировне Кирилловой был преподнесен букет «прелестей», расцветавших махровым цветом в первые годы реформ. Долги перед банком, долги перед работницами, долги, долги.... Как распутать этот клубок, как разорвать замкнутый круг? Здесь надо сказать, что коллектив фабрики во все годы ее существования возглавляли энергичные, всей душой болевшие за дело люди. Нелегко было работать в годы становления артели и в военные годы Зое Николаевне Гореховой.

Все трудности строительства нового здания фабрики и модернизации производства легли на плечи Александра Михайловича Антипова, возглавлявшего коллектив 16 лет. Год от года предприятие наращивало производство под руководством Леонида Николаевича Горелова. И ему достался весьма весомый кусок жизни фабрики – 14 лет. Каждому из них довелось нести свой «крест», и каждый сделал для фабрики все, что мог.

Вот и на этом, новом витке, коллективу повезло с директором. Молодая, полная неугасимой энергии директорша предпринимает одно за другим быстрые и смелые решения для поправки финансовых дел – отдает в аренду часть опустевших помещений, ищет и находит денежных соучредителей акционерного общества. Учиться работать по-новому приходилось на ходу. Оптимизмом и энергией Елена Владимировна заряжала и заражала всех тех, кто остался на

фабрике, кто остался рядом с ней. И они, поверив молодому директору, вместе с ней искали новые нестандартные пути, чтобы устоять, чтобы выжить.

Да, выжить. Сегодня остро встает вопрос о сохранении традиционных художественных народных промыслов.

В Нижегородской области некоторые предприятия, не выдержав прессинга, перешли из отрасли художественных в разряд обычных промышленных.

У нашей фабрики за время ее существования было несколько официальных названий – трудовая артель, строчевышивальная фабрика, ТОО «Гипюр», а сейчас – ЗАО «Гипюр». Но неофициально у жителей города она, фабрика, всегда называлась коротко и просто – «строчка». Как сохранить на «строчке» строчку, изначальную основу производства – вот о чем болит голова у Е.В. Кирилловой.

– Сейчас наши вышивальщицы используют более 10 различных рисунков для украшения столового и постельного белья, стремясь угодить вкусу самых взыскательных покупателей. Однако объемы производства далеко не такие, как нам хотелось бы, – говорит Елена Владимировна.

– Но перспективы все же есть. Сейчас мы начинаем выходить со своей продукцией на внешний рынок. Отрадно, что иностранцы берут изделия именно с традиционной вышивкой. Это позволяет занимать работой вышивальщиц, а значит сохранить промысел, сохранить строчку.

Елену Владимировну беспокоит отсутствие стабильных заказов внутри страны, от областных предприятий сферы обслуживания.

К сожалению, сейчас все предприятия народных промыслов брошены на произвол судьбы. Помощи нет ниоткуда, предлагается жить по принципу: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Ситуация действительно сложилась критическая. Она заставила попечительский совет Фонда художественных народных промыслов Нижегородской области обратиться с письмом к председателю Законодательного собрания Е.Б. Люлину и к председателю Государственной думы РФ Б.В. Грызлову: «Причиной того, что исчезают отдельные виды промыслов, является отсутствие цельной государственной политики в этой отрасли.

Введение нового Налогового кодекса привело к безвыходной ситуации в народно - художественных промыслах. Поддержка их необходима на всех уровнях – федеральном и региональном. Причем неза-

медлительная, ибо времени на раздумья уже нет».

Правительственная поддержка могла бы проявиться не только в обеспечении предприятий государственными заказами, но и в поднятии престижа народного искусства. – Почему бы, – сетует Елена Владимировна, – Министерству культуры не приобретать высокохудожественные изделия, панно, изготовленные к тематическим выставкам, для различных музеев страны? Тогда они бы действительно стали достоянием народа.

Со своей стороны Е.В. Кириллова, как директор, делает очень многое для повышения престижа как самого предприятия, так и его продукции. За последние годы здание фабрики стало красивым, современным. Обновились интерьеры вестибюля, кабинетов, производственных помещений. При всем безденежье директор не жалеет для этого средств. Пусть человек, пришедший сюда впервые, поймет, что он не на провинциальную, захолустную фабричку попал, а на современное серьезное предприятие.

На фабрике оборудован прекрасный выставочный зал. Пусть всякий, пришедший сюда, поймет, что «Нижегородский гипюр» – это не отжившее свой век, пропавшее нафталином старье, а изделия высокохудожественные и наисовременнейшие. Пусть каждый, пришедший сюда, ахнет от изумления и восхищения искусством чкаловских мастериц!

Слов нет, трудно живется сейчас народным промыслам, но Е.В.Кириллова с гордостью говорит: «Наш гипюр живет и дышит!».

Всякая пора хороша в нашем крае, есть своя прелесть и у русской зимухи! Бывает так – проснешься зимним январским утром, глянешь в окно – а там! После ночной кутерьмы-метели мягким, чистым, ослепительной белизны снегом запущены и дома, и деревья, и заборы. Само окно завалило снаружи чуть ли не наполовину, а выше, будто цветом вишневым залепило.

Смотришь – не насмотришься, как сверкает под солнцем, вспыхивает лучистыми огнями снежный покров. Снежинки-блестки медленно спускаются сверху с чистого неба. Прилипнет снежинка к окну, приглядишься – какое совершенство в ней заключено, какая геометрическая строгая красота! Может именно они, звезды-снежинки, рассыпались по трепетным узорам рукодельниц-строчей? Может у январского утра взяли вышивальщицы снежную ослепительную белизну гипюрной строчки?

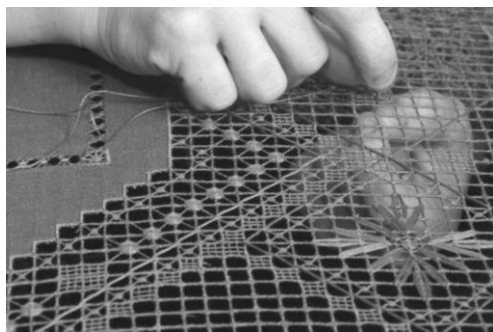
А в другой раз, в том же окне утреннее январское солнышко возь-

мет да и зажжет ледяные инеевые цветы, наведенные за ночь выдумщиком бабушкой Морозом. Заискрится иглисто узор, запереливает!

С какой разумной соразмерностью и точным расчетом расположен он в прямоугольнике окна!....

Глядишь и гадаешь, что бы это могло быть? Похоже на что-то, всегда что-то напоминает, но никогда в точности не повторяет ни одно из виденных растений, ни одну из существующих форм.

И опять приходят на память ажурные узоры Чкаловских вышивальщиц: до того тонкие и прозрачные, что идохнуть-то на них боязно. Так и кажется, что растает сейчас узор, как тают инеевые цветы в окнах от дыхания оттепели...

И пусть в душе родится радость

Белое поле полотна, туго
растянутое в пальцах...
Это, как чистый лист бу-
маги, к которому еще не

прикасалось перо поэта, как прямоугольник холста, нетронутый кистью художника.

Вышивальщицу нетронутая белизна волнует. Что-то выйдет из-под руки? И вот взялись за дело умные пальцы. Много часов, много дней минет, прежде чем прозрачный сквозной узор ляжет на полотно целиком.

Но выполнить вышивку это поддела. Вышить – это как песню спеть. А прежде чем спеть, надо песню сложить. В старину слова песен из поколения в поколение передавались из уст в уста, мотивы вышивок – из перста в перста.

В наши времена рождение узора начинается с бумаги. С миллиметровой бумаги. На ней, на миллиметровке, сразу же в масштабе можно прикинуть и вычертить «большую форму» будущего изделия, уяснить его пропорции, соотношения частей к целому. По бумаге, карандашом пока, намечаются линии мережек. Мастерница пробует и так, и эдак. Передвигает, стирает. Знает – на полотне уже не сотрешь. Рисует квадраты, ромбы, прямоугольники будущего узора. Пока просто заштрихованные квадраты и ромбы без рисунка. Ищет композицию изделия. Не много ли их квадратов и ромбов? Когда лишне – нехорошо. Узор должен украшать вещь, его должно быть столько, сколько нужно. Ни больше, ни меньше.

А вот сколько его нужно? Это подсказывает мастернице вкус, природная ее интуиция. Узор – не самоцель. Узор должен подчеркивать

и выявлять конструкцию и назначение вещи.

Когда целое найдено, здесь же рядом на миллиметровке вычерчивается узор. Если все изделие обычно рисуется в масштабе один к десяти, то узор получается один к одному. Почти. Потому что ячейка клетки в вышивке восемь миллиметров, а размер клетки на бумаге пять миллиметров.

И продолжается поиск мотива. Рисунок узора нужен свой, свежий. Мастерница не любит повторять сделанное ранее, придуманное другими. Возможности гипюра позволяют бесконечно разнообразить как все композиционное решение в целом, так и разделки основной его части – цветка.

Рисует вышивальщица черным по белому, в настоящем же узоре черные линии карандаша будут белыми нитями. Рисует условно, воздушные петли помечает крестиками, а сетку не чертит совсем. Для того и берется миллиметровка, чтобы сетку не рисовать.

Но вот рисунок готов. Теперь его надо перевести в материал. Кропотлива и требует огромного внимания первая операция строчки – держка. Если в вышивке, какой стежок и не так расположен, ну что же – распорол и переделал. А тут уже не переделаешь, выдернутые нити не вставишь.

Держка – это подготовка сетки под ажурный узор. Сетка образуется путем подрезания, и затем удаления, выдергивания определенного количества продольных и поперечных нитей основы и утка. Например, через каждые три нити шесть – восемь нитей удаляется.

Несколько лет назад вышивальщицы нашли такой выход из положения: в квадрат, вырезанный в изделии под будущий узор, вшивают готовую сетку фабричного изготовления – рефеть. И затем уже по ней выполняют вышивку. Это снижает трудоемкость, но все же в основном до сих пор применяются ручная держка. Когда держка закончена, берется вышивальщица за иглу. Сувениры, подарочные, уникальные выставочные изделия вышивают, как и десятки, как и сотни лет назад иглою в пальцах. Объяснить на словах, как запяливается полотно – трудно, это надо видеть своими глазами. Будем считать, что оно уже запялено. Что еще нужно, чтобы приступить к делу? Иголка, ножницы, сантиметр да наперсток – вроде бы все под рукой. Но нет, не все, пожалуй. Нужно запастись еще большим терпением, чтобы просидеть за кропотливой работой долгие дни.

И вот уже заныряла иголка, будто сама, будто живая по ячейкам сетки. Сетку после держки для прочности перевивают белой ниткой.

И только после этого уже на нее в соответствии с рисунком наносится узор различными разделками. Один за другим расцветают на плотне белые цветы. Будто первый след по свежему снегу бегут мережки... Для выполнения мережек выдергиваются только продольные нити, а на поперечных строится узор путём их стягивания различными приемами.

В арсенале хорошей мастерицы до десяти и более разновидностей мережек. «Кисточка», «столбик», «раскол», «панка», «скрещенный столбик», «снопик» – вот далеко не полный перечень их названий.

Основной узор вышивки выполняется швами и разделками различного характера. Это и плотные настилы, или гладинки, это и полупрозрачная штопка, и совсем уже легкие воздушные петли или тенинки. Некоторые из этих швов употреблялись в старину, некоторые привезены из-за границы вместе с модным «рассыпным гипюром», а большинство придуманы мастерицами уже в обозримый период становления гипюрной строчки. Всего же этих элементов разделки узора более сорока. Различные сочетания и комбинации этих разделок и швов и составляют узор гипюрной вышивки.

Красота, характер, изящество рукотворного орнамента зависят от фантазии, вкуса и художественной одаренности мастерицы.

* * *

Человек несведущий «нижегородский гипюр» принимает за кружева. И не без оснований. Он и в самом деле снежною белизной, воздушной легкостью прозрачных узоров напоминает плетеное кружево.

Само слово «гипюр» – французское, им, собственно, и называли кружева из крученого шелка. В начале XX века это название прилепилось и к вошедшей тогда в моду строчевой вышивке по крупной сетке, видимо, именно из-за ее сходства с кружевом. Образцы этой вышивки, называемой «рассыпным гипюром», привозили скупщики из Москвы и Петербурга в села, где к тому времени был широко развит строчевой промысел. Таким образом «рассыпной гипюр» дошел и до Катунки и быстро вытеснил бытовавшую здесь ажурную вышивку растительных мотивов по сетке с мелкой ячейкой.

Сухой, линейно-геометрический характер орнамента привозимых образцов заграничного гипюра был чужд эстетическим идеалам мастериц, и они, как всегда, своеобразно подошли к его освоению.

К 30-м годам прошлого века в местной строчевой вышивке появи-

лись вполне определенные отличительные особенности, которые дали основание характеризовать ее как совершенно своеобразный стиль – «нижегородский гипюр». Давайте посмотрим на эти особенности.

Непременной и главной составляющей узора являются ромбы-роzetки со слегка округленными углами, располагающиеся по полю изделия в самых различных комбинациях. Эти ромбы или точнее квадраты, поставленные на угол, называются у мастериц «цветками». Назвали их так, наверное, условно, а может быть и потому, что их формы, хотя и отдаленно, напоминает все-таки цветочную розетку.

Цветки всегда располагаются на фоне, образованном заполнением ячеек сетки однородными легкими швами. Фон у вышивальщиц называется тенью, разделки тени – тенинками. Самые распространенные разделки тени – двойная и одинарная штопка, воздушная петля. При выполнении двойной штопки ячейки сетки пересекаются двумя параллельными нитками по вертикали и горизонтали. Также выполняется и одинарная штопка, только уже с одной ниткой. Эти разделки считаются у вышивальщиц более прочными, более практичными. Но по красоте они, конечно, уступают воздушной петле, которая придает работе изящество, легкость. Выполняется воздушная петля путем захлеста нити за углы ячеек строчевой сетки.

На ажурном прозрачном фоне четко выделяются ромбы-цветки, они являются как бы средоточием формально-художественных приемов.

Цветки – это узловые элементы орнамента, для их разработки вышивальщица применяет самые изощренные по технике исполнения строчевые разделки, вкладывает в них всю свою фантазию и изобретательность. Для того, чтобы еще более усилить контраст, выделить цветок из фона, один ряд ячеек сетки по границе цветка с фоном остается пустым, незаполненным. Выделению цветка из фона способствуют и чисто технические, формальные средства. Цветок, выполненный преимущественно плотными разделками в несколько ниток, выглядит по сравнению с фоном более рельефно, выпукло.

Вся фактура гипюрной вышивки с чередованием плотных, разнообразно выполненных цветков и легких разделок фона приобретает красивую светотеневую игру. Вышивая цветок, строчая применяет преимущественно плотные разделки – настил, гладинки, мушки. Настил выполняется стежками в одном направлении, он наглухо закрывает ячейку. Гладинки – это гладевые разделки, они выполняются

примерно так же, имеют форму квадратиков, ромбиков, треугольников. Цветки, где применяются преимущественно гладевые разделки и настил, так и называются гладевыми. Если гладинки крупные и их немного, рисунок цветка выглядит цельно, объемно, но часто цветок состоит из множества мелких треугольных, ромбических, квадратных разделок, расположенных в разнообразнейших комбинациях, и тогда он затейливо-переливчато мерцает чередованием сквозных и плотных ячеек, будто мелковыемчатая резьба на городецких пряничных досках или прялках. По-своему красивы мушечные цветы. Из названия понятно, что их рисунок строится на мушках. Мушки – плотные круглые разделки, ставятся они в местах пересечения продольных и поперечных нитей сетки. Обычно вокруг мушки делается ободок, он стягивает петли, расположенные по диагоналям ячеек.

Но не только одни плотные разделки применяют вышивальщицы, используют и легкие, прозрачные – мелкие сеточки, петельки, кружочки, звездочки, паутинки. Цветок, построенный на прозрачных разделках, называется ажурным.

Он по сравнению с гладевыми и мушечными более нежный, более воздушный и легкий, да и форма его более других оправдывает название. Однако и в ажурных цветках есть швы, которые «держат» его рисунок, определяют контур. Они более плотные. Такими швами у одного из наиболее самых любимых катунскими строчками цветка, напоминающего розан, выполнены ограничивающие его контур дуги.

Гладовой, мушечный, ажурный – это основные, если можно так сказать, классические цветки, в них определенно выражен или прозрачный, или наоборот плотный характер рисунка цветка. Но мастерицы часто в рисунке одного цветка применяют и плотные и ажурные швы во всевозможнейших их вариациях, создавая при этом каждый раз, свой мотив, свой неповторимый образ. Несомненно, в «нижегородском гипюре» осталось что-то и от завезенных скупщиками образцов начала XX века. Это прежде всего сам принцип вышивки по сетке с крупной – до 8 мм – ячейкой разнообразными разделками. Это и сами разделки, многие из которых в неизменном виде до сих пор сохранились в строчке, другие же легли в основу множества новых, придуманных вышивальщицами. Это и геометризованность узора. Сам цветок строится симметричным как по вертикальной, так и по горизонтальной оси.

Это оставляет впечатление некоторой графичности (потом, позже вышивальщицы пойдут дальше в освоении гипюра и сумеют добиться, чтобы такого впечатления не оставалось). И все-таки местная строчка даже в 30-е годы – это качественно новый стиль вышивки.

Если орнамент привозного «старинного», «рассыпного» гипюра походил скорее на абстрактно-отвлеченное геометрическое упражнение, утомляя взгляд монотонной схематичностью, то у «нижегородского гипюра» характер очень лиричный, мягкий. В прежнем гипюре хотя и были ромбические фигуры, но они в общем строе орнамента не читались, пропадали.

Теперь произошло четкое разделение узора на фон и цветок, как впрочем, и весь орнамент стал иметь свои ярко выраженные декоративно-художественные качества.

Мастерицы сумели путем постепенных изменений формально-образных средств, приемов, превратить чужеземный гипюр в самобытный истинно народный вид вышивки. Роль заграничных образцов в конечном итоге свелась к тому, что они явились импульсом, давшим толчок дальнейшему развитию строчки.

Итак, основные, ударные, узловые моменты орнамента «нижегородского гипюра» – это ромбы-цветки, рисунок которых всякий раз неповторим, имеет свой декоративно-художественный образ. Но не только цветки сами по себе придают своеобразие нижегородскому гипюру. Включение цветков в большой, общий орнамент узора вышивальщицы также стремятся сделать интересно, с выдумкой. Они располагаются то в шахматном порядке, то рядами. Часто из сочетания различных по характеру цветков образуется большой ромб, это будет как бы уже «букет» из цветов. Иногда большой цветок окружают более мелкие. Одним словом, вариантов множество, и возможность варьирования безгранична.

В композиции всего изделия в целом цветы располагаются опять-таки в самых различных комбинациях. Декоративное решение каждого вида изделий, соотношение узора и белого полотна, месторасположение узора – все это определяется исходя из предназначения вещи, и в этом отношении у вышивальщиц сложились годами свои представления о целесообразности и красоте. Есть свои закономерности в расположении узора на скатерти и на занавесах, на наволочках и накидках. Вышивальщицы редко теряли чувство меры, помнили, что узор существует для вещи, а не наоборот.

Нижегородский гипюр – это не сумма каких-то застывших формальных приемов. Формально-образные черты его постоянно меняются. Неизменным остаются принципы, на которых основывается творчество мастериц и художников.

Поэтому о гипюре и следует говорить, как о динамике непрерывного обновления художественной формы.

В послевоенные годы нижегородский гипюр обогащается новыми интересными решениями и находками. Прежде всего заметно усложняется общее композиционное решение изделий. Но самое интересное то, что сейчас все чаще и чаще в геометрический узор гипюра вводятся растительные формы: ветка с гроздьё ягод, ромашки, колоски, елочки. Мотивы эти сильно геометризированы, обобщены до предела, они очень органично сливаются с окружающим геометрическим орнаментом, и в то же время оживляют его, делают более мягким, лиричным. Здесь выдержана хорошая мера стилизации реальных природных форм.

Первыми к растительным формам обратились катунские строчей. Здесь были живы еще воспоминания о цветочных узорах на кружевах, которые плели мастерицы в XIX веке.

Кружевные платки, косынки, платья с кружевной отделкой бережно хранились в материнских и бабушкиных сундуках. Словом, жива была у катунских мастериц любовь к цветочному узору. И вот около «цветков», решенных условно, появляется наискось положенная веточка. Веточка эта подчеркнула, усилила и смысловое содержание цветка, и его декоративные качества.

«Ну, а почему бы и сам цветок, почему бы его очертания не приблизить к живым, настоящим?» – подумали мастерицы. И рядом с цветами чисто геометрического рисунка появляются ромашки, розы, схожие с реальными. В вышивке, как ни в каком другом, пожалуй, виде народного искусства, сильнее всего проявляется коллективный характер творчества.

Отличительные особенности, своеобразные местные черты вышивки – заслуга не отдельной мастерицы, а целой группы наиболее способных вышивальщиц. Но личные вкусы мастериц, несомненно, также оказывали влияние на вышивку. Удачные находки тут же быстро подхватывались, распространялись, варьировались.

Первой строчеей, положившей ветку рядом с геометризированным цветком, была катунская мастерица Серафима Павловна Стрел-

кова. Она же первой вышила и ромашку. Итак, первое слово сказано. Толчок дан. Нововведение понравилось и было подхвачено во многих артелях. Вскоре на конце ветки появляется гроздь круглых ягодок, появляется ветка с боковыми ответвлениями. Одни вышивальщицы вышивают ветку с угловатыми листочками, другие с несколько округленными. Но так и закрепилось за ней название – «катунская ветка».

Многие видят в очертаниях «катунской ветки» конкретно рябиновую ветку. Действительно, похоже. Однако нельзя представлять себе дело так, что вот, дескать, пошла девушка – мастерица в поля – луга погулять, нагляделась на ромашковое раздолье, а назавтра ромашку в узор поместила. Или стояла с милым вечерком под рябинкой, считала звездочки, а наутро вышила рябиновую веточку, звезды на полотне. Это поэтично, красиво, конечно, но...

Девушки в лугах гуляли и стояли под рябинками всегда, а ромашка и ветка в вышивке появились в конкретное, определенное время. И вызваны они были новыми требованиями к декоративному оформлению вышивки. Разумеется, отрицать воздействие окружающей природы на эстетический вкус мастериц не надо. Это воздействие сильно, и в то же время не следует проводить прямой аналогии между конкретными природными формами и растительными мотивами гипюрной вышивки. Нельзя уж слишком дотошно в каком-то из цветков гипюра искать прямого сходства с реально существующим цветком. Строчевой вышивке свойственен свой язык, вот она им и говорит. Нельзя от нее требовать повествовательности глади или

тамбура. Ветки, ромашки, колоски - они являются как бы собирательными поэтическими образами - символами в своих декоративно-художественных свойствах, заключающих представления мастериц о родной природе. Они косвенно, ассоциативно рождают в воображении природные картины.

Вот вокруг ромба-цветка скрещены четыре колоска, и хотя цветок лишь с большой натяжкой можно назвать васильком, но глядишь на него и встает перед глазами ржаное, выспевшее поле с васильками у межи... Так же вот ассоциативно, глядя на ветку с гроздью ягод, мы представляем сами себе и девушку под рябинкой и теплый звездный вечер. В эмблематических, скупых на первый взгляд мотивах гипюра сконцентрирована большая образная сила. Лаконичными средствами, немногословно выражается многое.

В 30-х, 40-х, в начале 50-х годов художников-специалистов в арте-

лях не было.

Мастерицы сами создавали рисунки, сами прорабатывали от начала до конца и изготовление, и художественное оформление изделия. Образцы, утвержденные облпромсоветом к серийному производству, рассылались по всем строчевым артелям. И теперь, пусть хоть и не очень-то много времени прошло с тех пор, трудно с точностью восстановить авторство работ.

Мастерицы порой необоснованно присваивают авторство себе или своей артели по той простой причине, что они точно так же вышивали. Происходило растворение индивидуального творчества. В общем-то, в те годы даже самые способные вышивальщицы не придавали слишком уж большого значения своему творчеству. Их искусные руки в славе были лишь в узком кругу товаров-строчей односельчан. Вот поэтому-то трудно сейчас провести четкие разделительные границы между вышивкой, скажем, катунских и беловских мастериц, или пуреховских и новинских. В вышивках было много общего, в особенности в вышивках серийной ассортиментной продукции. Однако в вышивках для себя, в выставочных изделиях мастерицы каждой местности применяли свои наиболее любимые разделки и мотивы. В каждой артели были свои наиболее способные вышивальщицы, которые придерживались, как правило, какого-то одного направления в гипюре, доводили его до совершенства. По их уникальным работам, которые после выставок, как правило, попадали в музей народного искусства, мы можем судить и о местных характерных особенностях, и об индивидуальных достижениях мастериц.

Среди катунских вышивальщиц, как уже говорилось, славилась мастерством Серафима Павловна Стрелкова. Она была техноруком в артели, а впоследствии долгое время работала мастером катунского отделения Чкаловской строчевышивальной фабрики.

Это она догадалась первой положить перистую веточку меж стилизованных цветков. Она же и довела «катунскую ветку» до совершенства.

В уникальной накидке, вышитой С.П.Стрелковой в 40-х годах, этот мотив приобретает ясную логическую завершенность. В середине накидки помещена вставка сложного по форме многоугольного контура. В центре вставки – один из наиболее красивых по форме цветков, напоминающий розан. Он больше нигде не повторяется в узоре. Из углов вставки верхушками к розану положены четыре ветки с бо-

ковыми ответвлениями. Ветки отходят от помещенных в углах одинаковых по рисунку цветков. Боковые отростки ветки соприкасаются еще с четырьмя цветками уже различными по рисунку. Цветки, расположенные в определенной симметрии по контуру вставки, повторяются с такой же закономерностью в широкой зубчатой кайме накидки, и так же к центру от них отходят веточки. Края зубчатой каймы и такой же зубчатой вставки отделаны одинаковыми мушками.

Здесь очень удачно применен принцип повтора, которым широко пользовалось народное искусство. Орнамент вставки, повторенный в кайме накидки, будто усиливает звучание всего мотива. Сложный по рисунку орнаментальный мотив воспринимается легко и цельно. За кажущейся простотой и легкостью мотива скрывается глубокая продуманность и совершенство композиционного решения, выверенность пропорций. С каким-то удивительным интуитивным чутьем народная художница умеет соподчинить все элементы узора единому замыслу, единому радостному чувству.

Этот орнаментальный мотив еще более выразительно звучит в покрывале, выполненном в 1945 году катунскими мастерицами по рисунку художницы Горьковского облпромсоюза В.Т. Куликовой. Размер покрывала 210x150 см позволил мотив розана, окруженного веточками, повторить восьмикратно. Многоугольные вставки - медальоны обрамлены красивыми мережками, а затем заключены в прямоугольник ленты-каймы. По краю покрывала идет широкая зубчатая кайма.

Эта работа является примером удачного использования профессиональной художницей творческих находок местных мастериц. И это покрывало и накидка С.П.Стрелковой, как высокохудожественные изделия поступили в Музей народного искусства ННИХП, потому и сохранились, потому и можно составить о них сегодня суждение.

А сколько же удивительных по красоте и мастерству исполнения замечательных изделий остались безвестными, незафиксированными даже в фотографиях, бесследно исчезнувшими из памяти людской!

С.П. Стрелкова кроме ветки простой и ветки с ягодками, которую она называла «рябинкой», придумала и стала использовать в вышивке несколько видов ромашек. Ромашки вышивались с сердечком в центре цветка, выполненном разделкой «копеечка», и без этого сердечка в виде восьми плотных, объемных лепестков. Затем в ее вы-

шивках появляется василек с восемью зубчатыми лепестками, а вместе с васильком и колосок.

Ветки в композиции орнамента располагались по диагонали, наклоненными то вправо, то влево, они либо устремлялись к расположенному в центре узора цветку-розетке, либо расходились от него. Эти цветы и разделки уже резко отличались от условных геометризованных цветков-ромбов, они более приближались к реальным растительным формам. И хотя в них была большая степень стилизации и обобщения, они, конечно же, в гораздо большей степени вызвали в воображении образы окружающей природы. Они позволяли внести в узор элементы мягкой лирики и поэзии. Поэтому новшество сразу же было принято мастерицами, полюбилось, и впоследствии эти элементы растительного узора долгие годы варьировались, совершенствовались, в каждом кусту строчевой вышивки приобретали свои характерные черты.

Так, мотив ветки охотно стали использовать и строчей Беловской артели. При проработке рисунка занавеса, выполнявшегося там в конце 40-х годов, мастерицы умело включили в узор резные веточки. На примере этого занавеса, прорабатывавшегося самими вышивальщицами, видно, насколько интересней, насыщенней стал узор гипюра. В нем широко используются разнообразные формально-декоративные средства – вставки, медальоны, узкие и широкие мережки, разделительные полосы-каймы, различные по рисунку цветки.

Были у беловских строчей и свои собственные строчевые разделки, свои излюбленные цветы. Они создали несколько видов ромашек, по-своему вышивали и ветку, и колоски. Но в особенности любим ими крупный цветок, состоящий, как букет, из нескольких – четырех или пяти мелких цветочков. Обильно разбросанные по полю изделия эти цветы вызывают впечатление майского лугового разнотравья.

* * *

Однако не все артели сразу обратились к растительному орнаменту. Пуреховские строчей длительное время оставались приверженцами чисто геометрических мотивов гипюра и в лучших работах достигли художественного совершенства и большой выразительности узора.

Изобретательностью, неиссякаемой фантазией отличалась среди пуреховских мастериц в 40–50-е годы Наталья Петровна Теренгина. В

ее хорошо обдуманых узорах, в орнаменте, все детали которого расположены с высчитанной закономерностью, словно бы присутствует логика, красота и ясность математического расчета. Рисунок цветков всегда чеканно четок, при довольно сложных очертаниях хорошо читается. Гармония чувства и мысли завораживает, закручивает в свой круговорот рассчитанной последовательности в узорах вышитой Н.П. Теренгиной уникальной накидки, на которой помещено 80 ромбов-цветков и еще 12 полуромбов. Цветки 10 различных начертаний отделены друг от друга линиями, вышитыми «бабурками». Узор накидки одновременно и прост, и сложен, как и всякая вещь, выполненная мастером незаурядного таланта. Он, узор, как изящное решение сложной математической задачи. «Читать», рассматривать его, можно бесконечно долго.

Накидка вышивалась для выставки-смотр 1960 года. В это время Наталья Петровна в артели уже не работала, а трудилась она там ни много, ни мало 28 лет с 1930 по 1958 год.

Этим своим произведением мастерица как бы хотела отстоять право на жизнь и далеко не исчерпанные возможности геометризированного орнамента вышивки.

Оставили по себе добрую память и такие мастерицы Пуреха, как К.И. Котаева, Л.П. Тепленина, П.М. Худякова, Е.Ф. Казанцева. Изделия Клавдии Ивановны Котаевой вместе с другими произведениями чкаловских вышивальщиц были представлены на Международной промышленной выставке в Брюсселе (1964 год).

Успешно сочетали традиционный геометрический орнамент с растительными мотивами в 1940–50-х годах в Новинской артели. Здесь в 1950 году начинала свой трудовой путь техническим руководителем, как тогда называли, техноруком, Екатерина Афанасьевна Похвалинская.

«Прибыв в Новинки, быстро вошла в курс дел, ознакомилась с производством, познакомилась с работницами, а их на ту пору в артели трудилось около 50-ти человек, – вспоминает Екатерина Афанасьевна.

– Нашу продукцию знали многие, ведь ежегодно мы ее представляли в Москве на ВДНХ. Однажды в столице в ресторане «Москва» мне довелось увидеть на столах наши богато вышитые скатерти, и я была этим очень горда.

Принимали мы участие и в различных выставках художественных промыслов, причем не только проходивших в России и Союзе, но и

за рубежом. В Монреале на выставке «Товары России» были представлены наши портьеры, вышитые «горьковским гипюром», строченные на крепдешине. Их изготавливали четыре опытных строчей, среди них была Елена Мартынова и участница Великой Отечественной войны Ольга Владимировна Гурьянова. Впоследствии эти портьеры выставлялись на выставке ВДНХ, а уже оттуда они попали в музей Сталина».

Вышитый по рисункам Е.А.Похвалинской занавес на выставке в Брюсселе был отмечен премией в 2000 рублей. Впоследствии Е.А. Похвалинская много лет проработала в должности главного инженера Чкаловской строчевышивальной фабрики. Доскональное знание всех тонкостей искусства вышивки позволило ей научить машину выполнять многие трудоемкие операции по изготовлению мережек и разделок узора.

В 40–50-е годы в чкаловской артели строчей с живой самобытной выдумкой работала Ольга Андреевна Курантова. Она прошла ту же жизненную и трудовую дорогу, что и сотни других строчевышивальщиц. Когда взялась за иглу впервые? Да разве вспомнишь! С девяти лет стала работать вкоренную – вместе с матерью вышивала гладью женские гарнитуры. В 1929 году тринадцатилетней девчонкой сама вступила в члены Катунской артели, да так с тех пор всю жизнь с иглой. Верно, что дорога ее была та же, что и у других вышивальщиц. Но она по этой дороге шла впереди других.

Работа Ольги Андреевны всегда отличалась оригинальностью и красотой узоров, совершенством техники исполнения. Ее изделия не раз были удостоены высших премий Горьковской промышленной кооперации, отмечались на московских выставках художественных промыслов.

В 1958 году на Всемирной промышленной выставке в Брюсселе экспонировался занавес, вышитый О.А. Курантовой гипюром на крепдешине. Был памятным для мастерицы и 1960 год – на выставке художественных промыслов в Москве отмечено премией ее покрывало.

С самого начала образования и до начала 1950-х годов, художников со специальным образованием ни в одной из артелей Чкаловского района не было. Роль художниц выполняли наиболее опытные и способные мастерицы.

В Чкаловской артели роль ведущей вышивальщицы была за О.А. Курантовой. Вечера, выходные дни, все свободное время отдавала она

любимой работе – сидела за разработкой новых узоров, новых изделий. И большинство ее работ утверждалось Облхудожпромсоюзом к массовому производству. Рука об руку с Ольгой Андреевной работали ее сестра технорук артели Евдокия Андреевна Ромашова, совсем тогда еще молодая, только что приехавшая в Чкаловск по направлению Кадомского швейного техникума Татьяна Васильевна Максимова и Евдокия Васильевна Левичева. Вышитое ими в 1951 году полотняное покрывало хранится в Музее народного искусства НИИХП.

Сколько неумной фантазии, выдумки проявили мастерицы, создавая совершенно новые виды разделок! Будто слова задушевной песни звучат их названия – «солнышко», «стожки», «елочки», «ветка». Поставил их в ряд – и вот уж рисуется в мыслях картина – пейзаж. А сколько теплоты и нежности таят в себе такие названия разделок – «звездочки», «рыбки», «бабушки», «мушки», «паутинки», «минутки» ... Так и чувствуется в названиях этих присутствие луга, поля, леса, реки – природы, повседневно окружающей русского человека и столь ласково любимой им. До сих пор живет на фабрике добрая слава как о талантливой мастерице и о Вере Ивановне Чеберевой, хоть ее работ и нет в музеях. Талант Веры Ивановны особенного рода. Она как раз и была большой выдумщицей разных новых строчевых разделок. За эту вот свою изобретательность была она приглашена в 1966 году Научно-исследовательским институтом художественной промышленности для разработки новых строчевых швов, для возрождения забытых.

Лаборатория вышивки и кружева института во главе с главным художником Ксенией Алексеевной Проценко проводила в те годы большую работу по обновлению орнаментики мотивов вышивки, стремясь сохранить ее народный национальный характер, традиции, в то же время заботясь об экономичности и простоте ее приемов. Вместе с другими мастерицами принимала участие в этом и Вера Ивановна Чеберева. Ее талант, ее выдумка послужили общему делу.

Говоря об искусстве строчевой вышивки, об искусстве мастериц из народа, нельзя не коснуться хотя бы вскользь и такой его стороны, как вышивка не на продажу, а для себя.

У Нины Степановны Удаловой, бывшей строчей, а затем технорук Беловской артели, хранился альбом строчевых рисунков, какие вышивали в 40-х, в начале 50-х годов. В те годы ассортимент строчевышитых изделий был очень разнообразен. Просматривая альбом, я насчитал в нем больше дюжины изделий разного назначения: занавески, портьеры, накомодники, скатерти, салфетки, дорожки, сухарницы, подстаканники, наволочки, накидки, пододеяльники, подзоры,

сторонки и т.д. Для каждого вида изделий в альбоме по пять-шесть проработок с различными композиционными решениями и рисунками. Перечень этот, разумеется, не охватывает всего, что изготовлялось в артелях.

Этим альбомом, основательно уже потрепанным, соломатовские женщины долго пользовались как пособием, вышивали столовое и постельное белье, другие вещи убранства избы для себя.

В очерке идет рассказ о промысле, то есть о массовом изготовлении изделий на продажу. Однако же мастерицы много работали и для удовлетворения собственных нужд.

Особенно много всего нужно было приготовить девушке, готовящейся выйти замуж. Девушки-рукодельницы как невесты были, что называется, «в цене». Это велось исстари.

В старину на Руси был такой обычай: идет в церковь к заутренней, к обедне ли краса-девица, идет – не дышит, лебедушкой плывет, глаза – в землю, а в руках ширинка расшитая собственноручно. Это были своего рода смотрины, чтобы молодые парни-женихи, а главное их родители могли поглядеть, оценку дать мастерству, уменью девичьих рук. У знатных девушек ширинки златошитые, то ли бисером изукрашены. Ну, а девушки, которые из простых, держали в белых рученьках холстинки самые, что ни на есть обыкновенными льняными нитками расшитые. Да ведь как расшиты! Вот тут и гляди-смекай, на свой вкус выбирай – то ли богатство, то ли смысл живой да руки золотые ...

Девичье приданое начинали припасать задолго до свадьбы. Все, что было посильно изготовить невесте, делалось ею самой. С потаенными думами сидит она долгими, зимними вечерами и с большей, чем всегда, прилежностью, с особенной аккуратностью, колдует над пальцами с иглой. Еще бы! Ведь в день свадьбы ее труд, ее искусство придет оценить вся округа, и не только товарки-подруги, а и пожилые, многоопытные мастерицы. Не хочется в грязь лицом ударить!

А сколько же надо было всего приготовить! Одних полотенец для разных обрядовых ритуалов требовалось не менее дюжины. Да скатерти, да простыни, да подзоры. Рубашки для себя и для жениха. Кроме того, в конце XIX – в начале XX века, в крестьянский интерьер и быт пришли из городской среды новые, неизвестные дотоле вещи – накидки на подушки, вышитые наволочки, накомодники, дорожки, занавеси. Вскоре все эти предметы были так хорошо освоены, облагорожены народным вкусом, словно бы всегда являлись принадлеж-

ностью убранства крестьянской избы.

Сколько фантазии, сколько выдумки проявлялось при изготовлении всего этого столь широкого ассортимента! Безымянные мастерицы, неизвестные художницы – сколько вышло из-под их рук удивительных свидетельств народного понимания прекрасного!

Но вот приходит день свадьбы. Приходит тот день, когда результаты терпеливой, многомесячной, а зачастую и многолетней работы предстают пред очами честного народа. Нарядна, светла в этот день изба. Все приданое на виду. Ахнут глядельщики: «Невесте-то цены нет!».

Жаль, что остался даже не затронутым исследованием этот интереснейший пласт – народная вышивка для собственных нужд.

* * *

В 1954 году в Беловской артели строчей впервые появилась художник-специалист Галина Григорьевна Максимова. Она приехала сюда после окончания Кадомского швейного техникума, готовившего техников-художников и стала работать техноруком.

После объединения артелей Г.Г. Максимова стала художником, а затем главным художником Чкаловской строчевышивальной фабрики. Много лет трудилась она рука об руку с чкаловскими строчейками, прокладывая новые пути развития «нижегородского гипюра». Большой, трудный путь пройден ею. Осталось в памяти волнение перед утверждением облхудожпромсоюзом первой работы – гипюровой салфетки с рисунком «Якорек». Осталось в памяти волнение перед многочисленными выставками, волнение не только за свои работы, но и за изделия своих подопечных подруг-мастериц.

Выставок ждали, к выставкам готовились, но основной была работа – повседневная, каждодневная. И были каждодневные думы – как продукцию рядовую, ассортиментную сделать не рядовой, а нарядной, радующей покупателя.

Думам этим были свои основания. Ведь красота красотой, но промысел был и остается промыслом, он живет лишь тогда, когда выгоден. Поэтому всегда промысел связан с рынком, с потребностями и возможностями, со спросом покупателей. Эти взаимосвязи бывают порой очень сложными.

В послевоенные годы, в начале 50-х годов труд строчей расценивался низко.

Вышивальщицы, чтобы привлечь покупателя, старались как

можно обильней украсить свои изделия. Эти вещи шли на продажу по сравнительно недорогой цене и находили своего покупателя. Но артели бедствовали. В целях укрепления экономической базы промыслов в пятидесятые годы нормы, расценки на различные операции вышивки были повышены. Это привело к увеличению себестоимости изделий и, само собой разумеется, к повышению их продажной цены. На дорогостоящие изделия покупателей не находилось.

Особенно трудно было в первое время. С блокнотом и карандашом стояла Галина Григорьевна около вышивальщиц, учитывая время и стоимость каждой операции, чтобы потом, рисуя узор для изделия, не перерасходовать положенный лимит.

Да, есть тут парадокс, конечно. Творчество, искусство надо суметь уложить в прокрустово ложе стоимости, цены. Но худа без добра тоже, говорят, не бывает. Жесткие рамки заставили искать простые, лаконичные и предельно выразительные решения. И первые шаги в этом направлении делает художник фабрики Г.Г. Максимова. Она в своих поисках отказывается от многодельности, от показной порою роскоши. У нее другой уже взгляд на соотношение узора и чистого поля изделия. Узор в изделиях, разработанных ею, смотрится не самодовлеюще, а именно узором, украшением вещи. Будто драгоценные камушки разбросаны по полю полотна гипюрные ромбы и квадраты, широкие и узкие мережки. И в этой большой выразительности при скупости средств скрыта глубокая народная традиция.

Галина Григорьевна с первых лет творческого пути стремилась глубоко изучить, освоить орнаментальный строй местных мотивов гипюра, придуманных самими мастерицами. Она собирала альбомы рисунков и зашивок, по которым работали вышивальщицы многочисленных чкаловских артелей. В своих авторских рисунках художница как бы синтезирует, собирает в фокус решения, находки катунских, новинских, беловских мастериц. Делая отбор сообразно своему собственному художническому вкусу, Галина Григорьевна смело применяет все то интересное и самобытное, что достигнуто было в народной строчке. Только сейчас это самородное, самобытное ограничено рукою художника. В ее работы впиталось, органично влилось все лучшее, что накопил гипюр по окрестным чкаловским деревням и селам. Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1956 году ее работа – накидка, вышитая по крепдешину – на выставке в Москве была отмечена Почетной грамотой и денежной премией.

В выставочных работах пробует художница средствами гипюра передать и сюжетные мотивы. На одном из панно, вышитом по ее рисунку (оно было представлено на Монреальской Всемирно-промышленной выставке) из цветущих дубрав выбегают легконогие нижегородские олени.

На другом – летит над волнами крылатый красавец корабль, как символ земли горьковской. Символика дней давно минувших и символика дня сегодняшнего одинаково нарядно, празднично воплощена в этих декоративных вещах.

Г.Г. Максимова не гнушалась поучиться у чкаловских мастериц и в то же время сама дала им многое, постоянно направляла их творческий поиск, осуществляла художественное руководство творческим коллективом артели, а затем фабрики.

Галина Григорьевна организовала занятия в школе художественного мастерства, где вышивальщицы осваивали различные способы разделок, швы повышенной сложности, получали навыки композиционного размещения элементов узора.

В конце обучения вышивальщицы выполняли дипломную работу, которая рассматривалась аттестационной комиссией, после чего вышивальщицам присваивалось звание мастера-художника.

Под ее руководством совершенствовались свое мастерство многие талантливые вышивальщицы. Это мастера-художники I класса Мария Степановна Корнева, Александра Ивановна Умнова, Мария Степановна Варенцова, Людмила Васильевна Алешина, Валентина Ивановна Винокурова, Ираида Ивановна Антипова.

Они помогали воплотить в материале творческие замыслы своей наставницы, выполняли и собственные авторские работы, готовясь к различным выставкам и конкурсам.

Выставки, конкурсы...

Какого напряжения, какого кропотливого труда требуют они от главного художника, от авторского коллектива вышивальщиц! Сколько волнений!

Конечно, каждая выставка это еще один шаг на пути совершенствования художественного мастерства, развития творческих устремлений мастериц. Каждая выставка это и экзамен на признание мастерства. Ну, что же, чкаловские мастерицы, главный художник фабрики с честью держали экзамен за экзаменом. Кроме многочисленных Всероссийских и Всесоюзных выставок Чкаловская строчевышивальная фабрика участница Брюссельской (1964 год), Монреальской

(1967 год), Осакской (1970 год) Всемирных промышленных выставок.

Большим выставкам всегда предшествовали внутрифабричные смотры-конкурсы. На одном из таких конкурсов сразу же обратил на себя внимание узор с крупными стилизованными цветами, контур лепестков выполнен был стежком свободного рисунка. Крупные массы цветов четко читались на большом расстоянии.

А началось все с того, что однажды приехала на фабрику художница Научно-исследовательского института художественной промышленности Ксения Алексеевна Проценко и привезла рисунок полотна, выполненный ею самой. «Попробуйте, – говорит. – Может быть, и приживутся мои цветы». И вот целый месяц лучшие мастерицы: Александра Ивановна Умнова, Вера Ивановна Чеберева, Валентина Ивановна Винокурова, Ираида Ивановна Антипова вышивали этот узор. Полотенце отправили потом на одну из очередных выставок. Сейчас оно находится в хранилище НИИХП.

А цветы эти действительно прижились и новые ростки пустили. Мастерицы, взяв за основу сам абрис и характер цветка, придумывают все новые и новые варианты разделки его лепестков и круглой серединки. Узор выглядит очень современно, и в то же время в нем сохраняются наиболее характерные черты старинной русской строчки. Он строится по вертикальной симметрии. Изобразительные мотивы здесь уже преобладают над геометрическими. Переданы они силуэтно, очень обобщенно. В узоре не преследуется цель натуралистической передачи форм какого-то конкретного цветка. Линии абриса цветка вышиваются по свободному контуру. Внутреннее пространство за контуром цветка решено декоративно, заполнено разнообразными разделками.

В 1976 году по рисунку Г.Г.Максимовой мастерицы вышивают полотенце с мотивом из таких вот крупных цветов для Московской выставки, посвященной международному году женщин. Работа на выставке была удостоена премии. Выдержан еще один экзамен.

Новый мотив сразу же был по достоинству оценен и подхвачен мастерицами-художницами. И вот он уже празднично и мажорно зазвучал в вышивках полотенец, выполненных Марией Степановной Корневой, Лидией Петровной Яровой. И как всегда, этот мотив варьируется, интерпретируется и так, и эдак согласно вкусам и фантазии вышивальщиц.

Долгое время одной из стиливых особенностей «нижегородского гипюра» оставалась вышивка «белым по белому». И в этом, ко-

нечно же, был и есть свой смысл. Герман Мелвилл в своей знаменитой книге «Моби Дик» писал: «...белизна часто умножает и облагораживает красоту, словно одаряя ее своими собственными достоинствами».

Но вот постепенно, сначала робко, а затем все смелей и смелей, вышивальщицы начинают использовать в вышивках и цветной материал, и цветные нитки. Для полотенец берется лен светло-зеленого, нежно-голубого, кремового цветов. Вышивка по-прежнему выполняется белыми нитками, но в нее деликатно вводятся вышитые цветными нитками «мушки», или другие разделки, соответствующие тону материала. Вот столешник «Праздничный» с набором салфеток, вышитый Марией Степановной Варенцовой. Мастерница выбрала для него материал кремового цвета, а в белоснежные узоры строчки включила коричневые разделки. ремовый, белый, коричневый - получился своеобразный, теплый русский колорит. Воображение рисует праздничный стол, накрытый такою скатертью, а на нем в глиняной посуде то ли ядреный квасок, то ли желтое ячменное пиво.

Техническое исполнение узора традиционно, а изделие за счет введения цвета выглядит мажорно, современно.

* * *

В основе изобразительного и образного строя искусства народной вышивки лежит орнамент, а не натуралистическое воспроизведение окружающих нас предметов и явлений. Может быть, в силу этого вышивка с неких пор считается как бы не совсем искусством, или, на крайний случай, искусством второго сорта. Однако Л.Н. Толстой – и далеко не он один – имел на этот счет совсем противоположное мнение: «...орнаменты от якутских до греческих доступны всем и вызывают одинаковое чувство любования у всех, и потому этот род пренебрегаемого искусства ... должен быть ценим много выше исключительных, претенциозных картин и изваяний».

Орнаментальные мотивы вышивки говорят с нами своим особым языком, воздействуя на человека с не меньшей силой, чем произведения любого другого вида искусства. Художественный язык вышивки – это язык гармонии и совершенства форм, найденности пропорций целого и частей, строгих ритмов.

«Орнамент – это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию какой-то одной вечной песни перед мирозданием. Его образы и фигуры какое-то одно не-

прерывное богослужение живущих во всякий час и на всяком месте. Но никто так прекрасно не слился с ним, вкладывая в него всю жизнь, все сердце и весь разум, как наша древняя Русь»... Это извлечение взято из трактата С.А. Есенина «Ключи Марии».

Из самых глубоких пластов истории исходят истоки вышивки, которая изначально была лишь снабжением одежды и предметов обихода магическими знаками.

Прошли века, прошли тысячелетия... Но все с тем же душевным трепетом берется вышивальщица за иглу, намереваясь воплотить свой замысел в узор, как это было и века назад.

Не одну сотню работ вышьет мастерица за жизнь. Но вот настает какой-то момент, когда она чувствует внутреннюю потребность выразить в узоре, в изделии в целом все свои накопившиеся за долгие годы представления о красоте, о гармонии и совершенстве. Вот тогда-то и выходит из-под ее рук настоящее произведение искусства. В нем – вся жизнь, все сердце и весь разум мастерицы.

Такие изумительные по красоте произведения в конце творческого пути были выполнены О.А. Курантовой и Н.П. Теренгиной. Свои вершинные достижения были у Е.А. Похвалинской, у С.П. Стрелковой.

Вот и Г.Г. Максимова после тридцати лет, отданных строчечному вышивальному промыслу, задумала выполнить работу, которая бы стала итогом ее раздумий и устремлений за эти годы. Она задумала огромное, небывалых размеров панно с изображением символического Древа Жизни.

Не один месяц колдовали над этой работой мастерицы экспериментальной группы под руководством главного художника. Выполнялось оно на готовой театральной сетке – рефети фабричного изготовления. Изготовить вручную сетку такого размера из цельного полотна путем держки – немыслимое дело.

«Древо Жизни» – мотив из древнейшей языческой мифологии. Древо Жизни, Древо плодородия – забытый и в наши дни сложный для осмысления образ и символ.

Славяне-солнцепоклонники не знали символов смерти. Потусторонний мир для них был царством вечного солнца и света, вечной жизни. Тысячелетия они поклонялись Древу Жизни, изображения его были испещрены знаками солнца – ромбами, кружками, спиралями.

Все это символизировало и смену времен года, и вечный кругово-

рот жизни, и вихреобразное строение Вселенной.

Символы верований древних славян, хотя смысл их и был забыт, долго жили в орнаментах народного искусства. Дерево Жизни в различных вариантах вышивалось на концах полотенец чуть ли не до конца XX века.

Вот этому древнейшему мотиву и решила дать свою интерпретацию Г.Г. Максимова. Со всех четырех сторон основной сюжет панно обрамлен широкими орнаментальными полосами, он и смотрится как бы вставленным в ажурную резную раму. В нижней части панно – «земля», сплошь усеянный цветами луг. Все пространство, отведенное под «землю», разделено на три равные части, а рассыпанные по нему цветы и травы – это, конечно же, условные, стилизованные цветы и травы гипюра.

Из «земли» произрастает непоколебимо мощный ствол Древа, и венчает его шарообразная крона, сплошь изукрашенная фантастическими цветами, разнящимися друг от друга по орнаментальному решению. Это зрительный центр всей композиции. Нарядные, крупные цветы в симметричной последовательности распределены вокруг совсем уже огромного сказочного цветка, похожего то ли на подсолнух, то ли на солнце, просвечивающее сквозь крону, потому что от нее, от кроны Древа, во все стороны расходятся широкие лучи. Справа и слева от Древа – молодые побеги, совсем юные цветущие деревца, символ вечного обновления жизни.

Масса цветов, их размер, насыщенность разделками, распределение этих масс в пространстве прямоугольника панно – все рассчитано, продумано, уравновешено. Во всем гармония и совершенство.

Этот древний мотив в современной переработке не предлагает зрителю каких-то лежащих на блюдечке, поверхностных идей и умозаключений. Автор дает возможность каждому осмыслить его сообразно собственному интеллекту и разумению.

Неоспоримо одно – эта работа являет собой настоящее и значительное произведение искусства, со своим, присущим только этой технике образным строем и языком, а в данном конкретном случае и с большим философским подтекстом.

* * *

Время неустанно, неумолимо несется вперед. В 1986 году Г.Г.Максимова, отдав сродчевышивальной фабрике 32 года жизни, отдав вышивке лучшие свои помыслы и устремления, уходит на пен-

сию, на заслуженный отдых.

В этом же году на должность главного художника заступила Елена Николаевна Балашова, а через год к ней в помощники пришла старший художник Наталья Владимировна Харламова. Эстафета перешла в надежные руки. С энтузиазмом, свойственным молодости, эти две женщины, бережно сохраняя все то ценное, что было накоплено в стилистике вышивки до них, начали внедрять и утверждать свое понимание и видение декора изделий.

Если определять творческое кредо художниц, то для него как нельзя лучше подошли бы слова, оставленные К. Паустовским: «Дело художника – рождать радость». В каждое изделие, в каждый узор, выходящий из-под их рук и Е. Н. Балашова, и Н. В. Харламова стремятся вложить чувства светлые, добрые, потому-то и рождается в душах людей ответная радость.

Отличительной чертой современного гипюра является оригинальность цветового решения. Цвет, деликатно и скромно появившийся в вышивках в конце 1970-х годов, сейчас заявляет о себе в полную силу, хотя вызывающих, кричаще-контрастных цветовых сочетаний, конечно же, нет.

Появились в числе выставочных изделий и такие, где хорошо, органично уживаются традиционная строчевая вышивка с гладевой.

– Основной ассортимент выпускаемой продукции остается практически неизменным на протяжении многих лет – это столовое и постельное белье, – говорит главный художник фабрики Елена Николаевна Балашова. – Кроме того, ежегодно готовим к лету коллекции женской льняной одежды – всевозможные блузки, юбки, брюки.

Небольшими партиями вышиваем сувенирные полотенца. Вместе с экспериментальной группой постоянно работаем над тем, чтобы преподнести гипюр в новом свете, приблизить к модным направлениям стиля, к современному дизайну и интерьеру. Словом, стараемся идти в ногу со временем, сохраняя при этом все лучшие традиции нашего промысла. Замыслы художников, все их творческие находки помогают воплотить в жизнь техники-лаборанты экспериментальной группы Н. В. Денисова и Г.Ю. Астафьева. Они первыми выполняют новые образцы вышивки. Они в основном вышивают и выставочные изделия. Сейчас, к сожалению, не устраивается таких крупных международных выставок, какими были выставки в Брюсселе, Монреале, Осаке.

Но чкаловские вышивальщицы по-прежнему стараются показать

лучшие достижения на выставках самого высокого ранга, участвуют в различных российских ярмарках, широко пропагандируют «нижегородский гипюр».

Главный художник Е.Н. Балашова является лауреатом X Всероссийской выставки конкурсных работ молодых мастеров народных художественных промыслов «Молодые дарования», проходившей в 2001 году. Н.В. Харламова тоже лауреат подобного конкурса, проходившего в 1993 году. Год от года расширяется круг музеев, в которых находятся коллекции строчевышивальных изделий чкаловских мастериц. Это Музей народного искусства, Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник, Костромской музей изобразительного искусства, Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник, выставочный зал «Усадьбы М.М. Ошуркова» в г. Екатеринбург.

Поскольку выпускаемая фабрикой продукция имеет значимость неповторимого, уникального народного искусства, ЗАО «Гипюр» постановлением Министерства культуры Нижегородской области в 2003 году отнесено к предприятиям, представляющим значительную культурно-историческую ценность.

В феврале 2004 года на фабрике произошло знаменательное событие – в преддверии юбилейных торжеств, посвященных 100-летию В.П. Чкалова, здесь был открыт выставочный зал «Нижегородский гипюр». Право же, такому залу может позавидовать любой музей.

В его экспозиции представлены уникальные произведения строчевого искусства, изготовленные как мастерицами первых чкаловских артелей, которые на протяжении многих лет составляли славу «Нижегородского гипюра», так и художниками и вышивальщицами, работающими на фабрике сегодня.

– Люди просто еще не знают наш промысел, – говорит, демонстрируя зал, директор ОАО «Гипюр» Е.В. Кириллова. – Поэтому нам нужно больше пропагандировать его, рассказывать о нем. В него надо влюбить людей, помочь увидеть красоту узора, почувствовать его теплоту».

Вот с этой целью – помочь увидеть красоту, и создан зал. Немало времени, сил и души вложили в него художники Е.Н. Балашова и Н.В. Харламова. Все было подчинено одному – пусть у каждого вошедшего сюда в душе рождается радость!

Открывает экспозицию зала уголок истории промысла – фотографии его основателей, фотографии мастериц за работой, элемен-

ты зашивок на предметах убранства прежних лет. Традиционный, классический гипюр – «белым по белому»...

И вот взгляд невольно сам собою устремляется к огромному, чуть не в полстены, панно «Древо Жизни», вышитому в 1980 году по замыслу Г.Г. Максимовой. Такое масштабное произведение и можно как следует разглядеть и оценить только в таком вот просторном зале, с расстояния. И где бы можно было его увидеть, если бы не этот зал? В экспозиции зала и произведения тех мастериц, кто долгие годы работал рука об руку с Г.Г. Максимовой. Наволочка «Родные напевы» В.Б. Сизовой, думка «Золотая осень» М.С. Корневой, вышивки В.Н. Винокуровой, В.Н. Власовой. В свое время и они экспонировались на различных выставках, имели успех. А вот и произведения нынешних художников фабрики – композиция «Водопад», будто рапсодия, разыгранная белым по голубому; кирпично-красного цвета столешник, расшитый золотистыми нитками; полотенца со сказочно-фантастическими узорами.

Первые посетители выставочного зала, женщины из далекого американского города Ванкувер были в восторге от увиденного. Они не утерпели, не удержались от соблазна – сразу, тут же, кроме подаренных символических сувениров, приобрели понравившиеся им уникальные вышитые изделия.

Да и всякий, кто сюда попадает, подпадает под колдовские чары «нижегородского гипюра».

– Невероятно красиво! Это настоящее искусство, это эксклюзив! Такое искусство надо иметь дома дозированно, по чуть-чуть. Такая красота не терпит перенасыщенности, – резюмировала свои впечатления О.В. Носкова, директор областной телерадиостанции ННТВ.

Главный художник фабрики Е.Н. Балашова немногословна и не очень-то любит говорить о своем творчестве, однако ее авторские работы, представленные здесь же, в выставочном зале, говорят сами за себя. Для скатерти «Солнечная» художница выбрала льняную ткань охристого цвета, в вышивке использованы наряду с белыми цветные – светло-желтые и желтые нитки. В комплекте с салфетками скатерть и впрямь как бы излучает теплый золотистый солнечный свет.

Е.Н. Балашова в своем творчестве органично сочетает традиционные разделки ромбы-«цветки», «катунскую ветку» с достижениями «нижегородского гипюра» последних лет, наряду с геометрическим орнаментом вводит в вышивку и сюжетные мотивы. В выставочном

зале обращают на себя внимание выполненные по ее замыслу и рисункам панно «Хлеб – соль», «И чувства добрые я лирой пробуждал...» (к юбилею А.С. Пушкина).

В числе программных работ Е.Н. Балашовой полотенца «Родные мотивы», «Весна», «Птицы», «Праздничное», скатерти «Узорчатая», «Рябиனுшка». Художница в совершенстве владеет приемами композиционной организации узора на изделии, так же, как и мастерицы прошлых лет, умело пользуется разнообразным арсеналом узких и широких мережек. И, конечно же, влюблена в этот материал, на котором искони выполняется гипюрная вышивка, – русский Лен.

Одна из скатертей, вышитых по авторскому замыслу Е.Н. Балашовой, так и называется – «Ленок». Материал скатерти – серый, неотбеленный лен, узор выполнен белыми и светло-кремовыми нитками. Старина и современность, традиции и поиск нового, все это увязать, органично соединить в одном изделии – вот та основная задача, которую решает в своем творчестве главный художник предприятия Е.Н. Балашова. Ну, а в лен на фабрике влюблены, можно сказать, все – от директора Е.В. Кирилловой до рядовой вышивальщицы.

* * *

Влюблена в русский лен и старший художник Наталья Владимировна Харламова. Когда проводит экскурсию по выставочному залу, она обязательно обратит ваше внимание не только на узоры скатертей, полотенца и панно, но и на расписную городецкую прялку, за которой сидела долгими длинными вечерами тонкопряха, и на лубяной мотосник, в котором хранились клубки пряжи, и на нарядные, точеные веретенца, изготовлением которых так славилась наша сторона. Ну, и конечно же, остановит ваш взгляд на серебристо-серой мягкой кудели льна, из коей и прядется нить, а затем ткется полотно.

Наталья Владимировна из журнальных статей, из книг выписывает все интересные сведения, касающиеся истории льна и его особенных замечательных качеств. Так постепенно сложилась своеобразная Ода Льну, и с ней тоже может познакомиться каждый из проходящих в выставочный зал «Гипюра». Вот выдержки из этой поэмы о Лье:

«Лен – самый древний текстиль. Полководец Александр Македонский носил защитный панцирь из льна, вражеский меч соскальзывал с панциря. В древней Греции льняная одежда считалась привилегией жрецов, а в Египте была доступна лишь аристократии.

Плащаница, в которую было завернуто тело Иисуса Христа, была изготовлена из льна.

На Руси лен издревле использовался для белья и одежды. Одежда из льняной ткани всегда считалась праздничной и нарядной. Первым стандартом России, утвержденным Петром Первым, был стандарт на лен.

Несмотря на столь солидный многовековой возраст, лен остается вечно молодым. Интерес ко льну не только не угасает, а наоборот, возрастает с каждым годом. Секрет такой популярности в ценнейших, поистине уникальных, гигиенических свойствах льна, обладающего высокой воздухопроницаемостью и способностью отводить тепло и влагу.

Лен хорош для жителей как южных, так и северных районов. В жаркую погоду у человека в одежде из льна температура у кожи на 3–4 градуса ниже, чем в одежде из хлопчатобумажных или шелковых тканей. Человек, использующий льняную одежду, испытывает комфорт в любую погоду.

Присутствие даже небольшого количества льняного волокна (до 10 процентов) полностью исключает электризуемость ткани. Учеными доказано, что использование льняной одежды предупреждает ряд заболеваний, так как лен обладает редкостными бактериологическими свойствами – ни бактерии, ни грибок на нем не уживаются. И еще – льняная ткань ослабляет гамма-излучения почти в два раза».

Н.В. Харламова использует любые возможные способы пропаганды и рекламы одежды из льняной ткани, разумеется, снабженной и украшенной узорами

«нижегородского гипюра». Так, в 2004 году она принимает личное участие в районном конкурсе красоты для того, чтобы продемонстрировать со сцены жителям Чкаловска элегантность и изящество женского костюма, изготовленного по ее рисункам руками швей и вышивальщиц «Гипюра».

Несколько лет тому назад здесь, на фабрике, сшили льняные вышитые строчкой костюмы для ансамбля «Россияночка» из пуреховского Дома культуры. Ансамбль популярен не только в нашем районе, но и в области. И великолепные костюмы его участников являются как бы визитной карточкой нашей Чкаловской земли.

В экспозиции выставочного зала находятся два женских костюма, сконструированных Н.В. Харламовой как художником-модельером.

Один из красного гладкоокрашенного льна, вышивка его выполнена красными же, но только более светлыми нитками. Он так и называется – «Красна девица». Другой костюм из серого сурового полотна, расшит кремовыми и бежевыми разделками. И каждый из них хорош по-своему. В каждом свой образ, свой характер и настроение. Они, эти два костюма, как бы и контрастируют, но в тоже время и дополняют друг друга, являя собой два типа характера русской женщины – задорный, веселый, боевой, и другой – застенчиво-нежный, целомудренный.

Наталья Владимировна показала и мужской костюм, выполненный совсем недавно. Он сшит и вышит также с учетом традиций русской одежды, и в то же время – это искусство нашего дня, в нем – художественные идеалы современного художника-модельера.

Н.В. Харламова пристально следит за направлениями и веяниями как отечественной, так и зарубежной моды, касающимися как одежды, так и постельного белья, принадлежностей спальни. Просматривает доступные журналы мод, делает вырезки из газет соответствующего профиля. Одна из настольных книг Натальи Владимировны «Оформление спальни. Идеи и практика», автор Хезер Люк, издание «Бурден». Должно быть эта книга в немалой степени помогла ей в работе над интерьером спальни «Русский лен». Этот интерьер, пожалуй, самый запоминающийся, самый эффектный и зрелищный момент из всего того великолепия, что можно увидеть в выставочном зале. Все тут продумано до мелочей, все сделано с любовью и большим вкусом. Современная кровать с гипюровым покрывалом, стол со скатертью, стулья, зачехленные вышитыми чехлами, портьеры, ширма, настенные панно – всему найдено свое место.

Ничего не убавить, не прибавить. И как благородно, нарядно и вместе с тем сдержанно звучит – да, именно звучит, как музыка! – общий колорит интерьера, построенный на сочетании серого и оливково-зеленого цветов с нежными аккордами белой вышивки!

– Мне повезло, что мое увлечение совпало с моей профессией, – говорит Наталья Владимировна. – Ведь это так интересно, когда обычные бытовые предметы, украшенные тонкими узорами вышивки, превращаются в настоящие произведения искусства!

Много лет прошло с того дня, как Н.В. Харламова переступила порог фабрики, но работа ей по-прежнему интересна, как и в первое время. Ведь каждый день сопряжен с творческим поиском, с радостью находок и удач.

Они, эти находки, представлены и здесь в выставочном зале. Образы сказочных персонажей, мотивы архитектурных памятников нашли воплощение в ее панно «Юбилейное», «Золотые купола России». Оригинальные цветовые сочетания найдены в полотенцах «Лесная сказка», «Солнечное», «Возрождение».

Сюжет «Возрождение» еще более совершенное и завершенное воплощение нашел в выставочном панно. На III Московской выставке-ярмарке народных художественных промыслов России «Ладья – 2004» панно «Возрождение» получило третью премию. Воплотить художественный замысел в материале Н.В. Харламовой помогали вышивальщицы А.Г. Короткова, Н.В. Денисова, Н.В. Белянкина.

Проходя по выставочному залу, Наталья Владимировна останавливается около своего панно «Юбилейное», посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

– В сюжетном панно приходится отходить от строгих канонов гипюрной вышивки, от геометrizованности узора. Необходимость «нарисовать» тот или иной сюжет заставляет применять свободные, контурные швы. В панно, как правило, кроме белых используются и цветные нитки. А цвет диктует уже совсем иной характер разделок, отличных от вышивки белым по белому. Тем самым открываются новые возможности для творческого поиска.

Если в прежние годы на выставки отправляли уникальные покрывала, полотенца, занавеси, в которых и находили свое воплощение все стилевые находки и новшества вышивки, то сейчас все чаще для выставок готовятся вышитые тематические панно. Они уже не имеют утилитарного назначения. Это именно произведения декоративно-прикладного искусства. И это требует уже совсем другого подхода и к сочинению и к выполнению того или иного тематического сюжета.

– В геометrizованном узоре вышивки композиционное решение возникает из удачного сочетания отдельных элементов орнамента, – поясняет Наталья Владимировна. – Какая-то формальная находка является той зацепкой, изюминкой, вокруг которой выкристаллизовывается весь остальной узор. В работе над тематическим панно приходится идти именно от темы. Так, прежде чем приступить к разработке композиционного и формального решения панно «Победа», я взяла чистый лист бумаги и написала те сюжетные линии, которые хотела бы провести в этом панно. Получилось как бы небольшое сочинение о том, что я хочу выразить. «Роль мужчины-солдата в Победе нашего народа в Великой отечественной войне бесспорна. Слава

победителям и вечная память! В центре панно букет цветов, выполненный в стиле «нижегородского гипюра». Этот букет имеет вид кокошника, женского головного убора на Руси.

Это не случайно. Какая бы судьба не выпадала на плечи русской женщины, она с гордостью, терпением несла свой венец. И вставала рядом с мужчиной – плечом к плечу.

В нижней части букета цветы наклонены – это печаль и скорбь по погибшим. Но в центре букета-кокошника цветы направлены вверх, они полны жизни и веры в победу добра в борьбе с таким злом, как война.

В верхней части панно – панорама Красной площади, Московского Кремля на фоне салюта.

Москва – это сердце России. Устоит Москва – не победить врагу Россию!».

И вот после этого начался уже поиск образного воплощения темы сначала на бумаге, затем в материале.

Каждый год приносит свои успехи. В 2008 году строчевышивальная фабрика, или как она сейчас называется официально ЗАО «Гипюр», принимала участие в московской выставке «Ладья» на Красной Пресне. Авторское полотно Н.В.Харламовой «Дыханье старины глубокой» на этой выставке отмечено первой премией в номинации «За сохранение традиций народного искусства». В сюжете вышитого рисунка художница использовала древне-русский мотив Древа Жизни, охраняемого стилизованными барсами.

Неуемна фантазия художницы. «Нижегородский кремль», «Псков–1100 лет», «Собор Александра Невского», «Чкаловск»... В каждом из этих панно своя композиция, свои находки, свой образный строй. Рассказывать о них – дело почти бесполезное. Ведь они и создаются для того, чтобы ими можно было любоваться, чтобы в душе родилась радость.

Н. В. Харламова любит свою работу. Она тонко чувствует и понимает красоту.

– Я верю в то, что красота спасет мир. Красота – она ведь многогранна. Это и окружающая нас природа, вещи, люди, их мысли, поступки. Я верю в личность, в человека, в его доброту. А самое главное – это то, что интерес к нашему промыслу не угасает.

Сюда, вот в этот выставочный зал, к нам приходят дети из детских садов, школ и детских домов, приезжают студенты, туристы, иностранные делегации. И мы не видим равнодушных глаз. Слышим

только добрые слова благодарности в адрес мастериц за сохранение души русской. Да мы и сами все больше в гипюр влюбляемся! ...

Замечательным событием для Е.Н. Балашовой и Н.В. Харламовой ознаменован был 2005 год – их приняли в Союз художников России. Такого не бывало еще за все время существования вышивального промысла. И это тоже новая веха, новая ступень в оценке и признании вышивки как искусства.

И это хороший побудительный стимул к дальнейшему поиску новых путей развития «нижегородского гипюра». Так пусть же и дальше прочно стоит на земле Древо вечной жизни, Древо народного искусства. Пусть благоухает оно все новыми и новыми трепетными, нежными цветами. И пусть излучает оно волны Света и Добра!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Там, где бакены волжской волной
Убаюкивало и качало,-
Рукотворного моря прибой
Да бетонная стенка причала.

Под удары тяжелые волн,
Посвист ветра призывный и долгий
Вспоминается старый затон
И рабочий поселок на Волге.

Было здесь Василево село,
Волгарей жило вольное племя,
Будто волжским песком занесло
То, теперь уж далекое, время.

Успокойся ты, море, уймись!
Что ты волны свои расплескало?
Зародилась здесь новая жизнь,
Вырос город по имени Чкаловск!

То бурлаки идут бичевой

С детских лет, со школьной скамьи памятные некрасовские строки:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется -
То бурлаки идут бичевой!..

Бурлачество, бурлацкая лямка... Сейчас представляется, что все это было так давно, аж в какие-то незапамятные времена. А ведь последние бурлаки на Волге исчезли немногим более ста лет назад, и наши деды, должно быть, еще застали их, а уж прадеды - это наверняка.

Бурлачество, несмотря на всю его неприглядность, искони было одним из самых распространенных на Волге промыслов. Искони бурлацким пристанищем слыла и Василева слобода.

Протоиерей И. Соловьев в очерке о Василевой слободе пишет: «В свое время, когда на Волге процветало бурлачество, в Василево каждую весну собиралось тысячи этого люда для найма и поступления в бурлаки на василевские и другие суда из ближайших деревень, зимовавшие в здешнем затоне»¹⁰.

И вот поскольку этот промысел был исконно василевским, я в разных книжках год за годом выискивал все, что касается бурлаков и

¹⁰ И. Соловьев. Село Василева-Слобода Балахнинского уезда. «Нижегородские епархиальные ведомости», 1904, вып. 23, 24. (стр. 669).

бурлачества.

Начнем со значения самого слова. «Бурлак», «бурлака» – так в старину называли бесприютных, бездомных бедняков, босяков, бродяжек, вечно голодных и готовых на любую самую тяжелую и грязную работу. Эта бездомная братия, собравшись по весне гурьбой, и нанималась к судовладельцам в качестве тягловой силы. Со временем название «бурлак» укоренилось именно за волжскими рабочими, занимавшимися проводкой судов.

Особую трудность в бурлацком промысле составляло умение провести судно по мелям, перекатам. А поскольку бурлаки бывали одеты в рванье, их называли еще и так – «голь перекатная».

Когда появились первые бурлаки на Волге? А как началась торговля, так и появились. Ранние упоминания о них относятся к XIV веку. Конечно же, исстари ходили по Волге и гребные суда, но их использовали только в случае спешности, когда надо было срочно куда-то доставить княжескую дружину, служилых людей, иноземного посла. Барки с товарами и грузами тянули только бурлаки.

Про бурлаков в народе ходило немало разных присловий: «Лошадь – в хомут, бурлак – в лямку». Так говорили оттого, что по весне лошадь вкоренную впрягалась на полевые работы, а бурлак отправлялся на волжский промысел. Ведь во времена крепостного права да и позже основную массу бурлачества составляли крестьяне.

Крепостные шли, чтобы из заработанных денег заплатить барину оброк, вольные – чтобы прокормить семью. Нередко барин продавал купцам – пароходчикам своих крепостных на путину, чтобы поддержать истощавший бюджет.

Не так уж часто, но бывало, что в лямку впрягались и женщины.

Среди бурлаков бывали и беглые солдаты, и сбежавшие из Сибири каторжане, другие скрывавшиеся от государева ока люди. Они не имели паспортов. Из-за этого их называли еще «слепыми». Непроходимые лесные дебри по волжским берегам, заросли камышей в устье реки служили им убежищем на случай преследования. Беспаспортные работали обыкновенно за одни харчи. Но даже, если приказчик и сулил им что-то заплатить, в конце путины все равно обманывал, грозился послать за становым, и голытьба, чтобы не осложнять себе жизнь, разбегалась в разные стороны.

Бурлаки разделялись на «водохлебов» и «водобродов». У «водохлебов» бурлачество было постоянным промыслом из года в год. «Водоброды» нанимались на одну путину, их из деревни выгоняла

только крайняя нужда.

Артели бывали разными не только по составу, но и количественно. Их собирали из расчета 4-6 человек на тысячу пудов груза. Расшиву в 300 - 400 тонн вело до сотни бурлаков. Чтобы провести самые большие суда, в лямку впрягалось до 300 человек.

В 30-х годах XIX века, в пик расцвета бурлачества, на Волге работало свыше 600 тысяч бурлаков. Но примерно в это же время появились уже первые пароходы, и постепенно бурлацкий промысел пошел на убыль. Однако пароходы часто садились на мель, их тяга поначалу была невелика. Бурлацкий труд оказывался более дешевым. Соревнование силы пара и силы мышц продолжалось до 70-х годов XIX века. И вскоре бурлацкий промысел угас совсем.

Но вернемся к василевским бурлакам. Они в село собирались заранее, еще до того, как Волге тронуться, чтобы успеть наняться по возможности повыгоднее да ночевать не на улице, а на постоялом дворе. Когда сколачивалась артель, артельщик заключал с купцом-судовладельцем или с его приказчиком договор, где письменно закреплялись задание и все условия работы. В одном из договоров, к примеру, значится: «... в нынешнем 1826 году по вскрытии на реке Волге вешнего льда, сплыть вниз рекою Волгою до пристани Казанской губернии, Чебоксарской округи, к Осокинской на Онеше мельнице, где и нагрузить оную расшиву разным хлебом из показанных от него хозяина амбаров. По погрузке же убравшись к верховому ходу, следовать вверх до города Рыбинска».

В договоре обуславливалось все до мелочей: идти, например, полагалось «с поспешением, не просыпая утренних и вечерних зорь. В пути оную расшиву с мелей и корней снимать, из проносов, заметов и затонов выводить всяческим волгским промыслом и от всякого несчастного приключения всем нам стараться погруженную кладь денно и ночью и из огня таскать и возить завознями и лодками на берег, с поспешением, потом пересушить, расшиву починить, перегружаться нам безденежно, за ту жеряду, лоцмана и водолива слушаться и никаких закону противных поступков не чинить и от нападения воров и разбоев обороняться, в ночное время иметь нам, рабочим, на том судне по очереди двух человек в карауле вооруженных... А кто из нас сбежит или захворает, тех наймовать нащет наш»¹¹.

Барки или расшивы вниз шли самосплавом, при попутном ветре – с парусом. Против течения их тянули бечевой, пеньковым канатом,

¹¹ Н. А. Забурдаев. В семье Кашириных. Горький, ВВКИ, 1976г. (стр.21-22)

один конец которого привязывали к мачте судна, а к другому пристегивались ременные лямки, в которые и впрягались бурлаки.

Бурлацкий труд был не только адски тяжел, но и очень опасен. Если уж в XIX веке бурлакам предписывалось обороняться от воровских разбоев, то что говорить о временах Стеньки Разина и Пугачева. Быстрые струги разбойников то и дело пересекали путь купеческим судам, и в это время оглашал Волгу грозный клич: «Сарынь – на кичку!» «Сарынь» – так называли бурлаков, «на кичку» – означало на нос расшивы. Чтобы не мешала, значит, голытьба потрошить купеческую мошну.

Но не только разбойники – множество других опасностей подстерегало бурлака на каждом шагу. Остались свидетельства очевидцев о том, как бурлаки карабкались иногда по песчаным обрывам, которые обрушивались и засыпали людей. Им приходилось то вплавь, то вброд впадавшие в Волгу речки и ручьи. При переходе вброд оступившиеся затаптывались артелью и нередко тут же и оставались. При переходе вплавь горе было тем, кто не умел плавать.

Часто артели мешал идти вперед встречный ветер. При попутном ветре, когда в помощь бурлакам ставился парус, иногда налетал внезапный шквал, наклонял паруса, а они были огромными, и опрокидывал расшиву.

Если весной, после половодья, бурлацкой артели приходилось идти крутым обрывистым подплывшим берегом, преодолевать вплавь впадавшие в Волгу разлившиеся реки и ручьи, то в середине лета и осенью была другая беда – Волга сильно мелела. У мелей, перекатов скапливались десятки судов, и каждая артель старалась провести свое судно побыстрее. Ведь за простой хозяин удерживал деньги из без того-то жалкого жалованья. Бывали между артелями и стычки, и драки.

За рабочий день, который начинался с рассветом и кончался с первой звездой, бурлаки проходили против течения десять-двенадцать километров. Даже и ели бурлаки порою не всегда все вместе. Когда было дорого время, они менялись у бечевы на ходу и поочередно готовили на расшиве «мурцовку».

«Мурцовка» была самой обычной повседневной бурлацкой пищей. В большое деревянное блюдо крошился хлеб и лук. Щепотка соли, две-три ложки постного масла. Потом все это заливалось водой. Вот и вся кулинария. Ржаного хлеба бурлак съедал около двух килограммов в день. Пшеничную кашу с салом или мясом варили

лишь в первые дни путины, чтобы отощавший за зиму бурлак побыстрее втянулся в лямку. Немного посытней была пища при сильном встречном ветре и на трудных участках пути, когда барку приходилось тянуть волоком по обмелевшему руслу. Подспорьем к скудному харчу бывала пойманная во время ночных стоянок рыба.

Большая деревянная чашка для мурцовки или каши была общей, а ложка у каждого своя. По этой ложке, заткнутой за отворот войлочной шляпы, и узнавали бурлака на ярмарке, на базаре в каком-либо городе или селе. Был даже особый тип ложки, которая так и называлась бурлацкой. Она была сделана поглубей, побольше обычной, чтобы уж зачерпнуть так зачерпнуть.

Песни, байки – это все бывало пока варилась каша. Обедали же бурлаки степенно, за обедом не полагалось не только шутить, но и вообще заводить разговоры. Богу молились перед едою и после нее. На бечевике бурлак вел себя смирно. Это уж когда получит расчет да зайдет в кабак, да выпьет, вот тогда ...

Тогда про него говорили: «Собака, не тронь бурлака. Бурлак сам собака».

На ночь бурлаки укладывались все вместе вповалку в трюме, в «мурье». Приказчик, лоцман, водолив ночевали в казенке, в каюте на палубе. В казенке же проводили свободное от работы время и днем. Когда устанавливалась жаркая погода, бурлаки устраивались на ночлег прямо на волжском берегу.

В 1871 году восемнадцатилетний Владимир Алексеевич Гиляровский, впоследствии известный журналист и писатель, не окончив курса гимназии, без денег, без паспорта ушел на Волгу в бурлаки. В книге воспоминаний «Мои скитания» он очень ярко и образно, и в то же время с большой достоверностью рассказывает об этом периоде своей жизни, о нелегкой доле волжского бурлака.

«... Путина, в которую я попал, была случайная. Только один на всей Волге старый хозяин Пантелей из-за Утки-Майны водил суда народом, по старинке.

Короткие путины, конечно, ещё были: народом поднимали или унжаки с посудой или паузки с камнем, и наша единственная уцелевшая на Волге Крымзенская расшива была анахронизмом. (...)

– Суводь, робя, держись! О-го-го-го! – загремело с расшивы, попавшей в водоворот.

И на повороте Волги, когда мы перевалили песчаную косу, сразу натянулась бечева, и нас рвануло назад.

– Над-дай! Не засарива-ай!.. – ревел косной с прясла.

Сдержали. Двинулись, качаясь и задыхаясь... В глазах потемнело, а встречное течение – суводь – еще крутило посудину.

– Федька, пудия! – хрипел Костыга.

И сзади меня чудный высокий тенор затянул звонко и приказательно:

– Белый пудель шаговит...

– Шаговит, шаговит... – отозвалась на разные голоса ватага, и я тоже с ней. И установившись в такт шага, утопая в песке, мы уже пели черного пуделя.

– Черный пудель шаговит, шаговит...

Черный пудель шаговит, шаговит.

И пели, пока не побороли встречное течение. (...)

Солнце закатывалось, потемнела река, пояснел песок, а тальники зеленые в черную полосу слились.

– Засобачивай!

И гремела якорная цепь в ответ.

Булькнули якоря на расшиве... Мы распряглись, отхлестнули чебуреки лямочные и отдыхали. А недалеко от берега два костра пылали и два котла кипятились. Кашевар часа за два раньше на завозне прибыл и ужин варил. Водолив приплыл с хлебом с расшивы.

– Мой руки, да за хлеб-за соль!

Сели на песке кучками по восьмеро на чашку. Сперва хлебали с хлебом «юшку», то есть жидкий навар из пшена с «поденьем», льняным черным маслом, а потом густую черную «ройку» с ним же. А чтобы сухое пшено в рот лезло – зачерпнули около берега в чашки воды: ложка каши – ложка воды, а то ройка крута и суха – в глотке стоит. Доели. Туман забелел кругом. Все жались под дым, а то комар заел.

Онучи и лапти сушили. Я в первый раз в жизни надел лапти и нашел, что удобнее обуви и не придумаешь: легко и мягко».

В наши школьные годы в учебнике «Родная речь» помещался отрывок из стихотворения Н.А. Некрасова «На Волге»:

Почти пригнувшись головой,
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик

И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик...

Рядом со стихотворением была еще помещена репродукция с картины Ильи Ефимовича Репина «Бурлаки на Волге». Если внимательно посмотреть на картину, то можно заметить, что у всех изображенных на ней бурлаков выставлена вперед полусогнутая правая нога. Репин правдиво, со знанием дела изобразил ход бурлацкой артели. Именно так они и шли – выставя вперед правую ногу, а затем уже подволакивая к ней левую. Ритм движения задавал вожак, шедший в лямке первым, его называли еще «шишка». На картине Репина это повязанный платком бурлак Канин. Если кто-то, споткнувшись, сбивался с ритма или засыпал на ходу, вся артель дружно начинала выкрикивать слова: «сено - солома, сено - солома» до тех пор, пока вновь не восстанавливался прежний ритм движения. Для поддержания ритма пелись и похожие на похоронный крик песни. Здесь, на бечевике, родилась и знаменитая «Дубинушка». За вожакom обыкновенно нехотя плелись «кабальные», работавшие за одни харчи. Вслед за ними шли «усердные», они подгоняли «кабальных». И самым последним шел «косной», в его обязанности входило освобождать, «ссаривать» бечеву, когда она задевала за кусты, за деревья. Под рукой у него всегда имелись топор и рассоха, длинная палка с рогулькой на конце. За это «косной» получал дополнительную плату.

Вообще же бечевик, береговую полосу шириной десять сажен, идущую вдоль реки, по закону нельзя было загромождать ничем, ни какими-либо строениями, ни выловленными из Волги дровами.

Большинство изображенных Репиным бурлаков обуты в лапти, и только двое из них босы. Бурлак за путину лаптей изнашивал до двадцати пар, а то и больше. При ходьбе по каменистому, галечному берегу их едва хватало на неделю. А ведь и они в сопоставлении с бурлацким заработком были недешевы. Чтобы сплести пару лаптей, надо было ободрать лыко с трех молодых липок. Выходит, надо было загубить 60 липок, чтобы обеспечить лаптями одного бурлака на одну путину. Ну, а если учесть, что бурлацкая армада достигала 600 тысяч, то цифра получается внушительная. А ведь не только бурлаки, вся остальная крестьянская Россия ходила в лаптях. Кроме того, из лыка делались рогожи, веревки, мочало ...

Вывод напрашивается сам. Но это уж так – к слову.

На репинской картине по палубе расшивы похаживают водолив, лоцман. До водолива, лоцмана надо было дослужиться. Немало васьичан ходило по Волге именно в этих почетных, начальственных должностях. Разумеется, они были и более высоко оплачиваемы. Водолив получал за путину сто - сто двадцать рублей, вдвое больше рядового бурлака. Но и знать, и уметь он должен был много. Прежде, чем стать водоливом, сам несколько лет тер лямкой плечо. Водолив, в первую очередь, обязан был следить за сохранностью перевозимого груза, чтобы не подмочило его водой. Он нес ответ за исправность всего судового такелажа, знал когда и как ставить паруса. Обычно он был и хорошим плотником, чтобы в случае необходимости починить расшиву или барку. Наконец, он руководил всеми действиями бурлацкой артели.

Также вдвое больше бурлака получал и лоцман. Если водолив отвечал за сохранность хозяйского груза, то лоцман – за судно, за безопасность его проводку. Он наизусть знал весь судовой ход, все перекаты и мели от Астрахани до Рыбинска. Он стоял у руля во всю путину, особенно же его ответственность и роль были велики при движении в узких, труднопроходимых местах.

По окончании путины бурлаки – крестьяне отправлялись по своим деревням, надо было заняться и хозяйством, поправить пошатнувшийся двор или избу, запасти на зиму дров. Водоливы васьичане отправлялись на «плотбище», в затон, где строили для купечества новые суда – барки, паузки, дощаники, шитики. Потребность в них была велика.

Ну, а когда бурлачество стало вовсе исчезать, многие васьичане так по-прежнему и оставались волгарами, ходили на пароходах кочегарами и матросами, масленщиками и рулевыми, все теми же лоцманами.

Несмотря на пренебрежительное, брезгливое отношение к бурлакам со стороны общества, нельзя не признать того, что их кабалным трудом обеспечивалась жизнь людей всей Волги и не только ее. В барках, которые тянули они, впрягшись в лямки вместо скота, перевозилось все самое необходимое для жизнедеятельности России – хлеб и соль для населения, кирпич и лесоматериалы для строительства, железо и медь для заводов.

Поэтому бурлачество достойно памяти потомков. И не зря в Рыбинске, не одну сотню лет сльвшем бурлацкой столицей, стоит у волжского берега памятник бурлаку. Напоследок следует сказать, что

среди бурлаков наряду с беспутными горемыками

очень даже нередко бывали люди наделенные крепким телосложением, смелостью, живым умом, и их природные качества передались впоследствии потомкам и проявились в них с яркою силой. Достаточно вспомнить, что в молодости был бурлаком дед великого писателя волгяря Максима Горького. Были бурлаками и прадед, и дед великого летчика волгяря Валерия Чкалова.

Купцы, торговцы

Основными занятиями жителей Василевой слободы, приносившими средства к существованию, бы-

ли ремесленничество и торговля. Самым же главным и самым доходным промыслом являлась торговля хлебом. Причиной этого в первую очередь стало то, что здешние почвы и всей распространенной на многие версты округи были мало пригодны для земледелия. Собственного хлеба даже в самые урожайные годы крестьянам едва хватало до нового года. Вот поэтому население как Балахнинского уезда, так и многих соседних уездов Владимирской, Костромской губерний вынуждено было покупать его на стороне.

Уже к середине XIX века Василево считалось важной хлебной пристанью и крупным перевалочным пунктом при транспортировке зерна, привозимого с низовьев Волги, с Камы и с Белой. Наиболее оборотистые василевские торговцы успевали в течение навигации сделать в низовья по три ходки - весной, летом и осенью. Камский хлеб закупали в Челнах и Чистополе, покупали его и на некоторых пристанях уездных городов Симбирской и Самарской губерний.

Закупали рожь и пшеницу в основном зерном. В значительно меньших объемах – сообразно потребности – завозили овес, гречу, пшено, горох и отруби.

На разгрузке барж работала значительная часть населения села, этой работой занимались и мужчины, и женщины. Женщинам обыкновенно насыпали в мешок два пуда, мужчинам – по их индивидуальным возможностям.

Были грузчики, носившие и по десять пудов. Но это были уже

профессионалы, знавшие тонкости и особенности своего дела. Казалось бы, какие тут могут быть тонкости? Сила есть - ума не надо. Однако и здесь нужен был ум, вернее, умение распорядиться костно-мышечным аппаратом. От неумения бывали не только грыжи и опущения внутренних органов, но нередко и смертельные случаи от сдвига позвонков.

За разгрузку одной четверти зерна, а это и есть десять пудов, платили от 7 до 12 копеек.

Хлеб засыпали в амбары. Они, тесно прижавшись, друг к другу, стояли по всей береговой линии села у Волги и в устье Санахты, и было их около двух десятков. Рожь и пшеницу из амбаров купцы продавали так называемым «возовым» торговцам. «Возовые» везли зерно размалывать на мельницу и уже мукою продавали хлеб на Василевском базаре по средам.

Две ветряные мельницы были в самом Василеве, кроме того, семь водяных мельниц стояло по течению речки Санахты. Некоторые из них принадлежали самим купцам – хлеботорговцам.

В базарные дни у «возовиков» муку покупали как жители самого Василева, так и торговцы мелкой руки, которых называли «подбегами». Они уже везли хлеб на базары Катунок и Пуреха, Пестяков, Верхнего и Нижнего Ландеха, других сел Владимирской и Костромской губерний. Каждую среду с Василевского базара в разгар торгов увозилось до 50 возов хлеба.

В 1860-е годы в течение навигационного периода через Василевские пристани проходило до полумиллиона пудов хлеба и других зернопродуктов.

Конкурентами Василева в хлебной торговле были Пучеж и Городец. Нераспроданный хлеб нередко приходилось перевозить вверх по Волге, в Рыбинск.

В 1870-е годы, в связи с переходом на паровой водный транспорт, хлебная торговля переживала трудные времена. В эти годы, на Волге стало исчезать бурлачество. Наиболее зажиточные купцы Василева приобрели пароходы или же фрахтовали их у пароходных обществ. Пучеж не выдержал конкуренции, и с тех пор василевские хлеботорговцы взяли в свои руки всю торговлю по правобережью в округе на 100 верст от села. У Городца же основной ареал торговли занимал левый берег Волги.

Купеческие пароходы и баржи зимовали в устье реки Санахты и в Василевском затоне, располагавшемся чуть выше села. В 1890-е годы,

в устье Санахты зимовали пароходы «Межень», «Василев», «Григорий Маленев», «Покорный слуга», в Василевском затоне – «Сродник», «Юг», «Одесса», «Володя», а также баржи. Для зимнего ремонта этих судов в устье Санахты и в носке затона существовали зимовки без механического оборудования.

В связи с переходом перевозок на паровой водный транспорт обороты хлеботорговли с каждым годом все возрастали.

Наиболее зажиточными и известными в селе были династии купцов Рукавишниковых, Винокуровых, Мордашовых, Морозовых, Малыгиных. Некоторые из этих фамилий фигурируют в корреспонденции из газеты «Волгарь»: «С окончанием навигационного времени в Василево привезен большой запас ржи и прочих продуктов. Рожь и прочие продукты скупались на разных пристанях низовьев Волги. Привезено четыре баржи с рожью и прочим С. Мордашова и компании с грузом 120000 пудов, Винокурова – баржа с 55000 пудов, одна баржа Малыгина с 50000 пудов, Демидова одна баржа с 32000 пудов, крестьянина д. Климотино Малышева одна баржа 10000 пудов. Картофеля привезено из Ставрополя 3000 пудов, его продают по 35 коп. за меру. Рожь продают различными ценами: козловскую – 40 коп. пуд, хрящевскую – 43 коп. пуд, курмыгскую – 46 коп. пуд. Кроме розничной продажи ржи на базаре, торговцы-хлебники справляют ее партиями в Пестяки Владимирской губернии Гороховецкого уезда и в Катунки Балахнинского уезда, а зимой, когда установится хорошая дорога – за Волгу»¹².

О степени зажиточности жителей Василева в начале прошлого столетия можно отчасти судить по виду строений, в которых они проживали. В слободе из имеющихся 172 домов были 87 деревянных одноэтажных, 24 деревянных двухэтажных, 39 полукаменных, 6 одноэтажных каменных, 15 двухэтажных каменных и 1 трехэтажный. Естественно, что купечество занимало самые лучшие двухэтажные каменные дома, располагавшиеся вдоль берега Волги, вокруг базарной площади и по Большой улице.

Каждый из купеческих домов имел свой неповторимый архитектурный облик, свой характер, свое лицо. И не только общий вид, но и отдельные элементы купеческих домов отличались разнообразием. Выложенные из тесаного кирпича обрамления окон, карнизы, фризы, отделяющие один этаж от другого, фигурный картуш на верху кровли – во всем видна изощренность кирпичекладильного ма-

¹² Газета «Волгарь». 1894г., № 288.

стерства. У одного дома парадное крыльцо с ажурным литым кружевом навеса и с литыми опорами-столбиками, у другого этот навес выкован из железных прутьев.

Ворота, ведущие во двор дома украшены затейливой резьбой, а по верху пущен ажурный пояс из просечного железа. Дымник трубы над крышей, воронка водосточной трубы – все сделано с выдумкой, с фантазией, искусно.

Впоследствии, после революции, в купеческих домах располагались различные организации и учреждения, и они, построенные надежно и прочно, продолжали служить верой и правдой. Служили бы и по сей день, если бы нижняя часть прежнего Василева не попала под затопление Горьковским водохранилищем.

В доме, который после установления Советской власти заняла милиция, проживала семья купцов Винокуровых. Вот что рассказывала об этой семье, о своих предках, жительница Чкаловска Софья Александровна Сердцева: «Мои предки – коренные жители Василевой слободы, из древнего купеческого рода Винокуровых, прадед – Севостьян Денисович Винокуров, а впоследствии дед – Федор Севостьянович, были одними из самых зажиточных купцов. Прадед Севостьян Денисович торговал хлебом, крупой. Имел свою мельницу у деревни Ступино, содержал едва ли не единственный в Василеве постоянный двор, располагавшийся позади дома. Прадед умер в 1906 году, передав все свое дело и наследство сыну Федору.

В девятнадцатилетнем возрасте Федор Севостьянович женился на шестнадцатилетней девице Евдокии.

За 10 лет замужества Евдокия родила восемь детей, но большинство из них умерли в младенческом возрасте, и в живых осталось только трое девочек. Евдокия рано умерла от чахотки. Федор Севостьянович женился во второй раз и от второго брака имел еще сына и дочь. Старшая дочь, Прасковья, вышла замуж в купеческий дом Знатковых из деревни Бородулино (ныне Пуреховской сельской администрации). Дом этот впоследствии был перенесен в Василево. Стоял он в конце Подлужья, и в нем была вначале школа, затем артель строчей, а в настоящее время это здание центра занятости на ул. Жуковского.

Младшую из сестер Винокуровых, Пелагею, ожидала другая судьба. В детстве у нее была повреждена нога, и она немного прихрамывала. Как незавидную невесту, отец отдал ее в старообрядческий монастырь, который находился на другой стороне Волги, выше по бере-

гу, в сторону Ковернино. Как почти и все василевское купечество, Винокуровы были старообрядцами. Пелагея должна была пожить в монастыре и, если понравится, то через год принять постриг.

Однако порядки в монастыре ей пришлись не по душе, и она при первой же возможности вернулась домой. После этого, она встретилась с вернувшимся со службы во флоте Александром Петровичем Вагичевым, но замужество с ним для купеческой дочери было делом невозможным. И все-таки они тайно обвенчались в Климотинской староверческой церкви, а затем уже зарегистрировали брак по советским законам.

Федор Севостьянович, поставленный перед фактом, вынужден был признать этот брак, но молодые стали жить отдельно, и жили очень скромно, не по-купчески. Вот в этой семье я и родилась.

После того, как начались гонения на купечество, дом у деда отобрали, забрали и все нажитое им за жизнь. Куда все это делось, я не знаю. самого деда поселили в одно из помещений находившегося позади дома постоянного двора. Там он, лишенный средств к существованию, вскоре и умер. Невдалеке от дома деда, находились дома купцов Рукавишниковых. Мама в своих воспоминаниях называла еще одного из Василевских купцов – Морозова Дементия Павловича, но о нем я ничего рассказать не могу».

Неплохо шли торговые дела у василевского купца первой гильдии Малыгина Ивана Ефимовича. До наших дней на улице Халтурина сохранились оказавшиеся выше зоны затопления, принадлежавшие ему дома – двухэтажный деревянный с каменным полуподвалом, в этом доме жила семья, и расположенный рядом двухэтажный каменный дом, бывший магазин Малыгиных.

По воспоминаниям внучки Ивана Ефимовича Лбовой Елены Михайловны, долгие годы работавшей учительницей математики в Чкаловской школе N 4, дед имел баржу, на которой привозил в Василево хлеб и другие продукты. На барже в качестве матросов работали его дочери: Татьяна, Пелагея, Мария, Евдокия. Торговлей в магазине занимались тоже они или же сам Иван Ефимович.

Это говорит о том, что Иван Ефимович при немалом достатке умел ценить и беречь нажитую копейку, к бережливости и труду приучал детей.

Незадолго до революции И.Е.Малыгин в качестве приданого построил для одной из дочерей, Марии Ивановны, большой и кра-

сивый дом. Архитектурно центральной частью с колоннами парадного входа, дом был поделен на две части. Одна часть предназначалась для магазина, другая для жилья. Перед свадьбой в доме была устроена выставка приданого невесты. Мария Ивановна была искусной рукодельницей, и многое приготовила сама, своими руками. Посмотреть на приданое допускались только люди своего круга по пригласительным билетам. Купцы-старообрядцы общались в основном только между собой и связей с другими жителями села избегали.

Мария Ивановна Малыгина вышла замуж за Рукавишникова Михаила Александровича, одного из сыновей другого известного Василевского купца Александра Петровича Рукавишникова. В 1917 году в их семье и родилась дочь Елена.

Однако отца Елена Михайловна Лбова не помнит, а о его судьбе знает только по рассказам матери. Отец, Михаил Александрович во избежание преследований вскоре после революции вынужден был из Василева уехать и скрыться. Все три здания, принадлежавшие Малыгиным, вместе с имуществом были конфискованы.

Когда разоряли дом и выносили по крутой лестнице зеркальный шкаф, Иван Ефимович просил мужиков нести его поосторожнее, чтоб не разбить зеркало. Жена пеняла ему: «Не все ли тебе равно? Теперь уж не твое...» На что он отвечал: «Так ведь, может, кто-нибудь да попользуется...».

Вот так и не пришлось молодой семье купеческих детей Рукавишниковых – Малыгиных пожить в построенном для них доме. Впоследствии, в начале 1920-х годов, в этом доме, после небольшой внутренней перепланировки был организован рабочий клуб им. Я.Петрова.

Вообще же, за почти девяностолетний период существования Малыгинских домов после их конфискации, каких учреждений в них только не было! Это относится и к уцелевшему дому купцов Рукавишниковых, что находится на улице Халтурина. Все новые и новые хозяева старались «реконструировать» здания, каждый на свой лад. И все-таки все четыре дома стоят и служат людям до сих пор.

По воспоминаниям старожилов Василева-Чкаловска, заставших Ивана Ефимовича Малыгина в живых, он был человеком степенным, покладистым и трудолюбивым. Зимой ни свет, ни заря отправлялся на Волгу с пешней чистить ото льда проруби. Не гнушался никакой домашней работой, а муку и продукты в магазинах часто отпускал

сам.

Иван Ефимович, когда всего лишился, стал работать перевозчиком по линии поселкового коммунального хозяйства и вроде бы никому не мешал. Но все-таки в конце 1930-х годов И.Е.Малыгина репрессировали и в довольно почтенном уже возрасте отправили на строительство Рыбинского гидроузла, где он и скончался.

Хлебной торговлей занимались не только Василевские купцы, но и зажиточные крестьяне окрестных деревень. Хлебное дело показалось приманчивым и доходным и василевскому котельщику Павлу Григорьевичу Чкалову, отцу прославленного летчика Валерия Чкалова. П.Г.Чкалов в Василево приехал из Сормова, работал в здешнем затоне и, будучи высококвалифицированным рабочим, сумел скопить денег и уже через четыре года после приезда в 1986 году поставил в нагорной части села собственный дом.

Заработки котельщика, а впоследствии подрядчика котельных работ, были неплохими, и он в начале 1900-х годов на паях с соседями по Василеву купил в рассрочку на 10 лет у нижегородского купца Колчина пароход «Геракл», дал ему новое название «Русло», а затем у него же купил горелый пароход «Приток». «Русло» П.Г.Чкалов сдавал в аренду в Министерство путей сообщения, а горелый «Приток», пригнав с реки Белой в Василево, вычинил своими руками. Потом прикупил и вычинил для него две старых баржи. И так, худо-бедно, торговым предпринимательством П.Г.Чкалов занимался около пятнадцати лет. В 1918 году и пароходы и баржи у Павла Григорьевича отобрали, и он вновь работал котельщиком в Василевском затоне вплоть до смерти, наступившей от инфаркта в 1931 году.

Судьбы многих купеческих семей после революции сложились плачевно. У многих конфисковали не только пароходы и баржи, но и дома и имущество, а некоторых арестовали и выслали из села. В немалой степени таким жестким мерам поспособствовал так называемый «хлебный бунт», происшедший в Василеве в мае 1918 года.

Голод, наступивший в стране весной этого года, заставил Советскую власть прибегнуть к изъятию излишков хлеба у зажиточных крестьян, у купцов. Вот и в Василеве представители местной власти закупали у торговцев хлеб по чисто символической цене, даже и несопоставимой с рыночной, и отправляли его баржами в Нижний Новгород. Хлеб фактически отнимали. Разумеется, такие действия вызывали яростное возмущение у купцов. Бунт возник 15 мая 1918 года, это была среда, базарный день. И, как всегда, в этот день на ба-

заре было большое скопление народа, не только жителей Василева, но и окрестных деревень. Внизу, у пристани, стояла готовая к отправке очередная баржа с хлебом. Бунт возник стихийно, но огонь его раздували и направляли действия толпы, конечно же, наиболее недовольные – купцы и зажиточные крестьяне. В сохранившемся документе, обвинительном постановлении следственной комиссии Нижегородского губернского революционного трибунала от 1 июля 1918 года обстоятельства мятежа описаны со всей подробностью.

«... 15 мая текущего года в с. Василево бывшие на базаре граждане окрестных деревень прочли объявление, вывешенное председателем Василевского Совдепа Пастуховым о назначении им собрания Коммунистической партии, где он должен был прочесть «прощальный» доклад по случаю ухода его из партии и других организаций в связи с отъездом из села. Собравшиеся стали обсуждать объявление Пастухова. Слух об отъезде председателя Совета скоро распространился по базару. Постепенно стали собираться группы народа, а потом целые толпы. Среди одной из них появился Степан Доколин, который говорил, что комиссар продовольствия Соболев скрылся и захватил народные деньги, и остальные члены Совета тоже скроются. «Не отпускать их, вешать их», – добавил Доколин.

Савватей Алексеев говорил, что Соболев захватил с собой 15 тысяч рублей и что члены Совета расхищают собранные с богатых деньги. Василий Мухин распространял слухи, что в Совете заседают одни жулики, и призывал идти и громить Совет.

Возбуждение в толпе, благодаря распространяемым и принимаемым за правду слухам, быстро росло. У случайно попавшегося на глаза начальника милиции (члена Совета) Смирнова толпа требовала хлеба, и объяснения его не удовлетворили толпу. Из нее слышались выкрики: «Вы только грабите купцов, а хлеба не даете». Это были слова Доколина. Еще с большим озлоблением толпа встретила начальника Красной гвардии Петрова. Петров старался удалиться, но толпа его догнала и избивала до потери сознания. Придя в себя, он стал спасаться и, подходя к дому Забаранкова, где помещался Совет, взобрался на крышу бани, прилегающей к дому Забаранкова, а с нее намеревался ухватиться за карниз (над первым этажом), чтобы проникнуть через окно второго этажа в помещение Совета. Но вышедший из толпы гражданин с. Сицкого Иван Долин влез на крышу бани, схватил Петрова за плечи и бросил в толпу, которая вновь сильно избивала его.

Наконец, Петрову удалось бежать в больницу, чтобы получить медицинскую помощь и укрыться. Но и туда за ним вскоре пришли пять человек, из коих часть вооруженных, во главе с жителем с. Василево бывшим офицером Тимофеем Рукавишниковым. Неизвестные, бывшие с Рукавишниковым, вытолкнули Петрова из больницы, где он и был убит толпой.

После этого толпа появилась около помещения Совета, и представители ее, Тимофей Рукавишников, Зиновий Морозов, Степан Доколин и другие вошли в помещение

Совета, где Морозов заявил председателю Совета Пастухову, что «с сегодняшнего дня – монархия, сегодня последняя стадия революции и теперь в России творится то, что произойдет сейчас с вами», – тут же объявили членов Совета арестованными и, приказав поднять руки вверх, приступили к обыску и отобранию оружия.

Находившиеся в помещении Совета винтовки были розданы толпе. Письменный стол разгромлен, денежный ящик и штемпеля похищены. Арестованных членов Совета: Пастухова, Кляйкова, Смирнова, Богданова - под конвоем повели по улице, где они со стороны сопровождавшего конвоя, толпы народа и примыкавших отдельных личностей подвергались всевозможным издевательствам и оскорблениям как словами, так и действиями. Арестованные были посажены в амбар Малыгина, охраняемый часовыми. Толпа разыскивала и других членов Совета, но нашла только Кузьму Чуфарина, которого с постели, больного, отправили к арестованным.

Далее толпа, руководимая Рукавишниковым, Доколиным, Морозовым, была разбита на группы и каждая из них имела свое назначение: одна арестовывала и разоружала милицию и красногвардейцев, другая производила обыски и занимала учреждения, а третья несла охрану.

Руководители отыскивали старого полицейского надзирателя Геннадия Михайловича Рубинского, которому Рукавишников предлагал занять пост начальника милиции и распорядиться о выставлении постов, но последний от этого предложения отказался. Однако, когда толпа избивала служащего канцелярии Совета Григория Чудова, Рубинский подстрекал толпу, говоря: «Убейте его, и он такой».

Когда стоявший на посту у арестованных Доколин обратил внимание проезжавшего священника, отца Ивана Никольского, на арестованных, священник в присутствии толпы сказал по адресу аресто-

ванных: «Мало вам этого – расстрелять вас, собак, надо»¹³.

Однако мятеж был подавлен уже к вечеру того же дня. После рабочей смены к месту событий подоспели рабочие затона, к пристани подошли пароходы с отрядами вооруженных красногвардейцев из Городца и Балахны. Кому-то из зачинщиков и организаторов удалось скрыться и бежать. Кого-то арестовали, увезли и больше их не видели в селе.

Вот на такой трагической ноте и закончился василевский хлебный промысел, от которого не один век кормились не одни только купцы, но и торговцы рангом поменьше, получали свой кусок в старину бурлаки, а затем работники судовых команд, грузчики, извозчики, мукомолы... Наконец, купцы снабжали хлебом и в прямом уже смысле слова кормили огромную округу крестьянского населения, распространявшуюся на много верст от Василева.

Но, конечно же, не одною только хлебной торговлей живо было Василево.

В слободе середины XIX века согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона на сто тридцать дворов существовало двадцать лавок и четыре трактира. Уже по одному этому можно судить, каков был профиль села.

Что и говорить – торговать в Василеве любили. Самым любимым и всегда самым оживленным местом в селе был базар, а самым любимым днем недели – среда, базарный день. В любое время года в этот день на базарную площадь сходились не только жители слободы, но съезжались также крестьяне из многих окрестных деревень и сел со своими товарами.

Зимой из заволжских деревень привозили сюда на продажу дрова, сено, солому. Из Пучежа на базар приезжали крендельщики, из Городца – пряничники. Из Ковернина везли сюда кадки, долбленные корыта, сита и решета, крашенные коромысла, деревянную крашеную посуду, валяную обувь. Из деревень василевской округи привозили овощи, молочные продукты, сушеные грибы и мед, птицу и скотину. Шуму и гаму было хоть отбавляй. Те, кто продавал – хвалили товар, кто покупал-торговались, сбивали цену.

Но вот к двум часам базар разъезжался. Приезжие расторговавшиеся мужички шли в трактир попить чаю. В том случае, когда была распродана большая партия товара или совершена какая-то другая

¹³ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1967. Стр. 495-496.

серьезная сделка, шли распивать положенный в таких случаях магарыч. Но чаще всего крестьяне, продав товар, шли по магазинам и лавкам, чтобы на вырученные деньги купить какую-то необходимую вещь или провиант, какого в крестьянском хозяйстве не произведешь. Вот тогда-то к услугам почтенной публики и открывали свои двери все эти имевшиеся в селе двадцать магазинов и лавок. Они и были сосредоточены в основном вокруг базарной площади и по Большой улице, совсем рядом.

Здесь можно было купить мануфактуру – материал для пошива одежды, платья. Это сукно и шерсть различных сортов, сатин и ситец, атлас и бархат, батист и мадепалам и даже шелк.

В железно-скобяной лавке можно было приобрести косу-литовку, серп, весы-безмен, гвозди, стекло для керосиновой лампы, мастеровому человеку – необходимый инструмент, и еще множество всяких полезных и нужных вещей. Свой товар был в бакалейных и галантерейных лавках. В общем, все, чего изволите.

Владельцами магазинов были Голиковы, Мансуровы, Наумовы, Чуфарины, Сонины, Проскуряковы, Чубиряевы. Долгое время уже и при Советской власти по старой памяти их называли «Мансуровский магазин», «Сонинская лавка». У иных торговцев дело было поставлено на широкую ногу, они жили в добротных, не хуже купеческих, домах и имели отдельно стоящие каменные магазины. Двери магазинов были массивными, кованными и клепанными из толстого железа. Они надежно запирались на засовы с огромными, пудовыми замками. Такими же тяжелыми железными ставнями закрывались и запирались на ночь окна.

Торговцы средней руки жили в так называемых полукаменных домах. Верхняя часть дома была деревянной, в нижнем каменном этаже располагался магазин. К дому обыкновенно примыкал небольшой, но крепкий каменный склад. Несколько магазинов находилось и в той части села, что называлось Подлужьем. Там торговали Шапкины, Мотины.

Вокруг василевского базара, тесно прижавшись друг к другу стояли совсем уж маленькие лавочки и ларечки, которые должно быть не были учтены составителями словаря Брокгауза и Эфрона за их незначительностью. В этих ларечках торговали всякой мелочью отнюдь не зажиточные, а самые рядовые жители села. Торговали, если можно так сказать, «из любви к искусству». Торговля доставляла им не ахти какой барыш, а больше привлекала возможностью встре-

титься, пообщаться, поговорить с людьми.

Семья Михаила Степановича Каманина, отца известного художника, ютилась с четырьмя детьми в хиленьком домишке, стоявшем в Речном переулке. Однако у Ксении Петровны, матери семейства, была на базаре крошечная лавочка, где она торговала иглоками и булавками, нитками и пуговицами, наперстками и вязальными крючками, тесьмой и каймой. Разумеется, такой торговлей нельзя было обогатиться, нажить состояние. Ксения Петровна любила и умела рукодельничать, вышивать, торговля различными принадлежностями для шитья и вышивки давала ей возможность для общения с такими же, как она рукодельницами. Товар ей привозил муж, регент Вознесенской церкви, из поездок по Волге, куда он отправлялся ежегодно за новыми партитурами для церковного хора.

В более поздние времена в подобном ларечке торговал кожами замечательный мастер сапожного ремесла Александр Ефграфович Пискарев. За товаром он ездил в Богородск, и он, товар, всегда бывал у него отличного качества. По воспоминаниям старожилов торговцы старого Василева любили и знали свое дело, имели к нему прирожденный талант. Сообразительность и сметка сочетались обычно с живым и веселым нравом, с чувством юмора. Продавцы знали и употребляли в действие при работе с клиентами уйму прибауток, присказок и присловий.

А главное - они досконально знали тот ассортимент товара, с которым имели дело, умели показать товар лицом, рассказать и объяснить все его достоинства. В общем, и здесь нужна была своя сноровка!

Опытный торговец наметанным глазом видел каждого покупателя насквозь, но редкий решался облапошить простодушного, доверчивого простофилю-деревенщину.

Ведь если обманешь сегодня, завтра покупатель к тебе уж больше не придет, а пойдет в другую лавку. Да и недобрая слава поплывет по селу, обман себе дороже выйдет. Поэтому торговцы старались держать марку, дорожили честью «мундира», честью фамилии. К честному, порядочному и знающему дело торговцу как сами васильчане, так и приезжие крестьяне относились с уважением. С почтением относились и к самому этому занятию, понимая, что без торговли жизнь в селе и в округе была бы просто невозможна.

Добрые традиции торгового дела длительное время сохранялась в Василеве - Чкаловске и в советское время.

Плотники- судостроители

Надо думать, что уже первые поселенцы Василевой слободы имели и умели строить соответствующие тому времени суда,

без которых просто невозможна была жизнь на такой большой реке, какой была Волга. Суда нужны были для сообщения с внешним миром, а оно в то время возможно было в основном лишь водным путем. Суда нужны были для военных походов на поволжскую Болгарию, в которых неоднократно участвовали дружины Городецкого княжества, а следовательно и васильчане.

Летопись от 1366 года сохранила названия распространенных и бытовавших под Нижним Новгородом судов – кербаты, павоски, лоды, учаны, струги...

Кербаты, лоды-ушкуи – подобные типы небольших судов умели строить и в Василевой слободе, и в ее округе. Об этом можно судить и по названиям близлежащих деревень – Кербатово, Кораблево.

Наиболее типичными судами того времени были челны. Челн добился из одного крупного дерева, обычно из осины. Для увеличения грузоподъемности челна его борта сверху наращивались дополнительными досками. Такие суда назывались набойными.

Легкими, быстрыми на ходу были широко распространенные в IX – XIV веках лоды-ушкуи и струги. Струги строились длиной до 20 метров и более, вмещали до 50 пассажиров. Людей, ходивших на лодях-ушках, называли ушкунниками.

Все возраставшие торгово-экономические связи с низовым Поволжьем способствовали развитию различных ремесел и превраще-

нию их в промыслы не только в городах, но и в небольших селах, каким была Василева слобода. Жители слободы искони занимались, изготовлением глиняной посуды. Из ремесла, обеспечивавшего только внутренние потребности, гончарство постепенно превращалось в промысел. Нарботанная за зиму продукция – горшки, корчаги, плошки, кашники – по весне свозились в устье Санахты, где на большой воде стояли уже в ожидании груза паузки, дощаники, шитики. Сюда же крестьяне окрестных деревень привозили изделия своего зимнего труда, так называемый щепной товар, мелкие поделки из дерева.

Все это скупалось хозяевами судов и самосплавом отправлялось в низовые поволжские селенья. Обычно это были расположенные чуть ниже Нижнего Новгорода села Кстово, Великий Враг. Вся продукция продавалась прямо с судна. После распродажи товара продавались там же на слом и сами суда.

Паузки, дощаники, шитики это были наиболее распространенные и характерные для Василева суда. Все они были небольшими, плоскодонными, легкими на ходу, с палубой или полупалубой. Посреди судна нередко устанавливалась мачта для паруса из рогожи.

Шитик получил свое название из-за того, что доски его прошивались между собою распаренной вицей – длинными и тонкими прутьями лозняка, жгутами, скрученными из мочала, или тонкими можжевельновыми корешками. Стыки досок конопатились паклей, после чего обшивка смолилась. Над средней частью судна устанавливали крышу для защиты груза от непогоды. Был на судне и кубрик для команды. Возраставшие объемы промысла заставляли расширять ареал рынков сбыта, менялись размеры и конструкция судов с целью увеличения их грузоподъемности. Так появились на Волге барки – различные типы большегрузных, плоскодонных, но тоже сплавных судов. Они по-прежнему использовались только одну нижнюю путину по полой воде, а по распродаже товара шли в ломку. Поэтому-то они и не отличались особенным изяществом отделки, важна была лишь прочность судна.

При строительстве судна не употреблялось ни одного железного гвоздя, вообще ни одной железки, опять-таки для того, чтобы потом можно было легко его разобрать.

Доски пришивались к брускам набора, или выставки, деревянными дубовыми гвоздями – нагелями. Называли их и сколотнями. Концы нагелей расклинивались и расконопачивались.

Барки, строившиеся в разных местах бытования судостроительного промысла, имели свои конструктивные особенности. И назывались они соответственно именам тех речек, притоков Оки и Волги, или мест, где строились. Гусяны строились на реке Гусь (приток Оки), мокшаны на р. Мокше, унженки на Унже, суряги на Суре. Хорошо известными и распространенными на Волге были коломенки, тихвинки.

К началу XIX века Василева слобода также была довольно крупным центром деревянного судостроения. Об этом можно судить и по свидетельствам современников. Так, П.И. Мельников в 1846 году, говоря о постройке судов как исключительном занятии крестьян многих поволжских селений, выделяет Кубинцево, Городец, Василеву слободу, Балахну и жителей побережья Унжи¹⁴.

Еще ранее того географ Е. Зябловский отмечал, что из Василевой слободы ежегодно отправляется вниз по Волге до 16 барок с продукцией гончарства¹⁵. 16 барок – только лишь для сплава глиняной посуды.

Надо полагать, что у строителей были и другие заказы, и потребность в судах разного назначения с каждым годом все возрастала.

У Василевских судостроителей сложился свой тип сплавных большегрузных барок. Это были кокорные суда, при постройке которых использовались кокоры, их еще называли и копани.

Кокоры вырубались из нижней части дерева с откопанным вместе с ней и отходящим в сторону корнем. Где именно и как они использовались – увидим чуть позже.

Плотбище – место строительства судов – находилось в устье Санахты, и располагалось оно непосредственно у береговой линии. Суда строились зимой с тем расчетом, чтобы к половодью были готовы полностью.

Начиналось же строительство с заготовки леса. Его ронили за Волгой, на Унже-реке. Там лес спелый, сосна корабельная, деревья высокие, прямые. Деревья вязали в плоты и переплавляли через Волгу в Василево, а там выкатывали на берег.

Лесу надо было вылежаться, после чего его распиливали, а в старину, когда еще не было продольных пил, раскалывали клиньями на пластушины. Из них топором тесали доски, брусья. Заготовленный

¹⁴ П.И.Мельников. «Нижегородская ярмарка», Нижний Новгород, 1846 г.

¹⁵ Географический словарь Российского государства Максимовича и Щекотова. М., 1801. 4.1, Стр. 735.

материал складывали в бунты и клетки, где он ветрился и сушился, после чего уже и шел в дело.

Плотники-судостроители не только что чертежи – грамоту-то редкий знал. Вся опора в деле была на опыт, который копился поколениями и передавался, как всегда, от отца к сыну. Весь ход работы у артельного был в голове. У заказчика он спрашивал только общие размеры да требуемую грузоподъемность. Во всем остальном полагался на собственный ум, глаз и руку. При всех отличительных особенностях общий принцип и ход строительства большегрузной барки оставался одним. Порядок постройки такого судна замечательно рассказал В.И. Даль в своем «Толковом словаре». «При постройке наперед всего под обвод барки или расшивы ставят клетки, городки или губаши, обрубки, сложенные костром, клеткой, поперек на них кладут лежни, или клади, с подкладкою под концы их головников; на клади ложится вдоль барки лыжна, или матица, средний брус днища; затем плотят днище, швы которого называют заморками, и ставят боковые копани, приставляя к хвостам их по борту бабки и накурки; все это снаружи обносится рыбинами, а днище по ребру опоясывается уторами.

По окончании выставки, или набора, по бортам идет наводка, обшивка или ошва, толстый пояс которой по осадке, огрузке, называют бархот (взято с флотск.); против верхних поясьев ошвы, или регутов, снутри два клямсовые или подтельные пояса; на них поперек барки челбучинник, чеболки, а по самому борту сверху пятивершковые брусья, корги; против осадки снутри два пояса, нутреной бархот; на копани по днищу кладутся в три ряда 7-8-вершковые брусья, киретни или кирени, а на воротах (заворотах, погибах) два ряда 4-5-вершковых, это воротовые поясья. Борты снутри еще крепятся косовыми брусьями, они же реверсы и диагонали, накость от кромки борта до днища. Во всю длину барки посредине под палубу или крышу кладется конь, а с боков по одному подконьку, и настилается тесовая палуба, одинакая или с подметом, двойная; кони подперты подставками, стоящими на киренях. На плечах судна четыре кнека (флотск. кнехт), или бабки, и против них посредине такие же четыре ухвата попарно, для укрепы шеймы, каната; ближе к носу свешены соколины, отхожие места, будки; подле них, к середине, высунутые за борт, для подъема якоря, кобылы. Руль, кормило, если судно управляется не потесями, сплочивается из трех стоячих брусьев: ближайший к пню, дубовый, сапог, задние два – чертенята; сверху губа, флотс,

румпель, рычаг для управления.

Полозья, по которым судно слетает с клеток, слизки; клетки из под него выбиваются, когда подобьются под него подставки, из которых передняя, сокол, которая вся держит на себе упор, вышибается тараном и барсом. При закладке, когда кормовой и носовой пни поставлены, строитель кричит: «Молись Богу, православные!» При спуске молятся, когда берутся за барс; при выходе судна в путину, хозяин или водолив кричит: «С коня долой, православные (к борту), молись Богу!»

Баркой управляют потесями (бабайка, лопатина, слопец, навесь, юж. Стерно), кормовую, носовую, а иногда еще и боковыми (до четырех, по плечам); это огромные весла, с пальцами, рукоятками на вальке. Парус на барке, коли есть, один, нередко рогожный, иначе нет мачты. На простых барках нет и косовых брусьев».

Названия отдельных элементов корпуса судна в разных местностях могли быть своими, отличными от тех, которые привел Даль. Так, срединный брус днища, кроме матицы и лыжны, назывался еще и колодой; подпалубные поперечные брусья, что шли с борта на борт, где-то звали перешвами. На барках несколько иной конструкции вместо кормовых и носовых пней, устанавливали выпнутые брусья – упруги. Но это уже не так важно. Еще раз скажем, что В.И.Даль описал ход постройки барки очень большой грузоподъемности. По такому принципу строились беляны, которые вообще были самыми большими барками на Волге.

Свое название они получили от реки Белой. Длина их достигала 100 метров, ширина – 25, высота – 5 метров. Грузоподъемность такой барки достигла до 10 тысяч тонн. Эти суда использовались для сплава леса из мест его разработки. Бревна укладывались на палубу барки в штабеля особым образом, и габариты клады выступали за борта и без того широкого судна. Наверху беляны, поверх клады, с правого и с левого борта было установлено по казенке с переходным между ними мостиком. Одна казенка предназначалась для начальства – приказчика, лоцмана, водолива, другая для команды.

Провести безбедно такую огромную махину можно было только весной по самой полной воде и с лоцманом безукоризненно знающим фарватер Волги. Беляны сплавлялись в основном до Царицына (Волгоград), где лес-полуфабрикат разбирался – что-то шло на лесопильные заводы, что-то на дрова. Разбиралась и сама беляна, пригодные брусья и доски шли в дело, остальные также на дрова.

Беляны были широко распространены на Волге в 1860-70-е годы. За весеннюю путину их сплавлялось в низовья до 500 штук.

Строились и загружались беляны вблизи тех побережных селений, где шла заготовка леса. Преданья старины рассказывают о том, что еще и в XVIII веке около Василевой слободы на много верст вверх и вниз по Волге простирался девственный, непроходимый лес, подходивший прямо к берегу реки. Поскольку от этого леса остались одни преданья, надо полагать, что и в наших местах была построена, погружена и отправлена в низовья не одна сотня белян.

Отправить груз в низовья Волги самосплавом, и возвратиться домой сухим путем, конечно же, было делом более простым и легким, чем обратное – перевезти какой-либо груз вверх по течению. Для этого требовалась и рабочая тяговая сила, и судно более прочное.

С низовьев Волги в верховые города и села везли разные товары и грузы, и все-таки наиболее распространенными и наиболее выгодными являлись перевозки хлеба. Судостроителям пришлось приспособить конструкцию барок именно к таким перевозкам. Погрузка и выгрузка зерна не должны были вызывать затруднений. Нужно было также обеспечить сохранность зерна от подмокания.

Менялись и обводы корпуса судна. Плоское днище сделать проще, но от него стали отказываться и делать корпус ложкообразной формы. Опыт показал, что такие плавные обводы делают судно более легким на ходу, в этом случае оно не тащило за собой волну. При одной и той же грузоподъемности барка с такой формой обводов требовала меньшей рабочей силы для ее транспортировки.

Поскольку судно предназначалось для использования в течение ряда лет, то стали предъявляться требования и к его эстетическому виду и к художественному оформлению.

Все эти эволюционные изменения вызвали к жизни то совершеннейшее поволжское судно, каким была расшива.

Писатель-этнограф С. Максимов в 1873 году об этих судах писал так: «...уже за Балахной начинают строить любимые волжские суда – расшивы, расписные и размалеванные, по носу и корме разукрашенные разными чудовищами. Строят их зимой, а весной продают хлебным торговцам. Против Городца целые деревни занимаются постройкой этих судов ... от 8 до 12 четвертей в осадке, от 8 до 24 сажен длины, с казенкою (лоцманской каютой) на корме, с одной мурьей для укрытия от непогоды рабочих и с двумя мурьями по обоим сто-

ронам судна для груза»¹⁶.

К деревням «против Городца», неназванным С. Максимовым, относилась прежде всего деревня Юг (сейчас исчезла в связи с образованием Горьковского водохранилища). Местные крестьяне долгое время славилась как замечательные судостроители.

Поскольку Василева слобода к середине XIX века была крупным центром хлеботорговли, местные судостроители также не могли не строить подобные суда для василевского купечества. До появления на Волге пароходов, то есть до 1860-70-х годов, расшивы были самым распространенным типом судов.

В 1846 году их насчитывалось до тысячи, через двадцать лет - 50. (К концу века воспоминания о расшивах остались лишь в памяти речников).

Что же представлял из себя этот тип барочных судов? Длина расшивы колебалась от 16 до 50 метров, ширина от 6 до 10 метров. Грузоподъемность достигала 20 тысяч пудов. Это было парусное судно. Парус изготовлялся из качественного холста. Ширина паруса равнялась длине судна, поэтому мачта для него делалась очень мощной – она была высотой 25-30 метров и состояла из 6-7 деревьев. И хотя против течения расшива передвигалась бурлаками, если дул попутный ветер, то в помощь им выставлялся парус.

Отличие расшив от других барок состояло и в их богатом убранстве. Судостроители словно бы старались перещеголять друг друга, работая над узорочьем отделки судна. Корма и бортовые доски, так называемый красный пояс, что шел выше палубы, были украшены глухой, рельефной резьбой. Обычно это была ветвь аканта, вложенная в руку «фараонки», сказочного существа – полудевы-полурыбы.

Резчики любили подшутить над этою девою – снабжали ее пышным бюстом, на голову иногда нахлобучивали поярковую шляпу, а во рту она держала бурлацкую трубочку. Иногда ветвь аканта вилась волнами из-под лапы добродушно улыбавшегося льва, иногда ее держала искусно вырезанная человеческая рука. Доски красного пояса красились маляром одна в красный, другая в белый, третья в зеленый цвет. Раскрашивалась и сама резьба. В узор резьбы включались надписи вроде такой: «Бог – моя надежда», или вырезалась дата изготовления судна, имя хозяина судна или имя автора резьбы. На корме расшивы ставилась балюстрада из точеных балясин. Лоцман-

¹⁶ С.Максимов. «Куль хлеба и его похождения», СПб, 1873.

ская казенка также была обильно украшена резьбой – наличники окон, стены, карнизы домика наряжались в затейливое узорочье.

На клотике огромной мачты ставился флюгер с изображением Георгия Победоносца, или же это было вырезанное из жести и блестящее позолотой солнце с человеческой личиной. Паруса, длинные ленты флагов – и это все тоже расписывалось художниками-малярами. Народный вкус и представления о прекрасном находили применение и воплощение в этих иногда совершенно загадочных, фантастических сюжетах росписи.

Замечательные поволжские суда привлекали внимание и стали «героями» картин многих художников XIX века. Все изобилие и разнообразие ходивших в 1830-е годы судов запечатлели в своих многочисленных рисунках и пейзажах братья Чернецовы. В 1860-е годы на Волге плодотворно работал Алексей Петрович Боголюбов и также оставил немало свидетельств красоты и живописности бытовавших в то время судов.

Итогом поездки по Волге Федора Александровича Васильева и Ильи Ефимовича Репина стали их знаменитые картины «Вид на Волге. Барки» и «Бурлаки на Волге», в них тоже запечатлены расписные расшивы. Наконец, в 1895 году И.И. Левитан в картине «Свежий ветер. Волга» изобразил караван барок-расшив, который уже ведут не бурлаки, а пароход-буксир.

Немало акварельных зарисовок всевозможных паузков, дощаников, шитиков, барок оставил в многочисленных альбомчиках и наш василевский провинциальный художник Владимир Иванович Чупрунов. В 1900-х годах он работал в местном затоне мастером кузнечного участка, а на досуге рисовал все, что казалось ему примечательным.

Поскольку затон все-таки был ближе всего, вот и появлялись на листах альбомов чаще всего пароходы, баржи, дебаркадеры и вот эти старинные барки, которые стояли на зимнем отстое в затоне, а летом использовались купцами-пароходчиками, как баржи – подчалки к пароходам. На рисунках Чупрунова с документальной точностью запечатлен декор барок – резьба и роспись кормовой части, бортовых досок – красного пояса. Сохранилось также много эскизов с дотошными обмерами всех элементов конструкции этих деревянных судов.

По эскизам можно составить представление о большом разнообразии бытовавших в то время судов барочного типа. Утверждать, что все они сделаны Василевскими судостроителями, было бы опрометчиво, но то, что какая-то часть из них местного производства, это несомненно. На одном из эскизов даже и помечено: «Барказ, 8

апр.95г. Груз 5000, цена 405 р. На Волге в Матренине, хлеб»¹⁷. А вообще в числе зимовавших в затоне деревянных судов были весьма и весьма экзотические. Каким-то образом сюда попала морская шкуна, огромные баржи для перевоза арестантов и переселенцев, старинные барки – унжак, тихвинка.

Деревянное судостроение с исчезновением надобности в сплавных барках, должно быть, и у нас, в Василеве, прекратило бы свое существование, как и во многих местах этого промысла. Но вот в 1883 году здесь появился затон для отстоя, ремонта и строительства судов технического флота.

Там-то и пригодились руки и опыт плотников-судостроителей.

Ведь в затоне кроме землечерпательниц и землесосов строили в комплект к ним брандвахты, лодки -завозни. Много в затоне, а потом и на заводе им. Ульянова (Ленина), было заказов на строительство дебаркадеров, барж различного назначения.

Одно время за Волгой в Рахмановском затоне был даже своеобразный филиал завода, где только и занимались деревянным судостроением. Конечно, там уж строилось все по чертежам, и терминология в наименованиях элементов набора была «ученой». Однако принцип и ход строительства оставался все тем же, как и у дедов, и прадедов, как их описывал всезнающий и мудрый В.И. Даль. В наши времена профиль и производственная программа у Чкаловской судовой верфи изменились. Деревянным судостроением там даже и не пахнет.

И может так случиться, что лет через 5-10, живя у большой воды, у Горьковского водохранилища, никто уже не сумеет смастерить даже и обыкновенной лодки. Ведь сейчас у рыбаков в ходу лодки все больше дюралевые да резиновые.

¹⁷ Матренино – деревня на берегу Волги чуть ниже Василева

В старом затоне

В 1883 году в Василеве появились казенные механические мастерские по ремонту и отстою судов

технического дноуглубительного флота. Это было государственное предприятие, о чем говорит само название – «казенные».

Появление мастерских оказало очень сильное влияние на весь патриархальный уклад жизни купеческой, торгово-ремесленной слободы. Там, в мастерских, складывались и утверждались свои отношения между людьми, своя атмосфера жизни и труда. Вот этой стороны и хотелось бы коснуться прежде всего.

К середине XIX века радением купцов-промышленников с берегов Волги почти повсеместно была снята густая зеленая шуба лесов, и великая река стала катастрофически мелеть. Во многих местах, особенно на перекатах, глубина была не более метра. В 1860-70 годах по Волге ходило уже свыше 200 пароходов, однако продвижение их было крайне затруднительно. Возникла необходимость незамедлительного проведения дноуглубительных работ. В начале 1860-х годов Министерство путей сообщения закупило в Бельгии и Голландии первые четыре землечерпательные машины. Их зимний ремонт и отстой, а также приписанных к ним пароходов, шаланд, барж около двадцати лет проводился в Собчинском затоне, находившемся на левом берегу Волги верстах в десяти ниже Нижнего Новгорода. Однако, в этом затоне год от года судам становилось все теснее. Для ремонта судов технического флота необходим был отдельный затон с оборудованными механическими мастерскими.

Изыскать подходящее место для таких мастерских Казанский

округ путей сообщения поручил начальнику дноуглубительных работ средней Волги Рихарду Карловичу Мазингу. Обследовав весной 1882 года плес среднего течения реки, Рихард Карлович остановил свой выбор на Василевском затоне.

Действительный статский советник Р.К.Мазинг был немцем лютеранского вероисповедания, однако русские порядки знал. Прежде, чем принять окончательное решение, он созвал на совет василевское купечество и духовенство, рассказал им о своих намерениях. И купцы, и священники согласно закивали бородами – дело благое. После этого Мазинг написал рапорт на имя начальника Казанского округа путей сообщения с предложением строить мастерские в Василевском затоне. Пока его рапорт продвигался по инстанциям, Рихард Карлович собственноручно подготовил всю необходимую проектно-сметную документацию, чертежи и планы.

Решение о создании мастерских в Василеве окончательно было утверждено в Министерстве путей сообщения в январе 1883 года, а летом того же года началось их строительство. Прежде всего необходимо было выполнить большой объем земляных работ.

Матерый берег затона был довольно крутым и поросшим деревьями. Нижнюю часть горы на расстоянии чуть ли не с километр пришлось освобождать от деревьев и спланировать, врезаясь в гору, для того, чтобы создать горизонтальную площадку для размещения цехов. Такая работа даже при использовании экскаваторов и бульдозеров заняла бы порядочно времени.

Землекопы, крестьяне из окрестных деревень, работали от темна до темна. Даже их двужилые руки и спины разламывались от усталости. Однако работа оплачивалась хорошо, и мужики орудовали то пилою, то топором, то лопатой, то киркой, не жалея себя.

Но вот в затон, к расчищенной площадке стали подходить баржи со строительными материалами и кое-каким оборудованием для цехов.

Все это выгружалось и вытаскивалось на берег вручную на тачках, на «козах», волоком по деревянным склизам. В августе приступили к строительству цехов. Всем строительством руководили два человека – инженер-механик поручик Иванов и десятник Петров. Застучали топоры, завизжали пилы. Плотники в сермяжной крестьянской одежде, в лаптях тесали балки и стропила, строгаали доски и брусья.

И вот уже одно за другим, желтея светлыми бревнами и тесом, стали вырастать здания цехов, кочегарки, склада.

Первоначально все цеха в затоне были деревянными. Через год

для котлов и паровой машины был выстроен кирпичный корпус с кирпичной же дымовой трубой. Эта труба простояла полвека. А пока и котельная была деревянной с металлической трубой. От паровой машины до механического цеха была сооружена металлическая эстакада, а на ней установлена трансмиссия для вращения станков. Р.К.Мазинг – а именно его и назначили первым начальником Василевских казенных мастерских – торопился со строительством, торопился успеть подготовиться к приему судов на первую зимовку.

И вот, наконец, в один из осенних дней 1883 года в 6 часов утра привычный затонский гудок в первый раз позвал людей в мастерские.

Затонский гудок! Около 80-ти лет он, как метроном, ежедневно отсчитывал часы и дни жизни и труда не только рабочих затона, не только жителей Василева, но и всей округи на несколько верст окрест. Гудок будил людей, приказывал приступить к работе, отправлял на обед и к вечеру отпускал на отдых. Это был самый первый и строгий организатор производства. Попробуй, опоздай хоть на минуту!

Мощный, тугой бас гудка было слышно не только в Катунках, не только в Городце, но даже в Ковернине, находившемся от Василева верстах в пятидесяти. На его звук выходил заблудившийся в лесу грибник, выплывал на лодке рыбак, или любой другой человек, которого на Волге внезапно застиг туман. Наконец, всем людям – в лесу ли, на реке или в поле – гудок сообщал время дня, часы в те годы имелись далеко не у каждого. Пришедшие по зову гудка рабочие или, как тогда их называли, работные, в основном были крестьяне окрестных деревень.

Василевский люд в первые годы опасался бросить привычное знакомое ремесло ради сезонного заработка. Деревенским же жителям это было как раз на руку, поздней осенью заканчивались все работы в поле и в усаде, а работа в затоне была хорошим подспорьем. Рабочих в первые годы было немного, 50 – 60 человек. Из них 4 – 5 кузнецов, 3 станочника-токаря, человек 10 столяров и плотников, 10-12 котельщиков, 20-30 разнорабочих. В Василеве и округе было достаточно плотников, знакомых с деревянным судостроением, в слесари нанимались члены судовых команд купеческих и путейских пароходов. Из Пуреха на зиму перебирались несколько опытных литейщиков и кузнецов. Котельщики осваивали профессию по ходу дела. Разнорабочим особых знаний не требовалось.

В первые годы рабочий день в мастерских продолжался с 6-ти

утра до 7-ми вечера с полуторачасовым перерывом на обед. Те, кто жил в Василеве и ближайших деревнях – Взманово, Кербатово, Липовская, Баклово – ходили обедать домой. Но были и такие, кто жил от затона верстах в пяти-семи, они обед приносили с собой. Обычно, это были бутылка молока, вареная картошка, либо пареная свекла, репа, редко – каша, еще реже – мясо. Если нужно было вскипятить чай, шли в кузницу и кипятили его на горне, там же разогревали и обед.

Столовая в затоне появилась лишь в 1926 году. Сейчас трудно даже представить себе условия труда затонских рабочих. В неотапливаемых цехах, при свете керосиновых фонарей «летучая мышь», а зачастую и вовсе под открытым небом работали по 12 часов в сутки. Рано утром, в холод и темень, надо было за несколько километров идти на работу, в холод и темень возвращаться поздно вечером домой. Поужинав, ложились спать, позавтракав, опять шли на работу. И так изо дня в день. Оплата труда во всех цехах была поденной, ее уровень определяли мастер и подрядчик. Всех выше ценился труд квалифицированных токарей, они получали по два рубля в день. Слесарь получал 1руб. 60 коп. – 1руб.75коп., кузнец – 1руб. – 1руб.20коп., котельщик – 1руб. 50 коп., плотник – 1 руб.40 коп., подручные и разнобочие – по 50 - 60 коп., подросток-ученик – 25 коп.

Эту оплату и сравнить трудно с заработком деревенского кустика, зарабатывавшего 10 – 40 копеек в день. Поэтому работой в затоне дорожили. Поэтому начальству не дерзили и вообще много не болтали. Каждый свою работу старался выполнить как можно лучше. А если кто-то все-таки распускал язык или работал шалаяй-валяй, мастер или подрядчик поманит пальцем, скажет: «Получи расчет и больше не приходи». А это означало обречь семью на житье впроголодь.

В мастерских имелось техническое бюро, его работники определяли объем и стоимость тех или иных работ. Документацию и сметы передавали мастерам или подрядчикам. Соответственно объему работ нанималась рабочая сила.

Токари, слесари, кузнецы, медники, жестянщики работали под руководством механика Николая Ивановича Суханова и мастера Ивана Ивановича Славина. Котельные работы в первые годы выполнялись подрядчиком Тихомировым Вассианом Марковичем. Сам он на службе в мастерских не состоял, он просто брал у руководства затона подряды на выполнение различных работ, сам покупал и при-

возил в затон необходимый материал, сам нанимал рабочих, сам с ними расплачивался. Сколько оставалось барышей в кармане Вассиана Марковича никому ведомо не было. В предъявляемых счетах и других официальных документах он именовал себя «почетным гражданином». Среди рабочих же он был царь и бог.

А работы, даже в начальные годы существования мастерских выполнялись весьма ответственные. В 1885 году в затон ставится на капитально-восстановительный ремонт пароход «Сызрань». Для него склепали новый корпус и два новых котла. Фактически был сделан новый пароход. И это при том, что в мастерских не было никаких станков и никакого оборудования для производства котельных работ. Котельный цех представлял собой всего лишь крытый навес от снега и ветра.

Резка листовой стали, проколка отверстий под заклепки, гибка листов, клепка - все делалось вручную. И это при том, что рабочие – котельщики не то, что чертежи читать, вообще читать редко кто мог. Инженерно-техническим работникам, чтобы доступно объяснить то, что требуется сделать, приходилось из картона вырезать шаблоны, делать макеты тех или иных конструкций. Сами же рабочие операции - резка, клепка - выполнялись очень качественно.

В таких, казалось бы, совершенно невозможных, неприемлемых условиях в 1888 году по проекту Р.К.Мазинга был заложен строительством, а на следующий год построен и сдан в эксплуатацию первый в России дноуглубительный земснаряд «Волга», впоследствии «Волжский – 12».

Удивительным человеком был Рихард Карлович Мазинг! Ведь кроме большого объема инженерно-технических расчетов, нужна была немалая смелость, чтобы решиться на строительство столь сложного сооружения в столь примитивных условиях! Однако с поставленной задачей Василевские мастерские, а в общем-то, рабочие, справились успешно.

Земснаряд был сделан так надежно, что работал без капитального ремонта целых 40 лет!

Работу мастерских осложняло то обстоятельство, что в затоне не было ни эллинга, ни слипа для подъема судов и для спуска их на воду. При строительстве и ремонте судов, когда нужно было освободить корпус из воды, использовалась только сезонная разница уровня воды в Волге. При необходимости ремонта корпуса судно весной или осенью при большой воде ставили и раскрепляли над ровной

площадкой, подводили под него клетки, а при убыли воды судно стояло на сухом месте на клетках. Тот же принцип использовался при строительстве нового судна. Корпус его закладывали на стапеле в начале зимы с тем, чтобы закончить строительство к половодью, к большой воде. В это время из-под него выбивали клетки, и оно оказывалось на плаву. Все это создавало большие неудобства. И вот в 1889 году Р.К.Мазинг задумал построить эллинг, устройство для подъема и спуска судов на воду. Как и всегда, собственноручно сделал проект эллинга с ручными шпильями системы «Бетанкур», и в том же 1889 году приступили к его строительству. Для того, чтобы выполнять строительные работы в подводной части, затон в двух местах перегородили стенками из шпунтовых свай. Воду из образовавшейся выгородки откачали насосом Базена. Сваи для устройства эллинга забивали с помощью ручного копра. К сваям прикрепляли наклонно идущие в гору, вверх, дубовые склизы.

Через год эллинг был построен. Его берегли, весной по береговой линии около него окалывали лед, чтобы при подъеме воды льдом не оторвало склизы от свай.

Летом на территории эллинга тщательно выпалывали траву. Чтобы предотвратить повреждения склизов корпусом судна, при его подъеме под днище подводили бревна и раскрепляли их тросами, сами же склизы смазывали салом. Подъем землесоса на верхнюю часть эллинга длился 5-6 дней, у шпильей стояли 80-120 человек.

Сейчас на слипе эту работу выполняют 6 человек в течение 5-6 часов.

Эллинг верой и правдой служил много лет. Хорошую память о себе оставил управляющий мастерскими Р.К.Мазинг!

В 1891 году Мазинг передал дела по руководству затоном Евстафию Евграфовичу Радзишевскому. Это был грамотный инженер, окончивший Петербургский институт путей сообщения. Мастерские тем временем продолжали расширяться, год от года рос в затоне объем выполняемых работ. Для выполнения наиболее ответственных работ в затон командировали рабочих с Сормовского судостроительного завода. В начале 1890-х годов на этом заводе произошло большое сокращение штатов, и ряд квалифицированных рабочих из Сормова перебрались в Василево. В их числе были замечательные токари-умельцы Александр Васильевич Кадников, Дмитрий Николаевич Горнов. Они работой были загружены круглогодично. А.В. Кадников на своем станке проработал 40 лет! В 1894 году в Васи-

лево перебрался и сормовский котельщик П.Г. Чкалов, отец знаменитого нашего земляка летчика. В затоне золотые руки Павла Григорьевича ценились очень высоко. Он выполнял самые ответственные работы по изготовлению паровых котлов, слава о его мастерстве шла чуть ли не по всей Волге.

В памяти современников сохранился такой случай. В 1896 году на пароходе «Межень» справлялась по Волге в Нижний Новгород на открытие Всероссийской промышленно-экономической и художественной выставки английская делегация. В пути прогорел котел, и пароход встал в Пучеже на прикол. По распоряжению начальства Павел Григорьевич отправился туда, чтобы осмотреть котел. Осмотрев, сказал, что делегации пересаживаться на другой пароход не нужно, заверил, что пароход успеет прибыть в Нижний Новгород к открытию выставки, и в короткий срок починил котел.

Когда ремонт был закончен, представители английской делегации попросили познакомить их с тем инженером, который нашел столь быстрое техническое решение ремонта. Они были очень удивлены, когда узнали, что все самостоятельно сделал один простой рабочий-котельщик.

Павел Григорьевич по приезде в Василево был безграмотным человеком, уже в почтенном возрасте самостоятельно научился читать и более менее сносно писать. Однако от природы наделенный цепким умом и деловой хваткой, в начале 1900-х годов он выбился в подрядчики котельных работ, а потом стал заниматься судовым промыслом, стал пароходчиком.

Через полтора десятка лет, в 1918 году, П.Г. Чкалов вновь взялся за знакомое ремесло, опять стал котельщиком. В это время несколько месяцев подручным у Павла Григорьевича работал его младший сын Валерий, впоследствии прославленный летчик-герой.

В 1920-е, 1930-е годы в Василевском затоне в должности инженера-конструктора работал второй сын П.Г. Чкалова, Алексей Павлович. И только неблагоприятные семейные обстоятельства заставили его перебраться в Сормово, там, на судостроительном заводе, он и работал всю остальную трудовую жизнь.

Долгие годы, с начала основания мастерских, подрядчиком на малярных работах был Прокопий Никитич Честкин. При своем доме он имел бакалейную лавку, где работавшие у него люди могли брать продукты под запись. Любовь к малярному делу П.Н. Честкин передал и своим детям. Один из его сыновей, Василий Прокопьевич, стал

мастером малярных работ, заменив на этом поприще отца. Сам же Прокопий Никитич свой трудовой путь завершил в 1924 году, отдав заводу 41 год жизни. Живою легендой завода был второй сын Прокопия Никитича Честкина – Трофим Прокопьевич. Тринадцатилетним пареньком в 1896 году пришел он в малярный цех «под руку» к многоопытному отцу, а покинул завод только лишь 60 лет спустя. «Профессор» малярного дела, маляр-живописец, он выполнял художественные работы по написанию и подновлению названий судов, а также государственной и речной эмблематики на корпусах пароходов.

Любовь к краске и искусству передавалась из поколения в поколение. Сын Трофима Прокопьевич, Борис, в конце 1930-х годов окончил Ярославское художественное училище, вернулся в Василево, учительствовал в с. Сицком. В свободное от основной работы время, они вместе с отцом выполняли различные оформительские работы в родном поселке. Вывески, праздничные оформления учреждений – все это было их рук дело. Они расписали даже интерьер Василевского ресторана – в овальных медальонах изобразили сюжеты различных времен года...

Борис Трофимович погиб в годы Великой Отечественной войны.

Вернемся, однако, в те времена, о которых речь шла выше, то есть к началу 1900-х годов. Именно в эти годы в Василевском затоне появился мастер-подрядчик деревообделочных работ Петр Леонтьевич Ку克林. Это был человек весьма импозантной наружности. Если посмотреть на его фотографии тех лет и не знать, что за субъект на них запечатлен, очень легко его можно принять за артиста, какого-нибудь певца-баса Большого театра.

В 1907 году в затоне велись деревообделочные работы на знаменитых путевских пароходах «Стрежень» и «Межень». Это были разъездные пароходы для высокого начальства, их готовили также к юбилею 300-летия дома Романовых, поэтому отделочным работам уделялось повышенное внимание.

Вот тогда-то и объявился в Василеве Петр Леонтьевич Ку克林. Он привез из Москвы материал для отделки кают, древесину ценных пород, а также мебель и другую обстановку.

Опытный столяр-краснодеревщик, он сам руководил отделочными работами. А потом так и остался в Василеве навовсе, по душе, видимо, пришлось ему это тихое, уютное волжское село. Со временем поставил дом, женился.

При доме была небольшая столярная мастерская, где Петр Леонтьевич занимался любимым делом для души. И правильно делал. Не потеряв навыков и вкуса к работе, он после революции, вплоть до 1929 года работал в затоне рядовым – да нет, не рядовым, конечно! – а высококвалифицированным столяром-краснодеревщиком.

Любовь к дереву и столярному ремеслу он передал и приемному сыну Евгению, и когда он, Евгений Михайлович Боев, волей судеб стал первым директором музея В.П.Чкалова, приобретенное в юности мастерство ему пригодилось и пришлось как нельзя кстати. Многое из музейного оборудования он делал своими руками. Да как делал! И по сей день нельзя без восхищения смотреть на эту поистине ювелирную работу.

Е.М. Боеву по наследству достался дом отчима вместе с мастерской и замечательным «куклинским» инструментом.

Родной сын П.Л. Кукулина, Николай, погиб во время Великой Отечественной войны.

Дочь, Вероника Петровна, несколько лет работала в завкоме профсоюза завода им. Ульянова /Ленина/, потом была переведена на ответственную должность в ЦК профсоюза работников водного транспорта.

О повадках и нраве мастера – подрядчика П.Л. Кукулина автору этих строк рассказывал один из старейших работников завода, в прошлом сам мастер деревообделочного цеха Николай Степанович Козлов со слов своего отца.

«Петр Леонтьевич зимой ходил в мягких белых валенках. Хоть и был маленько грузный, а походка у него была легкая, неслышная. И куда бы ни шел – в руках линейка-аршин. Вот отец работает, а шурупы вместо того, чтобы отверткой закручивать, для быстроты дела молотком в дерево вгоняет. Кукулин тихо, незаметно подойдет сзади, да аршином по заливке: «Степка, ты что, по почте шурупы посылаешь? В другой раз увижу – смотри у меня!»

Идет Кукулин по берегу затона. Видит – мужики-плотники сидят, курят на нераспиленных еще бревнах-кругляках. Кто-то топор в лесину всадил. «Что ты, брат, топор-то в дерево всадил? Ведь это тебе не дрова, ведь потом гнить тут дерево-то будет!» Возьмет да и забросит топор в воду.

Если кто-то из работников чем-либо бывал недоволен и осмеливался возражать или оспаривать распоряжение, такому говорил: «Поди-ка, братец, в Гору. Погуляй с недельку. Если одумаешься –

приходи, а нет – так дома и оставайся». «В Гору», поскольку затон был внизу, под горой, означало «иди домой». А просидеть дома неделю без зарплаты – это было хорошим уроком для того, кто был слишком разговорчив.

Примерно такими же методами воспитательного воздействия пользовались и другие мастера.

Принимая на работу нового человека, Куклин всегда давал одно и то же задание: насадить топор. По тому, насколько тщательно и аккуратно было вытесано топорщице, делал вывод: тем ли концом вставлены руки у этого человека, любит ли он дерево и соответственно этому, присваивал разряд».

Подрядчиком котельных работ, как уже говорилось выше, много лет был В.М.Тихомиров. Его в самом начале 1900-х годов сменил П.Г. Чкалов, но он в этой ипостаси состоял недолго – года три, четыре.

И вот с 1904 года мастером-подрядчиком котельного цеха стал Лазарь Евграфович Бакловский. Дело знал, был сметлив и энергичен, однако же и крутого нрава был этот человек.

Когда возникала ситуация, требовавшая срочности выполнения работ, ставил перед рабочими весьма жесткие условия. Фамилия у Лазаря Евграфовича изначально была другая, но она казалась ему неблагозвучной.

И вот он, поскольку жил в деревне Баклово, переделал ее и стал Бакловским. Из своей же деревни да еще из соседней Липовской насобирав мужиков для выполнения заказов на котельные работы. Поэтому не только в затоне, но и в деревне, он чувствовал себя полноправным хозяином. Жители Баклова до революции были крестьянами, у всех были наделы земли по 50 соток, на этих полосах сами для себя сеяли хлеб. Вот вызреет хлебушек, и бабы со всей деревни в первую очередь отправляются его жать к Лазарю Евграфовичу, а то, что свой в это время перезревает да на землю высыпается, это его не касается.

Так-то вот и во всех делах. И уж поперек слова не скажи, если не хочешь нажить беды.

Его все «Дедушкой» звали. И вот почему. В цеху работали ученики-подростки. Подносить клепальщикам нагретые на горне заклепки ребята шли лет с десяти, получая за это копеек 20-30 в день.

Сурового, бородатого мастера Лазаря Евграфовича эти чумазы парнишки называли дедушкой. Вот так и пошло – Дедушка да Дедушка. И все другие стали звать его Дедушкой.

Его старшие сыновья, Анатолий и Василий, получили специальное техническое образование. Когда Анатолий обзавелся семьей, Лазарь Евграфович отдал ему свой дом, а себе выстроил новый, большой и добротный, ничуть не хуже, а лучше даже, чем у своего предшественника П.Г. Чкалова.

Когда женился второй сын, Василий, и ему поставил просторный, замечательный дом в шесть окошек налицо.

Не удивительно, что когда пришла советская власть, новые порядки Дедушке были поперек печени. В год, когда в стране царил хлебница, Дедушка стал выражать свое недовольство публично. Ну, и довыражался. Как-то ночью пришли к нему домой двое крепких мужичков из органов. Стучат. Открыл Дедушка калитку:

– Чего вам, робяты?

– Давай собирайся, Дедушка.

– Это еще куда?

– Сам знаешь куда.

– Да вы что, робяты? У меня в затоне пароход стоит недоделанной.

– Э, Дедушка! До тебя делали пароходы, и после тебя будут делать. Давай, родной, собирайся. Нам некогда с тобой рассусоливать.

И увели Дедушку. И не видели его больше в Баклове. А и ребята то были из тех, кто раньше под его началом в затоне кувалдой стучали. После под видом обыска много ценных вещей унесли из дома. Заодно уж забрали и сына его Анатолия Лазаревича, который в то время работал начальником котельного цеха. И тоже в доме почистили, золотые сережки, да венчалые кольца и те умыкнули.

Такое было времечко.

Василия Лазаревича не тронули, он в затоне работал в конструкторском бюро и конструктором был очень толковым. Да и Анатолия Лазаревича в послевоенные годы по ходатайству одного из сыновей еще в сталинские времена реабилитировали. Забрали его совсем ни за что, ни про что. Реабилитировали, а что толку? Человека на свете уж не было...

На работу в мастерские не так-то легко было поступить, а еще труднее было получить хорошую рабочую специальность, стать квалифицированным токарем, слесарем, котельщиком. Трудовой путь всех рабочих затона начинался одинаково. Подрастало в семье чадо, после окончания начальной школы ему надо было куда-то определяться. И вот родители паренька шли с поклоном к кому-то из за-

тонских мастеров, потом к священнику Воскресенской церкви отцу Николаю с просьбой определить паренька учеником в мастерские. Шли не с пустыми руками. Чтобы дело получилось верней, несли то ли баранью ногу, то ли свиной окорок. Чем «смазка» была жирней, тем и надежды на успех было больше.

Принятого паренька вначале ставили на какие-нибудь черновые, подсобные работы, в течение полугода ему никаких денежных выплат не полагалось.

После этого его ставили «под руку» к одному из опытных рабочих, к мастеру, платили по 20 – 30 копеек в день.

В дальнейшем судьба паренька зависела от его прилежания к делу, от того, как складывались отношения между ним и мастером. Сметливые да неленивые осваивали профессию быстро и вскоре самостоятельно вставали к станку, к верстаку.

Однако вначале надо было пройти своеобразные испытания. Один из старейших работников завода Владимир Федорович Шульпин вспоминал об этом так: «Если ученик бывал небрежен, невнимателен, поступали следующим образом. Мастер говорит ученику: «Знаешь Кузьму Алексеевича?» – «Знаю». – «Сходи к нему и попроси совок и выколотку». Парнишка идет к Кузьме Алексеевичу и, ничего не подозревая, просит совок и выколотку. Кузьма Алексеевич Чуфарин, один из лучших слесарей затона, выслушав просьбу мальчика, снимает с него шапку и говорит: «На, держи и повернись ко мне спиной». После этого он большим пальцем руки по затылку снизу вверх делает резкое движение – «Вот тебе совок», и потом по макушке ладонью, легонько, но все же довольно ощутимо – «А это тебе выколотка».

К Кузьме Алексеевичу посылали не зря, у него было прозвище Медведь, и он комплекцией своей вполне соответствовал этому прозвищу. Посмеиваясь, Кузьма отсылал мальчика. Но тот уж на всю жизнь запомнит, как его поучили за небрежность или за леность.

В кузнечном и котельном цехах было принято своеобразное крещение всех вновь поступивших. Кузнец из тех, кто помоложе да позорнистей, брал куль из-под древесного угля, мочил его в кадке с водой и с кем-нибудь вдвоем подкарауливали новичка. Подкараулив, быстро набрасывали мокрый куль на голову до самого пояса.

Кому может быть приятна такая процедура, но если «крещенный» умел все это превратить в шутку и не обижался, то становился своим, быстро приживался в цехе.

В 1901 году Евстафия Евграфовича Радзишевского на посту управ-

ляющего затоном сменил Николай Федорович Юргенсон. Каждый год в затоне проводились работы по совершенствованию производства, строились новые цеха, капитально реконструировались и переоборудовались старые.

Одновременно с этим менялся и облик самого села в его нагорной части.

Год от года здесь появлялись все новые и новые улицы, сейчас это улицы Воровского, Маяковского, Советская, Островского, Чкалова, Садовая, Некрасова. Здесь селились люди приезжие, и уклад жизни у них был совсем другой, чем у коренных васильчан. Появились новые ростки культурной жизни. В 1910 году в селе появилась футбольная команда, и тогда это было делом поистине удивительным. В 1915 году был построен народный дом, где ставились спектакли, была библиотека, а потом показывалось немое кино.

И все-таки влияние церкви на жизнь села и затона оставалось по-прежнему большим. Все важные вопросы в мастерских решались и делались при участии и под контролем священника Воскресенской церкви Соколова Николая Матвеевича. Начинали строительство нового цеха или закладывали новое судно – обязательно служили молебен. Закончили строительство – снова молебен с водосвятием.

Весной, перед тем, как уйти судам в навигацию, на каждом из них также служили молебен. Так что работенки у отца Николая хватало. В механическом цехе молебен служили в Николин день, а он бывает дважды в году (в мае и декабре), да еще и в Новый год. Ежегодно под Новый год устраивались елки с подарками для детей работников мастерских.

На территории мастерских стояла часовня довольно затейливой архитектуры. В каждом цехе имелись иконы, и убрали их только в 1923 году.

По большим праздникам весь церковный притч ходил по домам прихожан служить молебен. Священник отец Николай имел полное представление о жизни, достатке каждой семьи, знал, кто чем дышит. И в каждой семье притч в зависимости от достатка получал угощение и вознаграждение...

В конце лета 1914 года мирную жизнь васильчан омрачило тревожное известие – 3 августа началась 1-я мировая война. Хорошо еще, что из мастерских в действующую армию не брали. Но поскольку Министерство путей сообщения в то время ведало еще и шоссейными дорогами, в декабре 1914 года около 20 человек работ-

ников мастерских отправили на строительство моста через реку Вислу.

И вот наступил переломный для всей страны 1917 год. Волнующие своей новизной события происходили и в Василевском затоне, и в самом селе. В мае 1917 года здесь избирается затонком, и теперь уже он, затонком, принимает все определяющие жизнь мастерских решения.

В декабре 1917 года в селе создается парторганизация, пока в количестве 19 человек.

8 февраля 1918 года Совнарком принял декрет о национализации флота. В Василеве национализацией частного флота руководил затонком. В марте 1918 года на первом волостном собрании было объявлено о том, что теперь волостным центром будет Василево, а не Катунки.

А в стране в это время вовсю уже бушевало пламя Гражданской войны. Голод и бесхлебица царили во многих областях, в том числе и в Поволжье. Весной 1918 года в Василеве по инициативе затонкома была организована артель – коммуна для посадки овощей и картофеля. Разработали участок земли ранее принадлежавший Воскресенской церкви, там, где сейчас находятся улицы Первомайская, Краснозаводская и дома рабочего поселка. В коммуну входили и управляющий затоном, в то время Константин Михайлович Михайлов, и бывший пароходчик, а теперь снова котельщик Павел Григорьевич Чкалов, и коммунисты братья Иголкины. Голод объединил всех. Выращенный урожай делили соответственно отработанным трудодням, так как участок был общим. В Василеве – невиданное дело! – стали заводить коров, коз. Стадо коров доходило до 200 голов. Опять-таки по инициативе затонкома организовали артель «Скотовод». Члены артели косили траву на островах и в пойме Санахты, выставляли до 40 стогов и более чем наполовину обеспечивали стадо сеном.

Кроме того, некоторые работники затона по договоренности арендовали землю у крестьян ближайших деревень и там сажали картофель, сеяли просо, овес, рожь, пшеницу. По решению затонкома в селе была построена мельница, где можно было смолотить все – от картофельных очистков до пшеницы. Выделили баркас и баржу для поездок на реку Каму, и многие рабочие ездили туда за зерном, пшеном и другими продуктами.

Из-за войны все экономические связи в стране были нарушены, в

Василеве, как и повсеместно, не было самого необходимого – соли, мыла, спичек. Жители села возили соленую воду из Балахны за 36 километров на лодках против течения. Воду выпаривали, из четырех ведер рассола получался один килограмм соли. Но вот затонком организовал доставку соленой воды на шаланде в цистернах, ее выдавали по спискам. Обстоятельства заставили научиться варить мыло, делать спички...

В самом же затоне жизнь и работа шли своим чередом, каждую зиму готовили флот к очередной навигации, осуществлялся и капитальный ремонт отдельных судов, строились новые корпуса цехов. В 1922 году в затоне была введена сдельная оплата труда, рабочим были присвоены разряды от первого до десятого. До этого времени все еще сохранялась поденная оплата.

В 1924 году в затоне был построен плавучий док, и с введением его в строй мастерские перешли на круглогодичный режим работы. В этом же году затону было присвоено имя Ульянова (Ленина).

Еще не успели стереться в памяти трудные годы разрухи, а с 1925 года приступили уже к строительству рабочего поселка, и в 1927 году старинному селу был присвоен этот статус – рабочий поселок Василево.

В 1928 году в цехах затона внедряются новые технологии обработки металла – электросварка, автогенная резка и сварка, поступает новое оборудование и станки.

Технологический уровень производства, а также объемы выполняемых работ по сравнению с прежними мастерскими выросли несоизмеримо. И вот в июне 1932 года коллегия наркомвода решила затон им. Ульянова (Ленина) перевести в категорию заводов, и с того времени он стал называться судоремонтный завод им. Ульянова (Ленина). Новой жизнью зажил старый затон, новые отношения складывались между людьми.

Но это, как говорят, совсем другая песня...

Волгари

«Волгарь – коренной прирожденный судовщик, ходок по Волге; народ тертый, плут», – такое толкование давал этому слову

В. И. Даль.

Волга – матушка! Волга вольная! Какою-то необъяснимою, колдовскою силой притягивала она к себе людей и их души. Притягивала своим простором, величавой, щемящей душу красотой, возможностью хотя бы на краткий час, хотя бы иллюзорно почувствовать себя свободным человеком!

Но одним вольным воздухом сыт не будешь. Со времен бурлачества Волга давала пропитание многочисленному люду, населявшему ее берега. Кто-то имел от Волги кусок хлеба – и на том спасибо! Кто-то ловкий да башковитый обеспечивал здесь себе весьма и весьма безбедную жизнь. Не только жители волжских поселений, но нередко и крестьяне деревень и сел от Волги довольно удаленных, тянулись к ней, становились коренными волгарами. И примеров тому немало.

Василий Иванович Прокопьев, крестьянин деревни Жуково, что верстах в трех находилась от Василевского затона, как и другие жители деревни, имел надел земли, свой дом, хозяйство, семью. Но не лежала его душа к земле. Другого склада он был человек, тянуло к технике, к механизмам. И с молодых лет, еще в 1890-е годы стал он наниматься на земмашину помощником кочегара, кочегаром. Ум, данный от природы, любознательность и трудолюбие – все это способствовало тому, что Василий Иванович все выше и выше поднимался по служебной лестнице и так дошел до первого помощника механика. А ведь вначале-то и грамоты не знал, читать не умел. Са-

моучкою все постиг. И в машинном отделении своим умом до каждой мелочи, до каждого винтика доходил. Впоследствии мог починить даже и капризные судовые измерительные приборы, точную технику, манометры, часы.

А вот пример и посерьезней. Деревня Остапово, что находится рядом с Пурехом, от Волги она совсем далеко, километрах в двадцати. И совсем даже недурно жил в этой деревне в 1860-е годы еще один крестьянин и тоже Василий Иванович, только фамилия у него была Сироткин. Кроме хлебопашества занимался красивым делом да еще скупкой товара местных кустарей-древоделов. Товар продавал в низовьях Волги, спуская его в дощаниках по весенней путине.

Увидев на Волге первые пароходы, Василий Иванович не утратился этой «нечистой силы», и быстро сообразив что к чему, построил в Балахне пусть деревянный, пусть неказистый с виду, но свой собственный пароход. С пароходом торговые обороты увеличились вдвое, втрое. Вскоре у Василия Ивановича появились и настоящие металлические пароходы. Сынок его Дмитрий Васильевич, прошел на тятенькиных судах все волжские «университеты» от поваренка и матроса до капитана. Природа не обделила и младшего Сироткина сметкою да хваткой, и вот через некоторое время становится он купцом первой гильдии, крупнейшим и богатейшим, известнейшим по всему Поволжью пароходчиком.

Вон на какую высоту подняла, вынесла Волга – матушка человека!

Ну, если уж мужики окрестных деревень кормились от Волги, то васильчанам быть волгарями сам бог велел. Когда, начиная с 1860-х годов, бурлачество постепенно стало сходить на нет, то у василевских купцов-хлеботорговцев появились свои пароходы. Лоцманы, ходившие прежде по Волге на расшивах, теперь в этой же должности стали служить на пароходах. Навыки водоливов и

шкиперов пригодились и на новых судах. Кто-то на пароход нанимался боцманом, кто-то рулевым или матросом. Племя волгарей-васильчан продолжало жить и здравствовать!

В те далекие времена один буксирный пароход успевал сделать в низовья Волги две – три ходки. Путь каравана с хлебом, от Самары до Рыбинска даже и в конце XIX века занимал 25 дней, от Балакова или Саратова на 3-5 дней больше. До Василева путь покороче, но и он занимал недели три.

На ночь караваны останавливались, судовой обстановки не было, а Волга на перекатах была так мелководна, что и днем-то в этих местах

провести тяжело груженные баржи было непросто. Много времени занимала погрузка дров для топки котлов, другого топлива пока еще не было. До того как появились первые пассажирские пароходы, к грузовому каравану нередко прицеплялась и баржа, приспособленная для перевозки людей. Путешествие пассажира от Астрахани до Нижнего Новгорода занимало месяц.

С появлением в Василеве в 1883 году казенных мастерских - судоремонтного затона - племя волгарей возросло несоизмеримо и с каждым годом становилось все многочисленней. В зимнее время чуть не половину жителей села составляли водники. В основном это были люди приезжие, но и они нередко обустроивались в селе, обзаводились крепенькими домами, пускали корни в эту благодатную, приволжскую землю. Время, будто волжским песком, замыло, заволокло имена самых первых командиров и багермейстеров земмашин, капитанов и механиков пароходов, но вот память о тех из них, кто жил в селе в начале XX века, еще сохранилась. Живы семейные предания о династии лоцманов и судовых механиков Чуразовых. Из василевских былей можно узнать о друзьях – приятелях П. Г. Чкалова, багермейстерах Малахове, Пименове, Фролищеве. На Нагорной же улице невдалеке от Чкаловых жила семья капитана Риехакайнена.

Типична для Василева и семейная хроника династии волгарей Туговых. Эта династия началась с бывшего крестьянина Тугова Федора Ивановича, приехавшего с семьей в наши пределы от преследований помещика в 1860-х годах. Он поставил дом в прилегавшей к селу деревне Ивановской (ныне ул. Чернышевского) и стал работать на пароходах сначала в должности матроса, а затем и боцмана. Долгое время ходил боцманом на пароходе «Межень», принадлежавшем судовладельцу В.А. Владимирову. По стопам отца пошли его сыновья Александр и Николай.

В той же деревне Ивановской, где жил отец, построил кирпичный двухэтажный довольно внушительных размеров дом. Дом этот сохранился и по сию пору, хотя без должного хозяйского надзора стал ветшать.

В деревне Ивановской водники селились охотно из-за ее близости к Василевскому затону, то есть к месту работы во время зимнего отстоя. Второй сын Федора Ивановича Тугова, Николай, до октября 1917 года проходил флотскую службу в г. Хельсинки, служил мотористом на тральщике. Вернувшись в 1918 году в Василево, женился и вместе с женой плавал в должности штурвального на пароходе «Ека-

терина», который с весны 1925 года стал называться «Клара Цеткин». Это был правительственный пароход, на котором отдыхали многие члены правительства того времени, в том числе Н. И. Бухарин, И. В. Сталин. Летом 1925 года на нем отдыхала и сама Клара Цеткин со своими сыновьями и снохами.

Позднее Н. Ф. Тугов плавал на пароходе «Стрежень», на катере «Шторм». А вообще – 13 человек из рода Туговых работали или до сих пор работают на судах речного и морского флота.

Перовский Григорий Григорьевич работал на судах дноуглубительного флота около 50-ти лет, дослужился до командира землечерпательной машины. А с Волгой подружился, почитай, еще в позапрошлом веке. По его стопам пошли и дети – Василий и Алексей. Василий Григорьевич начал свой трудовой путь на волжских судах с четырнадцати лет и проработал сорок две навигации, на пенсию ушел со своего любимца парохода «Заструга» в 1956 году. На пароходе работали и жена его в должности кока и один из сыновей. Так что пароход был для него поистине домом родным.

Александр Федорович работал на землечерпательных

И таких династий волгарей-водников в Василеве было немало.

Вернемся, однако, в Василевский судоремонтный затон. Уже к 1917 году на Волге работало 29 земмашин. Почти все они, а также и обслуживающий их флот – пароходы-буксировщики, пароходы-шаландеры, разъездные суда, катера, кроме того, еще и вспомогательный флот – нефтянки, шаланды – все эти суда осенью, когда заканчивалась навигация, заполняли акваторию затона. Команды земмашин и пароходов по прибытии в затон делали зачистку подсланевых вод, спускались пары, делалась зачистка котлов, после чего на всю зиму команда отправлялась в отпуск. Те, у кого в Василеве не было собственного жилья, вынуждены были искать квартиру до весны, до следующей навигации. Часть команды зимой занималась так называемым саморемонтом, выполняя несложные работы, которые были посильны масленщикам, кочегарам. Ответственные ремонтные работы выполняли квалифицированные кадровые рабочие затона. Обязанностью капитана и оставленных на саморемонт людей было сделать выморозку требовавших ремонта колес, винта, руля. Или сам капитан, или кто-то из членов команды вручную пешней окалывали лед вокруг подлежащего ремонту колеса, делая углубление, насколько позволяла толщина льда.

В этом месте лед становился тоньше, и мороз снизу со стороны

воды, наращивал его толщину до прежней. Тогда опять брались за пешню, опять долбили ямку, постепенно углубляя и расширяя ее. Эта операция повторялась до тех пор, пока яма-выморозка не обеспечивала свободный доступ к колесу, винту или рулю. Таким образом можно додолбиться и до речного дна, для этого нужны только мороз, время и труд.

При долблении ямы-выморозки, когда лед становился совсем тонким, неосторожным ударом пешни он бывало что и пробивался насквозь. Для такого случая, чтобы не затопило водой всю яму, под рукой всегда была пакля, которой и затыкали пробоину. Неприятный момент, но поправимый. Сама же ситуация называлась – «достать попить». Когда выморозки бывали готовы, приходили слесаря - ремонтники, кувалдочками правили погнутые тяги, заменяли поврежденные плиты и так далее.

В конце зимы, это где-то уже в марте, когда солнце начинало хорошо припекать, принимались долбить так называемый «двор». Для этой работы вызывали из отпусков досыта уже нагулявшихся, одуревших от безделья волгарей. На лед эта немалая армия людей выходила с шутками и прибаутками, все с пешнями, как будто бы воины с мечами.

И вот эти воины вставали в линейку и начинали долбить канал от Василевского затона до Рахмановского. А Рахмановский затон на другом берегу Волги. Там зимовали баржи, брандвахты, вообще все деревянные суда. Нелегкая это работа – долбить «двор»! В обед натруженная пешней рука дрожит так, что трудно ложку, не расплескав, до рта донести. Так для чего же нужен был этот канал – «двор»? Назначение его состояло в том, чтобы очистить ото льда акваторию затона заранее, задолго до ледохода, чтобы было время и возможность опробовать паровые машины, двигатели и ходовую часть после ремонта на чистой воде. Для того чтобы очистить воду, лед в затоне опять же пешнями кололи на отдельные льдины, их вручную проталкивали по каналу, ширина которого была около двух метров, до места, где уже была быстрина, сильное течение. В самом затоне вода была стоячая. Льдины шестью, баграми заталкивали под матерый лед Волги, и их течением уносило вниз. Физиономии занятых на этой работе волгарей на жгучем мартовском солнце в течение месяца становились темно-коричневыми, как у негров. И, как у негров, на шоколадных физиономиях сверкали только белки глаз да зубы.

В апреле, перед самым ледоходом, на земмашинах и пароходах

начинали «поднимать пары». Не одновременно, конечно. В послевоенные 1940-е годы первым «поднимал пары» баркас № 12. У него было две машины, два винта, и он был очень маневренный, мог развернуться на месте при команде капитана: «Левая – вперед, правая – назад».

Этот баркас помогал окалывать лед вокруг остальных судов, и льдины опять же отправляли во «двор».

В затоне зимовали и другие баркасы – №15, №17, и все же первым «шустрить» в затоне всегда начинал двенадцатый. Но вот уже подняла пары «Стрелка», следом за ней «Бакенщик». А там – «Полой», «Прибой», «Заструга», «Межень»... Команда, конечно, уже на месте, и домой ходили только от случая к случаю. В конце ледохода, еще и отдельные льдины плывут по Волге, а пароходы уже пошли «на пробу», как правило, до Катунки и обратно. Затем каждое судно должно было пройти регистрационные испытания. Для этого на берегу был установлен «мертвый якорь», к нему цепляли буксирный трос, устанавливали динамометр, и по его показаниям определяли, какое тяговое усилие создавал пароход, и соответствует ли оно паспортным данным. Это был самый объективный показатель качества зимнего ремонта.

Наконец, поднимали пары и на самих земмашинах, и вот уже их команды начинали «таскаться», то есть носить на судно свои пожитки – постель, посуду, одежду...

Волгари! Это легкое на подъем, вольное племя людей, увязав в узлы немудрящий свой скарб, будто цыгане, снимались с оседлого, теплого жилья и шли, спускались вниз по затонскому съезду, чтобы поселиться в маленьких и тесных, с одним подслеповатым окошком, каютах брандвахт или в металлическом чреве земмашины.

Перед отплытием в рейс на берегу возле затонского съезда устраивались прощальные танцы с музыкой, со смехом и слезами. С родными расставались надолго, на целое лето...

Уходя от родного берега, пароходы давали «прощальные» гудки. Эти, не предусмотренные никакими сводами сигналов, продолжительные, переменной тональности гудки зависели только от «музыкальных» способностей капитанов. После всего этого пароходы с земснарядами отправлялись к местам работы и домой не возвращались уже до осени. Но это относится только к пароходам-шаландерам, работавшим в паре с земмашиной. Обстановочные, подменные, разъездные и среди лета нередко заходили в Василево-

Чкаловск.

Рядовой состав команды судна размещался и жил обычно в металлической утробе путейского пароходишка, куда божий свет плохо проникал через мутное стекло иллюминатора даже в самый светлый, солнечный день. Команды земснарядов жили на брандвахтах. В таких далеких от комфорта условиях целых погода жили кочегары и масленщики, матросы и лебедчики, мотористы и рулевые. Эти жизненные неудобства с лихвой окупались тем ощущением полной свободы, какое бывало, когда волгарь, отстояв вахту, не имел и не знал вообще никаких обязанностей и забот, даже и забот о пропитании. На судне для всех желающих был организован так называемый колпит – коллективное питание. Этой услугой пользовался почти весь рядовой, а зачастую и командный состав. На коллективное питание из зарплаты ежемесячно вычиталась энная сумма, и этими деньгами на земснарядах распоряжался специально выделенный человек – колпитчица. Она закупала на берегу все необходимые продукты, макароны и крупы, картошку и лук, тушенку и сгущенку. Повариха готовила из этих продуктов обед и ужин.

Столовая размещалась в трюме брандтвахты. До комфорта и шика, каким обладали рестораны пассажирских пароходов, тут было весьма далековато. Широкий и длинный стол посреди трюма, по обе стороны от стола – длинные скамьи. Все это было сделано отнюдь не из дерева ценных пород, однако сбито прочно, крепко и надежно. Рядом со столовой, за переборкой, размещалась кухня, то-бишь камбуз, где у плиты ловко управлялась с котлами, бачками и кастрюлями упитанная, как ей и положено быть, повариха. Меню коллективного питания по понятным причинам не отличалось большим разнообразием. Основу мясных и рыбных блюд составляли свиная или говяжья тушенка, да какая-нибудь сайра в томатном соусе. Второй составляющей этих шедевров поварского искусства были картошка, макароны, иногда крупа. Семейные к обеду подкупали на берегу что-нибудь из зелени и овощей, ягоды, яблоки. И все же питание при относительной его дешевизне было довольно сытным, а после восьмичасовой вахты – нередко на пронизывающем ветру и под дождем – казалось даже и вкусным. В столовой питались сначала те, кому предстояло отправиться на вахту, потом их сменяли люди, отстоявшие свое, вернувшиеся с судна.

Если во времена бурлачества артель перед вкушением пищи обязательно молилась Богу, а за обедом не полагалось никаких разгово-

ров, если в дореволюционные времена на любом судне в обязательном порядке имелась икона, и люди хоть немного, да побаивались Бога, то в социалистическую эпоху нравы и нравственность волгарей круто изменились. То, что за стол садились лоб не окрестив, это уж ладно. Но вот и за столом, во время обеда, зачастую творилось такое, что и во сне не приснилось бы бурлакам-вахлакам.

Остряки-самоучки то и дело отпускали так щедро присоленные и приперченные штучки-шуточки, что даже и тертые, перетертые девки-лебедчицы, охваченные удущьем от безудержного смеха, пулей выскакивали из-за стола. Поперхнувшись недожеванной ротушкой хлеба, они убегали в угол, чтоб отдышаться, а отдышавшись, в поту и краске, возвращались на свое место.

Искусство «мастеров художественного слова» заключалось вовсе не в том, чтобы отпустить банальный матерок. Это и дурак бы смог.

Нет! Как ювелир заключает драгоценный камень в затейливую вязь из серебряной скани, так и острослов – виртуоз помещает матерок в мудреную словесную витиеватость. Долго до смысла надо добираться, а как доберешься, тут тебя и разразит смехом, будто громом небесным!..

Но – ладно. Хорошо ли, плохо ли – поел волгарь. И вот, покушал – и все! И никаких тебе забот! Как говорится, ни за тобой, ни перед тобой!.. Дыши пьянящим речным воздухом, вперяй взгляд в отуманенные дымкой бескрайние волжские дали!

А ежели кажется, что воздух недостаточно пьянит, ну что же – сходи на берег, у какого –нибудь «Голубого Дуная» выпей кружку другую пива, а то можно и сто грамм с прицепом пропустить. Знай только меру! Не позволяй соблазну овладеть собственной душой, потому как вследствие этого на ум заходит затмение, и тело становится совсем не своим. Не слушаются, понимаешь, в таком разе ноги, и тут уж в буквальном смысле слова до беды всего один шаг. Шатки-ми становятся в это время трапы и сходни. Ежели Бог сохранит и не даст утонуть, так отец-командир – раз спустит, два спустит, а на третий даст расчет, и катись тогда на все четыре стороны.

Молодые ребята, а если любители, то и те, кто постарше, нередко в свободное от вахты время ловят рыбу. Наловят уклейки целое ведро, присолят, на бечевке повесят на солнышке вялиться. Потом на вахте шелушат рыбешку вместо семечек. Заядлые рыбаки ловят рыбу и по серьезному, на подпуска да на жерлицы, а то и сетчатку поставят. И тоже рыбу солят да сушат впрок. Кто умеет – плетут в свобод-

ное время корзинки. Особенно этим делом занимаются ближе к осени, когда тал уже выпеет. Наготовят вязанки тала и впрок для зимней работы. У кого нет таких способностей, гонят втихаря самогон, используя для этого нехитрые приспособления из тазиков и кастрюль. И ничего – неплохой самогон получается.

Женская часть команды, если брандвахта стоит у берега возле какого-нибудь поселка, чаще всего отправляется потолкаться по местным магазинишкам, по базару. Если время, свободное от вахты, попадало на вечер, при желании можно было сходить посмотреть киношко в клуб. Наконец, можно было просто потоптаться, походить по твердой, не шаткой под ногами земле вдали от душераздирающего скрипа черпаковой цепи беспрестанно работающей машины.

Но это все было возможно, если разработка грунта велась возле пусть даже и самого захудалого, захолустного, но людского поселения, что бывало далеко не всегда. Перекаты да мели – они ведь не выбирают себе места, их делает река.

И когда работы велись на значительном расстоянии от жилого места, ставить брандвахту у берега не имело никакого смысла, и она зачаливалась непосредственно к земмашине. В этом случае круг возможных передвижений и действий в досужее время значительно сужался. Вообще на брандвахте или судне бывает обыкновенно комната отдыха, ленинская комната или кают-компания. Там всенепременно бывает стол, накрытый красным сатином, портрет или бюст В. И. Ленина, по углам стоят фикусы и пальмы в дубовых кадках. Там есть шашки-шахматы, домино, иногда даже и бильярд есть. В шкафчике – периодически меняющаяся библиотечка, можно взять почитать, скажем, роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Однако в судовой команде завсегда бывали молодые ребята-ухари, горячие, будто необъезженные жеребцы. Бывали и лядащие, солощие на любовные утехы девки-лебедчицы, а еще многоопытные, выдавшие виды и вечно томимые любовным голодом прожженные волгарки, обыкновенно старые девы, чья жизнь вся, почитай, прошла на Волге.

В военные годы из-за нехватки кадров эти должности занимали женщины.

Посему почва для романов отнюдь не книжных, а самых что ни на есть реальных и жизненных была наиболее приятнейшей.

Все это так, все это хорошо. Но не для забав да утех существовало судно и его команда, а для выполнения поставленной перед ними задачи. И если этим судном был земснаряд, то для выполнения вполне конкретного, в цифрах выраженного плана по выемке грунта

или строительного гравия. Так что развлечения развлечениями, а приходит час, и надо отправляться на судно кому в кочегарку, кому в машинное отделение, кому к лебедкам и тросам. В этот час шкипер брандвахты садится в лодку, зачаленную к корме этого речного общежития, одевает на корявые, изуродованные долгой работой руки старенькие вытертые брезентовые верхонки. Там, в корме, специально сделан деревянный трапик, а внизу деревянный помост, чуть приподнятый над уровнем воды, все это устроено для того, чтобы удобней было забираться в лодку. Вслед за шкипером с шутливой перебранкой, с перекрестными подколами и подначками усаживались в лодку отправляющиеся на вахту люди. И вот неторопливо и мерно захлопают по воде весла, застонут, заскрипят уключины. Речной сыростью опухнет лицо, неповторимым запахом волжской воды наполнится грудь.

Если смена отправляется в ночь, то вода эта густа и темна, как мажут, и только огни от стоящей впереди земмашины – зеленые, красные, желтые – змейками вытянулись поперек реки, разноцветной чешуей дробятся и крошатся на зыбкой волне. Все ясней становятся очертания земмашины, все четче проступает из темноты силуэт этого громадного несуразного чудовища, сияющего в ночи светом прожекторов, иллюминаторов, мачтовых и топовых огней, шипящего и харкающего перегретым паром из отверстий в бортах. Но самое ужасное – это те дикие, леденящие нутро звуки, тот скрежет и лязганье, какими это чудовище оглашает всю округу на много верст окрест.

Землечерпалка-грязнушка! И кто тебя, зверюга, выдумал?! Но – ко всему привыкает человек, привыкает и к этому скрежету, и к этой работе привыкает, как и к любой другой. И вот лодка у борта земмашины, оттуда подали веревочный трап, и прибывшая смена занимает свои привычные места. Лодка же, забрав людей, отстоявших свои восемь часов, возвращается к брандвахте.

Команда любого судна – хоть парохода, хоть земснаряда – всегда делится на верхнюю и нижнюю. Нижняя команда называется так потому, что место ее работы внизу, в трюме, под главную палубой. Там размещаются котельное и машинное отделения. Больше половины помещения котельной занимает огромный котел на две топки. С противоположной стороны – цистерны, расходная топливная, водяная, насосы с электродвижками. Все чрево котельной вдоль и поперек опутали толстые и тонкие трубы с различной арматурой – вен-

тили, заглушки, краны, пробки. Но во всей этой премудрости кочегару разбираться и необязательно, на это есть механик. Его, кочегара, дело – шуровать котел, следить за давлением пара в его недрах, глядеть на стрелку манометра, чтоб не зашла за красную черту. Но если и зайдет – беды не должно произойти. Должны сработать предохранительные клапаны и выпустить лишний пар. Но такому кочегару – стыд и позор на всю Европу! Да ведь и шут его знает – сработают ли клапаны? Надо поглядывать и на водомерную колонку, не прозевать, вовремя подкачать в котел воды. Надо поглядывать на уровень мазута в расходной цистерне. И держать, держать пар, чтобы его, родимого, досыта хватало машине, во все лопатки взъяривающей за стенкой, в машинном отделении.

В конце вахты в котельной надо навести марафет, убрать, ветошью вытереть все мазутные пятна, шваброй выдраить рифленные стлани.

Ну а, в общем, работа кочегара, если котел работает на жидком топливе, не так уж и тяжела.

Установил, отрегулировал нужную подачу топлива в форсунки, и сиди себе, слушай, как клокочет и ухает огонь в топках, как трясутся, дребезжат литые чутунные фронтоны топок.

Неудобство заключается в несусветной жаре, что стоит в котельной, да еще в том, что во время ночной вахты страшно хочется спать. Вот сидит парнишка-кочегар на железной сидухе возле котла, от жары разомлеет да и сам не заметит, как закемарит. Помощник механика засечет это дело, холодненькой волжской водички ведро принесет, да и окатит его сверху с головы до ног. Вот тут как рукой снимет сон!

В другой раз, чтобы сон не сморил, возьмет паренек книжку почитать. Нет! И книжку читать нельзя! Выхватит механик книжку, да и за борт ее в набежавшую волну. Это чтоб не отвлекался, а то зачитаешься и про манометр и про водомерное стекло забудешь.

На мазуте что не шуровать! Вот когда в топку уголек совковой лопатой кидали, а особенно когда шуровали дровами, тут уж было не до книжек, не да газеток. Не семь, а семьдесят семь потов за смену сойдет!..

Машинное отделение расположено рядом с котельной и отделено от него металлической переборкой с металлической же, герметически закрывающейся дверью.

В машинном отделении тоже тепло, но такой жары, как в котельной, нет. Еще там всегда чисто и опрятно. И масленщики не так чу-

мазы, как кочегары.

Посредине просторного помещения стоит паровая машина, обнесенная смотровым помостом с медными поручнями. Этот мостик предназначался для наблюдения за работой машины, для удобства в проведении различных профилактических и ремонтных работ. Всякий человек, увидевший паровую машину впервые, не мог отделаться от ощущения, что это какое – то удивительное, фантастическое, но живое, одушевленное существо, беспрестанно и с сумасшедшей скоростью сучащее многочисленными локтями и коленками. Машина вначале внушала даже некий безотчетный страх, а по мере привыкания к ней – почтение, уважение и даже любовь.

С какою любовью стараниями ребят–масленщиков бывали, надраены аж до зеркального блеска все латунные и медные детали машины, арматура, всевозможные краники и сами масленки Штауффера. Через масленки подается смазка к трущимся деталям, и их постоянно приходится набивать солидолом или подливать в них машинное масло. Из-за них–то пошло и само название должности – масленщик.

С особым шиком были выдраены поручни трапа и смотрового мостика вокруг машины. Десять сантиметров поручня чистились продольным движением шкурки–нулевки, следующие десять – поперечным, по окружности трубки.

В стороне от машины находился слесарный верстак с тисочками и всем необходимым инструментом, у хорошего механика в машинном отделении были и сверлильный и токарный станки. Небольшой ремонт при поломке машины или другого механизма здесь можно было сделать своими силами. Вообще–то паровая машина обычно была сработана так хорошо и надежно, что, казалось, и сто лет ей не будет износа. Чаще всего при надлежащем уходе так и бывало. Но нет–нет да и у нее случался сбой в работе, при чем такой, что сразу и не поймешь в чем дело, что произошло. Механик – уж он ли не дока, он ли не профессор – мучается, ночами не спит, а никак не может уяснить причину каприза. Но, в конце концов, разгрызет – таки орешек, разгадает загадку главный судовой знахарь.

И уж тогда – гора с плеч!

Денно и ночью, оглашая окрестности оглушительными воплями поднимающихся из воды черпаков, работает землечерпательная машина. Бесконечною чередой один за другим вылезают из темной речной глубины чугунные черпаки, наполненные рыжеватою

грязью, вынутым со дна грунтом. В иные времена была в ходу такая шутка: бывалый волгарь, желая подшутить над впервые пришедшим на земмашину новичком, говорил ему: «Вот выйдет из воды последний черпак – позовешь меня». Ждет, ждет паренек последнего черпака, никак не дождется. Да и дожждаться нельзя, потому как черпаки эти соединены цепью в неразъемное кольцо, а у кольца, как известно, нет конца.

Из черпаков грунт вываливается в наклонный отводной железный лоток, а по нему уже желто-серая жижа стекает в причаленную к борту земмашинной шаланду. Когда чрево шаланды становится полным, пароход – шаландер отводит ее в сторону, а на ее место становится другая, порожняя.

Груженная шаланда отводится подальше от фарватера и там опорожняется. Грунт из нее вываливается сам после того, как откроются разъемные створки днища. Опросталась шаланда, и вслед за этим створки закрываются. А чтобы шаланда при этом не затонула, борта ее делают двойными, воздушный резервуар и держит ее на плаву. Вот так челноком и таскает буксирчик шаланды то от земмашинной, то к ней. И круглые сутки, денно и нощно, метр за метром грызут черпаки речное дно. Вот выгрызут какой-то участок до нужной глубины, и машина намертво пришпиливается двумя закольными сваями к тому месту, где стоит. В это время поднимаются носовые якоря – их два – и на лодке-завозне отвозятся далеко вперед, насколько позволяют троса носовых лебедок. Точно так же поднимаются и кормовые якоря – их тоже два, но их перевозят ближе к корме судна.

Когда машина оказывается, таким образом, расчлененной на четырех якорях, закольные сваи поднимают станowymi лебедками, а черпаковая цепь сквозь прорезь в носовой части корпуса машины опускается на дно.

И вот опять натужно заскрипели шестерни привода, заскрежетами звенья черпаковой цепи, залязгали черпаковые пальцы. Вновь началась работа.

Вообще всеми дноуглубительными работами на земмашине руководит багермейстер. «Багер» на голландском языке означает «грязь». Оттого и земмашинны иногда пренебрежительно называют грязнушками. Багермейстер же соответственно – мастер по выемке грунта, или грязи. Он вехой вымеряет дно на участке судового хода до начала работ, он проверяет, вымеряет и результат работы. Под началом багермейстера и его помощников кроме лебедчиков рабо-

тают еще и матросы. У матроса обязанности вроде не ахти какие мудреные - подай чалку, да отдай чалку, вымой палубу в конце вахты. Однако в работе на судне возникает множество всяческих непредвиденных ситуаций, и матрос в этих нештатных ситуациях должен быть смекалист, разворотлив, обладать хорошей реакцией. Тугодум да увалень к этой работе непригоден.

Бывает на судах и такая должность, как старший матрос или боцман. Он следит за состоянием всего такелажа, канатов и тросов, хозяйственного и пожарного инвентаря, прочего оборудования и снаряжения. Обыкновенно это опытный волгарь, который многое знает и многое умеет. Он умеет заделать петлю на конце хоть стального, хоть пенькового каната. С помощью кодочига, толстого шила, умеет срастить оборвавшийся трос. Если оторвалась от линька и утонула легость, сделает новую. Вы не знаете, что такое легость и как она делается? Если хотите, я вам расскажу.

Чтобы сделать легость, прежде всего шьют из парусины небольшой мешочек величиной чуть поменьше ладони. Этот мешочек плотно набивают речным песком и зашивают наглухо. Затем его особым образом оплетают тонкой крученой веревочкой, в результате чего получается круглая кубышка, величиной и формой похожая на гранату. Теперь к этой кубышке осталось привязать тонкую, легкую бечеву, линь – и все, и легость готова. А нужна она вот для чего. Нередко бывает так, что пароходу трудно аккуратно и точно подвалить к дебаркадеру, к причальной стенке, или буксировщику трудно поставить баржу под погрузку или выгрузку. Расстояние между объектом А и объектом Б не позволяет подать чалку, толстый и тяжелый канат. Вот тогда-то и привязывают к петле каната конец линька легости, а саму кубышку точно так же, как гранату, бросают с борта парохода на дебаркадер, причальную стенку, вообще туда, куда надо пристать. Там легость ловят, линьком вытаскивают учалочный канат, надевают петлю на кнехт, после чего подвалить становится гораздо проще.

Если хорошо приглядеться, то и многое другое из судового снаряжения сделано с помощью мудрых, столетиями выработанных приемов. Посмотрите хотя бы, как прочно, аккуратно и красиво заделан конец веревки-линька – она называется темляк – у дужки пожарного ведра! Что и как делается словами описать трудно, но попробую еще рассказать, как делается швабра. Знаю, что это вам никогда не пригодится, но ведь интересно же! Ну вот - сначала подби-

рается подходящая для черенка палка и гладко остругивается, после чего на нижнем ее конце вырезается ножом две выемки, два колечка на расстоянии от конца и друг от друга сантиметров пять. Затем от пенькового каната надо топором оттянуть три-четыре обрубка метровой длины. Пряди каната распускаются и собираются в один пучок. Это пучок равномерно распределяется вокруг черенка, причем пряди сначала направляются к верхнему концу ручки. Нижняя часть пучка крепко привязывается к выемке расположенной подальше от конца черенка. После этого пряди направляют вниз, как им и быть положено, и теперь их привязывают к нижнему углублению в черенке. И тоже очень крепко. Первое крепление, таким образом, оказывается скрытым внутри. Ну, что же – осталось просверлить дырку в верхнем конце черенка и продеть в нее веревочную петлю. Это для того, чтобы швабра не вырывалась из рук, когда ею елозят по палубе туда-сюда обратно, или когда ее нужно помыть в речной воде за бортом. За эту петлю швабру вешают на крюк для сушки. Продели петлю – и все, готова швабра!

Старшим надо всеми на земснаряде является командир, на пароходе – капитан. Он на судне и царь, и бог, и воинский начальник. Он отвечает за все – за само судно, и за людей, и за выполнение плана. Командир нанимает людей на работу и увольняет, когда в этом возникает необходимость. Ему в управлении спускают план, он пишет и отчеты. Чаще всего сам и зарплату выдает – бухгалтеров да кассиров на судне нет. Командир следит за своим внешним видом. Он всегда гладко выбрит, брюки наглажены, ботинки начищены, пуговицы на кителе надраены.

Командному составу полагается речная форма, но на земмашине работа такова, что ее, форму, надевают разве что, когда пойдут пофорсить на берег. Командир же почти всегда при форме и тем самым как бы задает тон, пример дисциплинированности и порядку на судне. Командир, механик и их помощники жили в каютах на самой машине. Ведь работа все-таки идет на воде, и мало ли что может случиться. От быстроты принятых мер часто зависит жизнь людей. Ну, и комфорта в командирских каютах бывает побольше, чем на брандвахте.

Несколько слов надо сказать об особенностях работы еще одного земснаряда - землесоса. Уже само название говорит о другом принципе дноуглубления. Основным рабочим механизмом на землесосе является сосун, он при работе опускается к самому речному дну.

Чтобы легче было засосать грунт, рядом с соплом сосуна устанавливается разрыхлитель, в него под большим давлением подается струя воды. Засасывание грунта обеспечивает мощнейшая рефулерная помпа, огромный насос, установленный в машинном отделении земснаряда. Насос этот так силен, что справляется с прокачкой пульпы, смеси грунта с водой, через плавучий трубопровод-рефулер на расстояние больше сотни метров. Если рефулерная помпа приводится в действие двигателем внутреннего сгорания, то на землесосе нет ни кочегаров, ни масленщиков. Там у двигателя суетятся механик, его помощники да мотористы. Землесосы используются не только для углубления дна, а весьма успешно и для добычи строительного гравия, песка, для намыва дамб в гидростроительстве.

Но возвратимся к землечерпательной машине. Когда бывает расчищен фарватер на одном перекате, ей дается другое задание. Передвижение, буксировку земмашин к месту работы обеспечивает путейский пароход-буксир. Обыкновенно он тащит за собой целый караван, где, кроме самой машины, учалены еще и брандвахта, и шаланды, и лодки-завозни, а если это землесос, то и понтонный рефулер.

В 1950-х годах разводкой судовых караванов по местам работы занимался пароход «Академик Шухов». Это был мощный, очень сильный пароход, однако после весенней разводки караванов «Шухов» все лето стоял на приколе в затоне. Работы для него больше почти и не было до самой осени.

Не с шаландами же ему с такой-то силищей валандаться! И осенью так же – приведет земснаряды в затон – и все, опять на отстой. Первым капитаном на «Шухове» был Лев Деянов.

В 1950-е годы речные суда стали строить серийно, на Волге появились Сормовские «музыканты», Рыбинские «академики». Из этой серии и был «Академик Шухов». Однако большинство путейских пароходов было не только довоенной, но даже еще и дореволюционной постройки. Все они строились по индивидуальным проектам, и глаз опытного волгара издалека мог узнать и отличить «Межень» это показалась из-за острова или «Стрежень» именно по конструктивным особенностям.

Но вот окраска у путейских пароходов была у всех одинаковой – белая надстройка и черный корпус, труба – черная с белой полосой или же белая с черной полосой. Так красили все пароходы Волжского бассейнового управления пути.

Пароходств на Волге было много, но каждое применяло только ему одному присущую окраску судов. Суда «Волготанкера», например, окрашивались в серый цвет, «дичь», на трубе были две красные полосы.

У каждого парохода был свой свисток с неповторимым тембром звучания. Волгари рассказывали байку о штурмане, любителе сходить «налево», который подходя к пристани в Чкаловске, специально давал гудок не в полную силу, а тихонько, чтобы жена не узнала и не прибежала на пристань для разборки.

Почасовой распорядок несения вахт на всех судах был в те годы одинаков. Поскольку рабочий день составлял восемь часов, то команда парохода состояла из трех вахт. Одновременно вахту несли семь человек: вахтенный начальник (капитан или штурман), рулевой, матрос, и в нижней команде – механик или его помощник, масленщик и два кочегара. Кочегаров при дровяном топливе было в одной вахте двое, так как шуровать котел на дровах очень тяжело. Итак, для несения трех вахт необходимо двадцать один человек, да еще в состав команды входил кок, обычно жена капитана или одного из штурманов. Распределялись для несения вахт так: в восемь утра на вахту вставали вторые помощники капитана и механика и стояли до 12 часов дня, с двенадцати до двух часов дня стояли капитан и механик. С двух дня до шести часов вечера вахту несли первые помощники. Таким образом получалось, что менее опытные вторые помощники вахту несли только днем, в светлое время суток. А в ночь, в самую темень – капитан с механиком.

Состав команды земснаряда в силу специфики его работы был, как уже об этом говорилось выше, несколько другим, но принцип распределения несения вахт оставался примерно таким же.

Самые благодатные для всего экипажа земмашинны дни – это дни буксировки. И хоть на вахту все равно идти надо, когда твой час подойдет, но какая работа во время буксировки? Работы нет. Сиди да покуривай, наблюдай, как проплывают мимо берега – то пологие, то крутые, с деревнями, селами и поселками. То беленькая церквушка покажется, то вышки высоковольтной линии. Картины неторопливо, будто в замедленном кинопоказе сменяют одна другую. К вечеру сиреневая мгла окутает Волгу, и тогда она обретает особую таинственно-загадочную красоту. Зажгутся огоньки на бакенах, на буях, на створах. Луна взойдет, выплывет из-за берега большущим желтым шаром. А жизнь на реке идет своим чередом. Вот путейский караван

в два счета обставит весь расфуфыренный, сверху донизу сияющий огнями пассажирский пароход.

Вот пытит, ползет навстречу пузатенький, прокопченный, черный, будто жук, трудяга – буксир, тянет длиннющий плот. А на плоту сделан шалаш, и костерок горит, голубой дымок от него стелется по Волге, плотогоны в котелке варят ушицу.

Плывут, проплывают, остаются в сизой мгле берега, и лишь луна, будто верная собака, никак не отстает, все бежит и бежит за караваном...

Вот когда хорошо на Волге! Вот когда расслабляющая истома и благодать разливаются по всему телу, по всем его закоулочкам! Разве может что-нибудь сравниться с этим блаженством? Может! Совсем уж невыразимое словами сладкое, щемящее чувство овладевает душой волгаря во время последней буксировки, когда караван справляется домой.

Уже и мухи белые летят сверху из седых туч, а внизу о борта шебуршит ледяное сало. И вывешенную сушиться швабру прихватило, заковало морозцем.

Плывут, проплывают мимо припорошенные снегом берега, а у волгаря комок подкатывает к горлу, и в глазах вдруг что-то зарябит, затуманится! Ведь караван идет домой, в родное Васицево! В милый сердцу Чкаловск!...